

ФРАНСИС КОНТ

К ПОЛИТИЧЕСКОЙ
АНТРОПОЛОГИИ
СОВЕТСКОЙ
СИСТЕМЫ

Внешнеполитические аспекты

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2003

ЯЗЫК. СЕМИОТИКА. КУЛЬТУРА

МАЛАЯ СЕРИЯ

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва
2003

ББК 66.3(2Рос)12
К 64

Конт Ф.

К 64 К политической антропологии советской системы: Внешнеполитические аспекты / Пер. с фр. Я. Ю. Богданова. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — 224 с. — (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия).

ISBN 5-94457-080-6

Составившие сборник статьи Ф. Конта были написаны в разные годы. В них анализируются проблемы, относящиеся к двум узловым моментам советской истории — послереволюционному периоду и времени правления М. Горбачева. Эти работы объединяют три важных фактора: во-первых, тематическая общность — Советский Союз как особая система в контексте международных отношений; во-вторых, единство методологии — концептуальный подход к истории, возможности которого расширяются при сочетании его с «антропологическим заходом»; наконец, в-третьих, целенаправленные усилия по обновлению круга источников (путем как можно более частого обращения к архивным материалам).

Книга адресуется историкам, преподавателям и всем, кому интересны новые подходы к изучению советского прошлого.

ББК 66.3(2Рос)12

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России кроме издательства «Языки славянской культуры» имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-94457-080-6

9 785944 570802 >

© Я. Ю. Богданов. Перевод с фр., 2003

© Ю. С. Саевич. Оформление серии, 2000

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7

I

Революция и проблема насилия: Христиан Раковский и Красная Армия на Украине (январь — август 1919 г.)... 15	
Христиан Раковский — наркоминдел Украины (январь 1919 — август 1923 г.).....	53
Ллойд Джордж и Рапалльский договор	89
«Ультиматум Керзона»: обстоятельства появления, смысл и последствия (1920—1923)	123

II

Граница: смысл и восприятие	137
Секретность и гласность в России и в Советском Союзе	159
Конфронтация, обмен и дарение в дипломатии Горбачева	183
Страх в зеркале советской политической частушки.....	199

ПРЕДИСЛОВИЕ

Статьи, собранные здесь под одной обложкой, были написаны в разные годы. В них рассматриваются вопросы, относящиеся к двум узловым моментам советской истории: после революционному периоду и времени правления Горбачева. Эти работы объединяют три важных фактора. Во-первых, тематическая общность: Советский Союз как особая система в контексте международных отношений (ведь, согласно марксистскому учению, внешняя политика являлась продолжением внутренней политики); во-вторых, единство методологии: концептуальный подход к истории, возможности которого расширяются при сочетании его с «антропологическим заходом»; наконец, в-третьих, целенаправленные усилия по обновлению круга источников (в данном случае путем как можно более частого обращения к архивным материалам).

Поскольку в СССР доступ к архивам (особенно по современной истории) для иностранцев был практически закрыт, приходилось строить работу на тех материалах, которые по тем или иным причинам попали за границу. Знаменитый «смоленский архив»¹, позволивший вскрыть механизм функционирования советской системы внутри страны, лишь в очень небольшой степени относился к нашей теме, поэтому в основном нами использовались другие источники, среди которых невероятно богатый архив Троцкого в Гарварде² и архив Л. Б. Красина в Амстердаме³.

---

¹ Материалы этого архива ввел в научный оборот американский историк М. Фейнсо (см.: *M. Fainsod. Smolensk under Soviet Rule. Harvard University Press, 1958*).

² Houghton Library, série bM. S.

³ Institut d'Histoire Sociale.

Недоступность архивов, отсутствие документов вынуждали укреплять прежде всего концептуальную сторону анализа: насилие и его использование политической системой (статья 1 настоящего сборника); граница и представления о ней (5); секретность и гласность как политическая стратегия (6); конфронтация, обмен и дар в тактике Горбачева (7). Три других эссе также представляют собой изучение частных случаев с опорой на тот или иной концепт, будь то нация (2), компромисс (3) или его противоположность — ультиматум (4), однако здесь предоставилась возможность опереться на ранее неизвестные документы, что, соответственно, уменьшило необходимость форсировать тот самый «антропологический заход», о котором речь еще впереди. Одним словом, принцип сообщающихся сосудов дает о себе знать и в работе историка!

Впрочем, независимо от применяемого метода и от «дозировки» концептов и фактов, как точно указывал Мишель Фуко, «науки всегда нацелены на открытие простейших элементов и их последующее выстраивание»⁴. Эти «простейшие элементы», это «твердое ядро мягкой материи»⁵ суть не что иное, как «инварианты» — предмет изысканий любого ученого: скажем, Роман Якобсон полагал, что поиск «инвариантов в вариациях» составляет методологическую основу всех его работ. Обнаружение таких инвариантов (в числе которых могут оказаться и структуры) позволяет лучше справляться с бесконечным разнообразием феноменов: предмет исследования не ускользает из поля зрения, «точки отсчета» остаются легко различимыми, даже несмотря на крайнюю изменчивость системы отношений между инвариантами.

---

⁴ M. Foucault. *Les mots et les choses*. Paris: Gallimard, 1966 (рус. изд.: М.: Прогресс, 1977; СПб.: А-сэд, 1994).

⁵ Это выражение (*le dur du mou*, букв.: то твердое, что содержится в мягком), принадлежащее историку Полю Вейну, вполне употребимо, в той мере, в какой гуманитарные науки — или науки о человеке — являются «мягкими» по сравнению с точными науками, о которых говорят как о «твердых» (подробное рассуждение см.: P. Veyne. *L'histoire conceptualisante // J. Le Goff, P. Nora. Faire de l'histoire*. Paris: Gallimard, 1974. P. 94—133).

Очевидно, что концептуальный метод открывает поистине бесконечные возможности для углубленного постижения прошлого. Одним из первых это продемонстрировал крупнейший социолог и экономист Макс Вебер, а позднее возникло целое научное направление политических исследований, открывшееся работами Рэмона Арона, который считал, что подлинные уроки истории — это «уроки опыта, проясненные концептуализирующим усилием»⁶. В настоящее время, признавая огромный вклад, который внесла в историческую науку школа «Анналов» с ее «историей ментальностей», большинство специалистов сходятся в том, что «концептуализация, скорее всего, и есть способ объяснения истории»⁷. В самом деле, именно концепты позволяют вывести историю из «полутекучего состояния», когда она ускользает из рук, а кроме того страхуют историка культуры от «опасности импрессионизма»⁸.

И, наконец, последнее — чтобы не перегружать это методологическое вступление: что может дать политическая антропология, в чем ее специфика? Как отмечал Клод Леви-Стросс, антропологический подход состоит в том, чтобы выделить «то, что люди обычно и не думают фиксировать на камне или на бумаге», сохранить и определенным образом сгруппировать «особенности поведения, которые сами действующие лица истории не имеют никаких причин сохранять в письменном виде, даже если бы им это вдруг пришло в голову»⁹: это и разного рода специфические отношения, и воображаемое, и роль священного, ритуалов и вообще все, что принадлежит сфере иррационального и воображаемого в общественном поведении людей. Жорж Баландьё, первым из французских ученых применивший антропологию к изучению политической жизни современного общества, полагал, что

---

⁶ R. Aron. Qu'est-ce qu'une théorie des relations internationales // Revue française de science politique. XVII. 1967. P. 847.

⁷ G. Lebrun. Un historien dans le sublunaire // Critique. Juillet 1971. P. 662.

⁸ P. Veyne. Op. cit. P. 71, 85.

⁹ Этому посвящена одна из его книг (C. Lévi-Strauss. Le regard éloigné. Paris: Plon, 1983).

необходимо анализировать власть в ее структурообразующих связях со всем, что восходит к священному, символическому, воображаемому и что определяет, в частности, характер отношений между индивидом, общественной группой и властью¹⁰. Таким образом, трансгрессия, миф, магия, а следовательно, и насилие, секретность, границы и пределы — все это включается в сферу весьма таинственных отношений между человеком и властью.

Именно предмет исследования отличает политическую антропологию как от политических и юридических наук (заниматых изучением общественных структур и их персонального состава, анализом процесса принятия решений и т. п.), так и от социальной антропологии (объектом внимания которой является человек в обществе, понимаемом прежде всего как особая интегративная система). Такой подход может прийти на смену традиционной советологии и выявить те препятствия, с которыми сталкивается Россия на нынешнем переходном этапе, поскольку эти трудности зачастую обусловлены ее исторической традицией, политической культурой и причудливой траекторией развития, лишь усложнившегося в результате действия архаизирующих тенденций, присущих сталинской системе. В политической области следует обращать особое внимание на различные типы поляризации, например на изменения в соотношениях между вершинами упомянутого треугольника индивид / группа / власть. Это закономерно ведет к изучению вопросов о связях между авторитетом и участием, о статусе объединительных и деструктивных идеологий, об относительной значимости иностранных моделей, о различиях в ритмах социального развития (на что пронизательно указывал Юрий Лотман, когда обнаруживал в оппозиции Восточная Европа / Западная Европа проявление соответственно бинарной или тернарной схемы эволюции). Можно также сосредоточиться на анализе человеческих представлений, вос-

---

¹⁰ G. Balandier. *Le Détour: pouvoir et modernité*. Paris: Fayard, 1985. См. также: *Le politique des anthropologues // M. Grawitz, J. Leca. Traité de sciences politiques*. Paris: PUF, 1985. P. 309—334.

приятий и на системах, которые делают их функциональными или дисфункциональными, на исключительно важной роли категорий пространства и времени и т. д.

Итак, сочетание концептуального метода с «антропологическим заходом» представляется чрезвычайно плодотворным. Историю ясной мысли оказывается возможным дополнить историей «бездонной» мысли, имеющей пока довольно неясные очертания, но признаваемой сейчас в качестве важнейшей составляющей нашей способности представить себе прошлое рода человеческого во всей полноте. Остается только присоединиться к утверждению Поля Вейна о первостепенном значении концептуализации для истории, ибо она позволяет перейти от простого знания исторических фактов к знанию скрытых пружин истории и природы человека.

Ф. Конт
Париж, апрель 2002

I

РЕВОЛЮЦИЯ И ПРОБЛЕМА НАСИЛИЯ: Христиан Раковский и Красная Армия на Украине (январь — август 1919 г.)

Мы не утописты и не Дон Кихоты. Мы люди, знающие, в чем наша сила и в чем сила революции.

Х. Раковский. Англия и Россия
(Харьков, 1923. С. 26)

I. Теория

Вплоть до XIX века история воспринималась то как «меланхолическая случайность» (Кант), то как «печальное и бессмысленное смешение всего со всем при безраздельном господстве насилия» (Гете)¹. Конечно, какой-нибудь социалист-«утопист» вроде Прудона уже мог вообразить себе некое непрекращающееся революционное движение, которое он задолго до Троцкого назвал «перманентной революцией». Однако нужно было дожидаться прихода Маркса и появления научного социализма, чтобы люди понемногу перестали считать себя просто включенными в историю — да еще в такую, где все бессмысленно, — а включили бы ее саму в сферу того, что считается понятным. Диалектический материализм, казалось, высветил скрытые пружины исторического процесса, поэтому все марксисты — и в особенности большевики — смотрели на себя как на субъектов исторической необходимости, как на

---

¹ См. по этому поводу размышления Ханны Арендт в ее работе «О революции» (*H. Arendt. On Revolution. London: Faber & Faber. P. 48*).

властителей судеб человечества и единственных обладателей ключей от будущего.

При таком самовосприятии вполне логично возникала мысль об использовании силы для осуществления политических идеалов, ведь предполагалось, что они полностью соответствуют «ходу истории». Становилось возможно, например, использовать войну для ускорения окончательной победы революции. Таким образом, если для Французской революции 1789 г. основополагающим был принцип свободы, то большевики в 1917 г. совершили революцию, опираясь главным образом на понятие необходимости.

Гегель считал, что быть свободными для людей означает подчиняться необходимости в силу того, что они ее осознают. Следуя своей доктрине, большевики из понятия свободы сначала сделали некую необходимость, а потом эту суровую необходимость представляли как свободу.

1. Проблема вооруженного восстания

Как почти все марксисты того времени, Христиан Раковский² вплоть до 1917 г. был убежден, что в России созрели условия лишь для буржуазной революции. Ленин же, охваченный нетерпением азартного игрока, пришел к убеждению, что ход истории можно ускорить, если заставить буржуазную революцию перерасти в пролетарскую. Это было явным отклонением от классического марксизма, хранителем чистоты которого выступили меньшевики, но Ленин решительно пошел на раскол в самой марксистской среде: для взятия власти и воплощения своей мечты он создал партию большевиков, чья сила заключалась прежде всего в жесткой дисциплине. Еще одним важным поводом к расколу и самоизоляции Ленина стал сугубо теоретический вопрос, имевший, однако, далеко идущие практические последствия, а именно вопрос о вооруженном восстании, которое, как всегда считалось, должно привести в движение механизм революции.

---

² Автобиография Христиана Раковского в переводе на французский язык вышла в сборнике «Большевики о самих себе» с замечательным предисловием Ж.-Опта (G. Haupt, J.-J. Marie. Les Bolchéviks par eux-mêmes. Paris: Maspero, 1969. P. 343—360).

Для большинства марксистов восстание представляло неким самопроизвольным актом. Так, Христиан Раковский полагал, что говорить о *подготовке восстания* означает вступать в глубокое противоречие с самим понятием восстания³. В 1902 г. именно он больше всех возражал Ленину, когда тот закончил свое выступление на собрании в парижском кафе на улице Флаттер⁴. Будущий вождь большевиков горячо отстаивал свою точку зрения, которая заключалась в том, что лишь путем сознательной подготовки и организации можно вызвать действительно мощное революционное движение, причем говорил он так резко и не выбирая выражений, что Раковский тогда же придумал ему кличку: «боксер»⁵. Ленин закончил словами, которым он явно хотел придать характер пророчества: «Потерпев поражение, мы все начнем сначала... Революция это не одна битва, а целый ряд боев, из которых кое-какие могут быть проиграны. Но мы знаем, что конечная победа будет за рабочим классом»⁶.

Пятнадцать лет спустя, на собрании циммервальдской группы в Петрограде в июне 1917 г. Раковский вновь выступил против Ленина по вопросу о восстании, указав, что «переход всей власти к Советам может произойти законным путем»⁷. Однако всего через пять месяцев, когда Октябрьское восстание в Петрограде доказало обоснованность некоторых ленинских тезисов, Раковский раз и навсегда отбросил свои обвинения Ленина в «бланкизме». По свидетельству Троцкого, Раковский «пришел тогда к Ленину как признательный ученик, в котором не было уже ни тени ревности по отношению к

---

³ Х. Раковский. Ленин и Маркс // Молодая Гвардия. 1924. № 2—3. С. 439—443.

⁴ Там же.

⁵ Это выражение уже в следующем году подхватили меньшевики: после раскола в среде русской социал-демократии они с неодобрением отзывались о «железном кулаке Ленина». Ср. V. V. Vorovski. V. I. Lenin. Bote der russischen Revolution, 28. 11. 1917 (позднее вошло в сб.: В. В. Воровский. Статьи и материалы по вопросам внешней политики. М., 1959. С. 133).

⁶ Х. Раковский. Указ. соч.

⁷ Там же.

учителю»⁸. Впоследствии Раковский признавался Ленину, что в свое время он считал его «доктринером, человеком одной системы»⁹ и только потом увидел, что перед ним необыкновенный «реалист» и «творец», равновеликий Марксу. После 1917 г. Раковский уже полностью разделяет ленинскую теорию революции, которую Троцкий определял как «марксизм в развернутом виде»¹⁰. «Ленин спас марксизм от вырождения, — писал Раковский в 1924 г., уже после смерти вождя. — Продолжив дело Маркса, Ильич заложил основы ленинизма как учения о классовой борьбе применительно к нынешним историческим условиям»¹¹.

В октябре 1917 г. Раковский приветствовал победоносное восстание, видя в нем «величайшую, решающую минуту для всего пролетариата»¹², предвестие революционных войн. Уже в ноябре 1917 г. он заявил о своем желании вступить в ряды большевиков, ибо эта партия стала подлинным выразителем интересов пролетариата, борющегося за свое освобождение. Отныне Раковский убежден, что все революционеры должны сплотиться и объединить пролетариев всех стран для того, чтобы начать последнюю войну, войну без границ, войну межклассовую, а не межнациональную, как то было раньше.

До 1917 г. Раковский постоянно отделял насилие от революции. Так, кровавое подавление демонстрации румынских рабочих в Галаце в июне 1916 г. произвело на него тяжелейшее впечатление¹³. Можно сказать, что Раковский был до известной степени «демократом», не признающим насилие как средство достижения политических целей. С другой стороны, он неизменно восхищался духом Великой французской рево-

---

⁸ Л. Троцкий. Раковский — дипломат // Архив Троцкого (Houghton Library, University of Harvard), bMS. Russ. 13, T 3491.

⁹ На самом деле, прежде чем сказать эти слова Ленину, Раковский вложил их в уста Жака Садуля (Х. Раковский. Указ. соч.).

¹⁰ Л. Троцкий. Указ. соч.

¹¹ Х. Раковский. Указ. соч.

¹² Письмо тов. Х. Раковского социалистическому правительству Российской республики, Стокгольм, 18 ноября 1917 г. // Известия. 1917. 29 ноября.

¹³ «Автобиография» Раковского в: G. Haupt, J.-J. Marie. *Loc. cit.*

люди и применительно к ней отстаивал мысль о том, что война была необходима. В 1905 г. он писал: «Революции и войны на протяжении четверти века, с 1789 по 1815 г., имели самые разнообразные и непредвиденные последствия в силу самого своего характера. Они нанесли Европе сокрушительный удар, который пробудил к жизни все духовные и физические резервы каждой нации. Это была эпоха грандиозных битв и интенсивной жизни, когда и народы, и интеллигенция, и короли должны были проявить весь свой ум и всю свою волю»¹⁴.

После победы Октябрьского восстания Раковский убедился в том, что для продвижения вперед дела революции следует использовать вооруженную силу: сам по себе исторический процесс требует слишком много времени, чтобы привести народы к освобождению от классового угнетения. Теория Маркса предстала в новом свете, ленинизм позволил ей обрести плоть и кровь. «Когда смотришь на политическую стратегию Ленина, — писал Раковский, — она выглядит чрезвычайно просто. В основу всей своей боевой тактики Ленин положил принцип классовой борьбы. Но для него он не был какой-то абстракцией, а именно тактическим принципом, который он прилагал непосредственно к жизни»¹⁵.

В 1917 г. более, чем когда-либо, Раковский ощущал себя гражданином мира. В этом смысле его отношение к революции в России обоснованно сравнивали с тем, как воспринимал Великую французскую революцию Анахарсис Клоотц¹⁶. И тот, и другой переселились в страну победившей революции,

¹⁴ Х. Инсаров. Князь Меттерних, его жизнь и политическая деятельность: Опыт биографии. СПб., 1905. С. 60. Для публикации своих произведений в России Раковский в то время использовал псевдоним Инсаров, по фамилии болгарского революционера, персонажа романа Тургенева «Накануне».

¹⁵ Rakovski. An Old Comrade's Memories // New Leader (London). 25. 01. 1924. P. 3—4.

¹⁶ Впервые Клоотца с Раковским сопоставил А. Моризет (A. Morizet. Chez Léline et Trotski. Moscou, 1921. P. 206). Впоследствии это сравнение использовал Исаак Дойчер (I. Deutscher. Trotsky: The Prophet Armed, 1921—1929. Vol. II. Oxford University, 1963. P. 207).

чтобы присоединиться к самой радикальной революционной партии; и тот, и другой пришли к выводу о необходимости «последней войны против тиранов» с целью объединения народов в единую нацию. Клоотц выразил это такими словами: «Когда я гляжу на карту мира, мне кажется, что все страны исчезли и осталась одна только Франция, чье сияние наполняет собою Вселенную»¹⁷.

2. Интернационализм и национализм

Раковский был рожден интернационалистом. Болгарин по происхождению, румын по гражданству, француз по культуре, он был русским по своим дружеским связям и революционным симпатиям¹⁸. Из всех деятелей европейского социалистического движения рубежа веков он был, вероятно, самым большим космополитом. Главный вдохновитель румынских социалистов, затем один из активнейших организаторов социалистического движения на Балканах, Раковский исколесил вдоль и поперек всю Европу, получил основательную марксистскую подготовку под руководством Плеханова и Жюлья Геда, что дало ему возможность не только хорошо узнать, но и глубоко понять особенности социализма как на Западе, так и на Востоке Европы¹⁹. Наследник духовных традиций Великой французской революции и Парижской коммуны²⁰, он удостоивался редкой чести снискать уважение со стороны многих своих политических противников, видевших в нем «партийного человека, но одновременно ученого и философа»²¹.

---

¹⁷ G. P. Gooch. *Studies in Diplomacy and Statescraft*. London, 1942. P. 145.

¹⁸ Троцкий пишет об этом в книге «Моя жизнь» (*L. Trotski. Ma Vie*. Paris: Gallimard, 1953. P. 266—268).

¹⁹ G. D. H. Cole. *A history of socialist thought*. III, *The Second International, 1889—1914*. London: Macmillan, 1963. P. 588—590.

²⁰ См. его статью в монографии «Парижская Коммуна» под ред. А. Гамбарова (Харьков: Молодой рабочий, 1924. С. 196 и сл.).

²¹ A. Chaboseau. *Un document médico-diplomatique: la thèse du camarade Rakovski // Mercure de France*. 1 janvier 1926. T. CLXXXV. P. 257.

18 ноября 1917 г. Раковский послал уже упомянутое письмо о своем присоединении к «Социалистическому правительству Российской республики», торжественно заявив от имени своих румынских товарищей, что все их надежды отныне возлагаются на вновь созданное правительство, «на которое устремлены взгляды народов всего мира». В письме содержится одна чрезвычайно важная фраза, где ярко выражено кредо Раковского-интернационалиста, который — выступая по-прежнему от имени всех румынских социалистов — провозглашает фактически отказ Румынии от существования в качестве суверенного государства: «Румынский народ также вручает свою судьбу в руки российского социалистического правительства. По отношению к вам у нас не может быть никакого опасения или недоверия, которое народы обычно испытывают по отношению к империалистическим правительствам. Пусть в России восторжествует революция — вот в чем главный интерес румынского народа»²².

И в теории, и на практике Раковский исходил из того, что интернационализм составляет самую сущность социализма²³, тогда как национализм служил фундаментом буржуазного государства, да и любых других государственных образований, предшествовавших появлению пролетарского государства. В теоретической статье 1920 г. о взаимоотношениях советских республик он указывал, что «изолированность, замкнутость, ограниченность лежали в основе всех прежних форм правления, будь то правление аристократии или демократии, монархия абсолютная или конституционная, республика и т. п. Идеологией буржуазного этатизма является национализм»²⁴.

Развивая эту мысль, Раковский стремился доказать, что национализм буржуазных государств неразрывно связан с самой их природой, с экономическим базисом капиталистической

²² Известия. 1917. 29 ноября.

²³ Ch. U. Clark. Rakovsky's Rumanian Career // Bessarabia: Russia and Rumania on the Black Sea. N. Y., 1927. P. 180—188.

²⁴ Ch. Rakovski. Les relations entre les républiques soviétiques: Russie et Ukraine // L'Internationale communiste (Moscou). Juillet 1920. № 12. P. 2221—2224.

системы. Поскольку буржуазное государство опирается на принцип частной собственности на землю и средства производства, главной целью каждого собственника становится расширение и приумножение своей собственности. Конкуренция сталкивает лбами собственников и капиталистов; в свою очередь, буржуазные государства из-за соперничества в экономике и в погоне за новыми территориями превращаются в «конкурирующие организации». Исходя из этих предпосылок, Раковский закономерно делает вывод: «Таким образом, мы присутствуем при поглощении более слабых государств более сильными или, в лучшем случае, при полном подчинении одних другим. Буржуазный этатизм как раз и выражается в появлении таких изолированных национальных государств, борющихся между собой»²⁵.

Пролетарская революция, по мысли Раковского, ведет к уничтожению частной собственности, что выбивает почву из-под ног старого государства: основополагающими для нового социалистического государства, создаваемого на данной территории, становятся интересы рабочего класса, а не эксплуататоров и частных собственников. Из этого логически следует, что «границы между социалистическими государствами теряют свое политическое значение и превращаются просто в административные границы». В силу своей природы социалистическое государство проводит национализацию и организует производство в соответствии со всеобъемлющим государственным планом, причем план этот не ограничивается рамками одной страны, но действует в международном масштабе²⁶.

Одновременно Раковский подчеркивал, что при наличии общей для всех опасности буржуазные правительства тоже способны объединиться. И действительно, сразу же после захвата власти Лениным принципы большевистской революции были расценены западноевропейскими буржуазными правительствами как дерзкий вызов — вызов «всему наследию Древнего Рима»²⁷, вызов «всему Западу» и «священным пра-

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ср., например, статьи Л. Дюмон-Вильдена «Рим или Моск-

вам» демократии²⁸. Раковский определял это явление как «буржуазный интернационализм»²⁹, считая, что за ним неизбежно последует резкое обострение классово-борьбы. Для большевистского руководства было очевидно, что в этих условиях необходимо как можно быстрее мобилизовать армию рабочих всего мира, ибо только армия пролетарского интернационализма в состоянии помешать буржуазии задушить первое в мире социалистическое государство. Таким образом, самое существование государства такого типа ставилось в прямую зависимость от успешного развития мировой революции. Между двумя системами — социализмом и капитализмом — не могло быть и речи ни о каком сосуществовании. Ставя этот вопрос в теоретическом плане, Раковский отвечал на него однозначно: мир с объединенным империализмом невозможен, потому что немислим. В доказательство приводился исторический пример: революционная волна 1848 г. во Франции вызвала ответную волну реакции со стороны николаевской России, и для Виктора Гюго, наблюдавшего за действиями фельдмаршала Паскевича, стало очевидно, что Европе суждено быть «либо республиканской, либо казацкой»³⁰. Так и Раковскому Европа виделась «или империалистической, или советской». Похоже, он так и остался при своем убеждении, что мирное сосуществование невозможно, поскольку основополагающие экономические и социальные принципы капитализма и социализма взаимно исключают друг друга. Вот как ему представлялось развитие событий: «Мир с империалистическими союзниками может быть только временным и сугубо

ва» и «Большевизм и наследие Древнего Рима» (*L. Dumont-Wilden. Rome ou Moscou // Revue Bleue. 1924. P. 812 sq; Le bolchévisme et l'héritage romain // Revue des Deux Mondes. 15 avril 1927. P. 752—769*).

²⁸ *L. Dumont-Wilden. La lutte contre le bolchévisme et la défense de l'Occident // Revue Bleue. 1927. P. 274 sq.*

²⁹ *Х. Раковский. Интернационал и Война. Петроград, 1917. С. 3—6.*

³⁰ *Х. Раковский. Возможен ли мир с союзными державами? // Известия. 1919. 18 января.*

искусственным. Даже если они выведут свои дивизии с российской территории, даже если они перестанут оказывать материальную помощь белогвардейцам, даже если они заключат с нами мир, официально признают Советскую республику и направят в Москву своих послов, — даже все это вместе не изменит их намерений. Они лишь перенесут центр тяжести своего наступления с поля боя в подземелья тайной дипломатии»³¹.

Когда вопрос «Возможен ли мир с союзными державами?» встал в практическом плане, Раковский пришел к выводу, что мирный договор со своими заклятыми врагами рабочий класс может расценивать как определенное завоевание. Заключение мира позволило бы «поставить социалистическую экономику пролетарского государства на прочный фундамент» и «ликвидировать тяжелые экономические последствия войны»; за этой констатацией следует немаловажное добавление: «Такой мирный договор означал бы первое серьезное поражение мирового империализма в его собственной вотчине. Его неспособность свести счеты с социалистической революцией в России отчасти предрешает в нашу пользу исход борьбы союзников-империалистов с революциями в их странах»³².

Однако в то время, как русские революционеры возлагали свои надежды на то, что в странах Западной Европы будут вспыхивать восстания и перерастать в революции, подрывающие власть буржуазии, этой последней не оставалось ничего другого, кроме как оказывать поддержку всякого рода националистическим движениям, которые вели бы к развалу первого социалистического государства.

Раковский был крайне озабочен такой возможностью развития событий. У него был достаточный опыт изучения националистических движений на Балканах, чтобы оценить всю опасность сепаратизма. В январе 1919 г. он предостерегал: «Союзники всячески поддерживают политику развала, балканизации России, содействуют появлению целого ряда госу-

³¹ Там же.

³² Там же.

дарств под прикрытием принципа самоопределения наций, что на деле привело бы к беспрерывной череде междоусобных войн»³³.

Месяцем позже он прямо заявил, что «главный принцип советской политики — самоопределение рабочих и крестьян»³⁴, т. е. свобода примкнуть к революционному движению. Речь, произнесенная в Харькове 3 февраля 1919 г., содержала также следующую декларацию: «Мы признаем право каждой нации и каждого территориального образования сформировать собственное советское правительство, но Советская власть по своей сути интернациональна»³⁵.

Конечная победа пролетариата не вызывала у Раковского никаких сомнений. Уж если пламя революционного пожара сумело охватить всю Россию, чьи исторические условия были наименее благоприятны для победы пролетарской революции, значит, огонь не мог не перекинуться на Западную Европу, где для этого вполне созрели и экономические, и социальные условия и где власть буржуазии была поколеблена в результате мировой войны.

Итак, с точки зрения Раковского, Октябрьское восстание запустило механизм революционных войн. Он не сомневался, что заложенные в революции принципы прогресса, всеобщего воодушевления, движения масс возьмут верх над принципами застоя и пессимизма, обрекающими буржуазное общество на пассивное стремление любыми средствами задержать и даже остановить неумолимый ход истории. В одной из статей, написанных в июле 1920 г., когда красная конница рвалась к Варшаве и победа рабоче-крестьянской армии, казалось, была обеспечена, Раковский дает весьма четкое определение роли вооруженных сил в революционном движении: «Скоро будет три года, как начался период революционных войн... Трудно сказать, когда этот период закончится. Прежде всего

---

³³ Х. Раковский. Союзники и единство России // Известия. 1919. 10 января.

³⁴ На Украине: Беседа с тов. Раковским // Известия. 1919. 5 февраля.

³⁵ Там же.

это будет зависеть от хода революционного движения в других странах. Но мы можем уверенно заявить, что до сих пор Советская Федерация неизменно одерживала победу и что в лице Красной Армии она имеет наилучшую гарантию, что и впредь ей уготована победоносная роль в навязанной ей войне»³⁶.

Для этого, по мысли Раковского, русским революционерам 1917 г. следовало, как и французским революционерам 1789 г., напрячь все силы и использовать все имеющиеся средства, чтобы война «пробудила к жизни все духовные и физические резервы каждой нации». Начался новый период борьбы, и Красной Армии, по его мнению, неизбежно предстояло стать «душой Победы».

II. Практика

1. Место Раковского в советской иерархии

В январе 1919 г. Ленин поставил Христиана Раковского во главе временного правительства Украины. В конце 1919 г. он был утвержден председателем Совнаркома и наркомом иностранных дел Украинской советской республики и оставался на этих постах около пяти лет, пока не был отстранен от власти Сталиным в июле 1923 г.³⁷

Власть, которой обладал Раковский, и роль, которую играл тогда этот человек, были гораздо значительнее, чем принято думать. Троцкий особо подчеркнул это обстоятельство в своих неизданных воспоминаниях под заголовком «Раковский на Украине»: «В ту эпоху Раковский был душой и подлинным хозяином Советской Украины. Задача была не из легких... Раковский вникал во все вопросы украинской жизни, сосредоточив в своих руках управление всеми делами»³⁸.

³⁶ *Ch. Rakovski. L'âme de la victoire // L'Internationale communiste. Juillet 1920. № 13. P. 61.*

³⁷ О реакции самого Раковского на свою отставку см.: *Известия. 1923. 1 августа (или перепечатку этого материала в: Russian Information and Review (London). 18. 08. 1923).*

³⁸ *Л. Троцкий. Раковский на Украине (Архив Троцкого. Указ. соч.).*

В самом деле, почти на всем протяжении гражданской войны Раковскому непосредственно подчинялись три основные силы советской власти на Украине: партия, армия и правительство. В 1919 г., в самый напряженный момент гражданской войны, он был назначен еще и председателем Совета Обороны Украины³⁹. По совместительству он занимал самые высокие посты как в иерархии РКП(б), так и КП(б)У, правда, последняя поначалу была лишь тенью первой: с 1919 г. Раковский одновременно являлся членом ЦК РКП(б), членом ЦК и членом Политбюро ЦК КП(б)У, причем последний пост он сохранял вплоть до 1924 г. С 1918 г. он входил также во ВЦИК РСФСР (а затем и СССР) и был членом его Президиума (до 1925 г.). Наконец, принципиально важным является то, что Ленин выбрал именно Раковского в качестве одного из «отцов-основателей» Коминтерна, I Конгресс которого был устроен в Москве в марте 1919 г.⁴⁰

Вне всяких сомнений, именно европейская известность Раковского как «выдающегося интернационалиста», наряду с его организаторскими способностями, побудили Ленина доверить своему недавнему политическому противнику целый ряд постов, имевших ключевое значение для судеб революции. В течение всего периода, пока интернационализм считали главным содержанием революции, Раковский имел репутацию «своего» среди старейших членов партии большевиков⁴¹. В послании

³⁹ Ср. Гражданская война на Украине, 1918—1920: В 3 т. Киев, 1967.

⁴⁰ Художнику Леониду Пастернаку, отцу Бориса Пастернака, было поручено изобразить президиум I Конгресса Коминтерна. На картине справа от Ленина сидит Троцкий, а слева — Раковский. (Репродукция картины была мне передана в Оксфорде сестрой Б. Пастернака, г-жой Пастернак-Слейтер, за что я ей чрезвычайно признателен. — Ф. К.)

⁴¹ Л. Троцкий. Раковский на Украине (Указ. соч.). Раковский удостоился чести фигурировать в списках членов партии как участник движения с 1890 г. Таким образом, он оказался «приравнен» по своим заслугам к старейшим большевикам (Клара Цеткин тоже была «приравнена», и ее партийный стаж исчислен с 1878 г., а у Надежды Крупской, жены Ленина, — с 1898 г.).

советского правительства немецким рабочим в декабре 1918 г. о Раковском говорится как об «одном из самых заслуженных и самых преданных бойцов социалистического рабочего Интернационала, который посвятил многие десятилетия своей выдающейся деятельности международному социалистическому движению и которого рабочие-социалисты всех стран знают как одного из выдающихся вождей рабочего движения»⁴².

На южной окраине бывшей Российской империи, где поток гражданской войны уже перекачивался через границы, главной задачей Раковского было заставить страну, отвергнувшую советское правительство, все-таки принять его. Советскую власть на Украине большевики впервые провозгласили в Харькове в декабре 1917 г., но уже весной 1918 г. народным комиссарам пришлось вернуться в Москву, где в ноябре того же года было сформировано новое правительство, перенесенное обратно на Украину в январе 1919 г. на штыках Красной Армии. Продержавшись до августа, правительство Раковского вновь было вынуждено эвакуироваться в Москву, и лишь после третьего вторжения Красной Армии Раковскому удалось окончательно закрепиться на Украине. Советская власть устояла и постепенно овладела всей территорией благодаря, в частности, изменениям в тактике большевиков по отношению к националистическому движению и к крестьянству⁴³.

В декабре 1919 г., выступая на VIII партийной конференции, Ленин отметил, что «на Украине Октябрь тянулся два года»⁴⁴. Даже когда Красная Армия начала наконец брать верх в гражданской войне, наступление поляков весной 1920 г. показало, насколько непрочными были в тот период структуры советской власти. По словам самого Раковского, «Киев

⁴² Известия. 1918. 3 декабря.

⁴³ Более подробный анализ действий Красной Армии на Украине см.: *A. E. Ulam. Bolsheviks in the Ukraine. The Second Campaign, 1918—1919. Yale University Press, 1963*; *J.-S. Reshetar. The Ukrainian Revolution, 1917—1920. Princeton U. P., 1952*

⁴⁴ Протоколы VIII Конференции РКП(б), 3 декабря 1919 г.

14 раз переходил из рук в руки, его занимали то русские, то поляки, то денкиинцы», а в целом «за три года на Украине десять раз менялось правительство, через нее прошли десять армий...»⁴⁵

Впрочем, партизанская война шла на Украине вплоть до 1921 г.: Махно, Григорьев, Тютюнник, не говоря о бесчисленных атаманах и «батьках», хозяйничали в сельской местности при поддержке крестьян, тогда как большевики держали в своих руках крупные города и промышленные районы, обращая особое внимание на коммуникации⁴⁶.

В ту эпоху не было ничего более неустойчивого, чем власть, и ничего более неопределенного, чем границы. Похоже, большевиков вообще гораздо больше занимала проблема всемирного распространения революции, нежели размеры территории, которую они контролировали на данный момент. Не случайно и в манифесте II Конгресса Коминтерна (1920) отмечалось: «За три года существования [Советской республики] ее границы постоянно менялись: они то сужались под ударами мирового империализма, то расширялись, когда нажим ослабевал»⁴⁷.

2. Украина — авансцена театра революции

В течение первых семи месяцев своего правления на Украине (январь— август 1919 г.) Раковский рассматривал ее исключительно как плацдарм для оказания поддержки силам революции. Анжелика Балабанова, которую прикрепили к Раковскому для работы в его комиссариате по иностранным делам, вспоминала слова Ленина по этому поводу: «Несмотря на неустойчивость международного и военного положения с территории Украины легче поддерживать отношения с Центральной Европой»⁴⁸.

⁴⁵ Polincus. Rakovski; portrait du jour // Europe nouvelle. 8 novembre 1924. P. 1483—1484.

⁴⁶ X. Раковский. Мы вернемся // Известия. 1919. 9 ноября.

⁴⁷ Цит. по: J. Laloy. Le socialisme de Lénine. Paris, 1967. P. 120.

⁴⁸ A. Balabanova. My Life as a Rebel. London: H. Hamilton, 1938. P. 234. См. также ее статью «Ленин и создание Коминтер-

На самом деле именно на эту нестабильность большевики и возлагали главные надежды. По своему географическому положению и природным ресурсам Украина представляла собой исключительно важную территорию, которую обязательно следовало завоевать и использовать, чтобы хлеб, уголь и руда приносили пользу революции, а не оказались в руках империалистов.

Ленин поставил перед Раковским триединую задачу:

- 1) организовать борьбу против внутренней и внешней контрреволюции;
- 2) провести большевизацию Украины;
- 3) обеспечить продовольствием «голодный Север».

Последний пункт был для Ленина особенно важным в эти зимние голодные месяцы гражданской войны, ибо накормить Советскую Россию означало не дать погаснуть пламени революции. Только встав на такую точку зрения, можно объяснить тот «цинизм», который сквозил в словах Раковского, когда он говорил об Украине. Например, в декабре 1919 г., касаясь программы своего первого правительства на Украине, он откровенно признавал: «Мы пришли на Украину в тот момент, когда Советская Россия переживала тяжелейший продовольственный кризис. Наш подход к Украине заключался в максимальной эксплуатации, которая должна была помочь выйти из кризиса»⁴⁹.

Сама идея «эксплуатации» Украины созрела у Раковского гораздо раньше — еще в октябре 1918 г., обращаясь к делегатам Второго съезда украинской компартии в изгнании, он заявил: «Когда на Украине будет установлена советская власть, мы получим богатейший человеческий материал для нашей Красной Армии [...], огромные запасы зерна и продовольствия, огромные резервы оружия, боеприпасов и орудий. Мы получим также неприступную линию обороны на побережье Черного моря»⁵⁰.

на» (Страницы истории: Сб. № 2 // Социалистический вестник (Нью-Йорк). 1964. Октябрь. С. 75).

⁴⁹ Протоколы VIII конференции РКП(б). С. 95.

⁵⁰ Протоколы Второго съезда УКП(б) / Под ред. В. Затонского. Харьков, 1927. С. 15.

В январе 1919 г., едва приехав на Украину, Раковский выступил на спешно созванном пленуме Харьковского Совета с подробным докладом о программе действий своего правительства. Всю свою речь он построил как развитие одного весьма характерного тезиса: «Мы прибыли сюда продвигать вперед дело революции на Украине до полной ее победы». Он четко объяснил, какую именно роль уготовано сыграть этой стране в развитии революционного движения в Европе: «Советская Украина представляет собой стратегический узел социализма. Создать революционную Советскую Украину означает положить начало революции на Балканском полуострове, не дать германскому пролетариату погибнуть от голода и от натиска германского империализма»⁵¹.

Таким образом, Раковский поначалу представлял себе Украину в виде некой мощной военной базы, чье значение исчерпывалось ее функцией в развитии мировой революции. Красная Армия сможет здесь набраться сил, чтобы двинуться дальше «освобождать» Центральную Европу. Пока же украинская территория далеко не полностью контролировалась советской властью и была частично занята войсками белых и западных союзников, она виделась большевикам «ареной борьбы международных сил» и даже «лабораторией интернационализма»⁵².

В 1919 г. большевики усматривали положительные стороны в той войне, которая полыхала тогда на Украине: по их расчетам, у рабочих и крестьян, которых послали воевать за интересы буржуазии Западной Европы, проснется пролетарское сознание, как только они придут в соприкосновение с Красной Армией. Если вчера эти солдаты защищали буржуазию, то «сегодня сама жизнь заставит их слышать и видеть, — утверждал Скрыпник, — а завтра они пойдут вместе с нами освобождать пролетариат»⁵³. Одним словом, Украина сделалась «живым связующим звеном между Востоком и

⁵¹ Тов. Раковский о программе Временного украинского правительства // Известия. 1919. 26 января.

⁵² Н. Скрыпник. Компартия Украины и III Интернационал // Известия. 1919. 5 марта.

⁵³ Там же.

Западом»⁵⁴, мостом, по которому из пролетарской России можно было попасть напрямик в буржуазную Европу.

Ленин снабдил Раковского точными инструкциями, которые должны были помочь ему создать необходимые условия для успешного завоевания Украины. Во-первых, следовало «как можно быстрее восстановить единство рядов украинской компартии» и, во-вторых, «уничтожить белую партизанщину» путем боевых действий или путем включения в состав Красной Армии⁵⁵.

Известна та важная роль, которую сыграл Раковский в поглощении партии «боротьбистов» компартией Украины⁵⁶. Что же касается «эксплуатации» Украины, то для более эффективного ее проведения 26 января 1919 г. Раковский провозгласил «социализацию производства и труда»: национализации подлежали в первую очередь добывающая промышленность, затем сахарные заводы, металлургические предприятия и, наконец, все полезные ископаемые. Раковский утверждал, что «восстановление промышленности возможно лишь после ее передачи в руки рабочих»⁵⁷.

Для практического осуществления национализации, а также для усмирения украинской деревни Раковскому пришлось создавать советский административный аппарат и заниматься организацией Красной Армии: набором грамотных офицеров и вербовкой солдат. Подобные планы на Украине реализовать было особенно нелегко. Городской пролетариат, на который

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Х. Раковский. Ильич и Украина // Коммунист. 1925. 21 января (перепечатано в сб. Летопись революции. № 2 (П): Статьи и воспоминания. М., 1925. С. 5—10).

⁵⁶ В речи на IX съезде РКП(б) 30 марта 1920 г. Ленин с большим одобрением отзывался о деятельности Раковского: «Вместо бунта боротьбистов, который казался неизбежным, мы теперь видим, что благодаря правильной политике ЦК, которую так замечательно осуществил на практике тов. Раковский, лучшие элементы боротьбистов присоединились к нашей партии и находятся под нашим контролем [...] а все остальные исчезли с политической сцены» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 263—264).

⁵⁷ Тов. Раковский о программе Временного украинского правительства // Известия. 1919. 26 января.

обычно опирались большевики, составляя очень незначительную долю населения, а овладеть деревней мешали кулаки и «партизанщина». Украинские крестьяне упорно сопротивлялись любым попыткам реквизиции их имущества или национализации земли, цепко удерживая свое право вести индивидуальное хозяйство и охотно давая выход глубоко укоренившимся анархическим настроениям. После падения своего первого правительства Раковский вынужден был признать: «На Украине крайне недоверчивое отношение к любым властям... Мы раздавали земельные наделы беднякам, а они боялись даже подойти к ним... Для строительства власти на Украине нужно предварительно ликвидировать диктатуру вооруженных кулаков, уничтожить партизанину»⁵⁸.

3. Формирование Красной Армии на Украине

Сразу же по прибытии в Харьков в январе 1919 г. Раковский сообщил о своем намерении принять самые энергичные меры «к созданию дисциплинированной украинской Красной Армии»⁵⁹, которую он задумывал как авангард, «честь и совесть» пролетариата, ведущего борьбу за свободу как на внутреннем, так и на внешних фронтах революции.

По его собственному признанию, «регулярной армии мы не имели»⁶⁰, а о том, какие трудности предстояло преодолеть для формирования такой армии на Украине, было известно всем, и в первую очередь Ленину, который несколькими месяцами раньше сетовал на то, что «с точки зрения организации Украина гораздо меньше продвинулась вперед, чем мы [в России] после Октябрьской революции. От Керенского мы получили в наследство кое-какой производственный аппарат, а на Украине ничего подобного не существовало... Совнарком не раз вызывал на совещания тов. Раковского и посылал на Украину товарищей из военных кругов»⁶¹.

⁵⁸ Протоколы VIII Конференции РКП(б). С. 97.

⁵⁹ Тов. Раковский о программе Временного украинского правительства // Известия. 1919. 26 января.

⁶⁰ Протоколы VIII Конференции РКП(б). С. 97.

⁶¹ Речь на митинге в Народном доме в Петрограде // В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 35.

Для формирования украинской Красной Армии в первую очередь следовало решить проблему привлечения кадровых военных. По примеру Троцкого Раковский «был вынужден использовать наиболее надежные и наименее скомпрометировавшие себя элементы старой царской армии»⁶². Нет никаких сомнений, что царские офицеры в большинстве своем были настроены открыто враждебно к большевикам. Имелось, впрочем, и одно немаловажное обстоятельство, сближавшее тех и других: явно выраженный интерес к трудам Карла фон Клаузевица, крупнейшего немецкого теоретика в области военной стратегии. Как известно, выпускники царских военных училищ были воспитаны на идеях Жюмани, Хаусхофена и особенно Клаузевица. С другой стороны, не следует упускать из виду, что еще в 1857 г. Энгельс послал Марксу свой комментарий к главному творению Клаузевица, трактату «О войне»⁶³. Ленин также очень внимательно изучал произведения немецкого стратега, сосредоточившись, правда, больше на философии войны, чем на законах ее ведения. В своих рассуждениях о связи войны с политикой вождь большевиков часто ссылался на знаменитую формулу Клаузевица: «Марксисты всегда рассматривали эту аксиому как ключ к пониманию смысла всех войн»⁶⁴.

Прежде чем начинать войну, необходимо было набрать достаточно солдат. С февраля 1919 г. Раковский приступил к выполнению плана, изложенного им на заседании Харьковского Совета: «Провести мобилизацию и вооружить все рабоче-крестьянское население Украины», а также «привлечь в регулярную армию максимально возможное количество партизан»⁶⁵. Вербовка партизан представлялась делом крайне

⁶² Х. Раковский. Душа Победы // Там же.

⁶³ Ср.: R. A. Leonard (ed.). A Short Guide to Clausewitz on War. London, 1967. P. 36. Подробнее эта тема развита в кн.: H. Rollin. La Révolution russe, ses origines, ses résultats. 2 vol. Paris, 1931.

⁶⁴ Цит. по: J. D. Atkinson. The Impact of Soviet Theory on Warfare as a Continuation of Politics // Military Affairs (Washington). 1960. Vol. XXIV. P. 1—6.

⁶⁵ Беседа с председателем Временного правительства Украины товарищем Х. Г. Раковским // Известия. 1919. 2 февраля.

проблематичным, но Раковский рассчитывал на «импровизацию и в некоторой степени на стихийное повстанчество на еще не занятых нами территориях при приближении наших армий»⁶⁶.

Формирование частей украинской Красной Армии шло довольно быстро, однако из нее еще только предстояло сделать подлинно революционную армию, насадив в войсках дисциплину и сознательность. Не случайно деятельность Раковского в тот период в значительной степени была сосредоточена на том, чтобы и на Украине появился такой же инструмент политического воздействия, какой обеспечил одно из главных преимуществ Красной Армии в России: Политическое Управление Республики (ПУР). Основная задача этого учреждения состояла в том, чтобы обеспечивать большевикам надежность и сплоченность войск путем политической обработки новобранцев из рабочих, партизан и крестьян.

4. Раковский и политическое воспитание в Красной Армии

В статье «Душа Победы» Раковский уделяет особое место рассказу об организации и задачах «этого крупного учреждения, которое быстро разрослось до размеров комиссариата». По причине своих главным образом политических функций ПУР, формально находясь в подчинении Наркомвоена, контролировался непосредственно ЦК партии. Начальник ПУР, как правило, являлся членом ЦК и, соответственно, членом Реввоенсовета Республики.

Раковский нес, таким образом, двойную ответственность за состояние дел в ПУР: как Председатель РВС Украины и как член ЦК, причем и российского, и украинского. Искренне полагая, что ПУР призван превратить Красную Армию в «огромную школу революции», способную «объединить массы города и деревни», он обосновывал это следующим образом: «Миллионы и миллионы крестьян, которых иначе пришлось бы агитировать по отдаленным селам, чтобы воздействовать на их психологию, оказались под непосредственным

---

⁶⁶ Там же.

воздействием нашей коммунистической пропаганды в казармах, военных лагерях, окопах, госпиталях и т. д.⁶⁷».

К началу 1920 г. только в центральном аппарате ПУР в Москве работало более 600 человек, а общее количество «пуровцев» на фронтах, в различных родах войск, в военных училищах и других военных организациях достигало 16 тыс. По своей организационной структуре ПУР полностью воспроизводил общепринятую советскую военную иерархию, где Реввоенсовету Республики подчинялись РВС фронтов, под чьим контролем действовали РВС армий, руководившие военными советами дивизий, и т. д. Точно так же и ПУР контролировал свой аппарат различных уровней⁶⁸, причем не только на фронтах, но и в тылу, поскольку политотделы округов были напрямую подчинены ПУР, а им соответственно подчинялись губернские политотделы, стоявшие над уездными. Кстати, в 1920 г. эти низшие звенья были упразднены повсюду, кроме Украины, где их сохранил именно Раковский⁶⁹.

ЦК РКП(б), не скупясь, выделял ПУР значительные суммы, требуя быстрее отдачи от коммунистической пропаганды как среди красноармейцев, так и среди гражданского населения. Например, только с июня по декабрь 1919 г. ПУР получил из казны 664 217 000 руб., из которых:

— 215 млн. руб. досталось политотделам фронтов (в том числе 106 млн. — военным округам);

— 47 млн. руб. целевым назначением пошли на «ликвидацию безграмотности», и вновь не только среди солдат, но и среди населения: 33 млн. на уже действующие школы и 14 млн. на открытие новых;

— остальная часть общей суммы предназначалась для снабжения передвижных библиотек газетами, брошюрами и агитплакатами⁷⁰.

Размах общеобразовательной деятельности ПУР впечатляет. Так, с 1 мая по 1 октября 1919 г. количество школ возросло с

⁶⁷ Х. Раковский. Душа Победы.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

674 до 38 тыс., театров — с 642 до 1415, кинозалов — со 133 до 250, драмкружков — с 12 до 161, библиотек — с 1614 до 2492. Кроме того, на 1 октября действовало три университета Красной Армии, восемь различных курсов и 400 деревенских изб-читален⁷¹. С 1919 г. в распоряжении ПУР имелось три агитпоезда, а на всех важных узловых станциях были устроены агитпункты, распространявшие пропагандистскую литературу в воинских частях и среди местных жителей.

Раковский придавал исключительное значение политической агитации, видя в ней эффективнейшее средство «превращения масс в союзников советской власти». По его глубокому убеждению, каждый солдат Красной Армии должен был четко знать, что советская власть доверила ему главную роль в деле строительства нового общества. До сознания каждого крестьянина следовало довести мысль о том, какие преимущества дает ему власть коммунистов. Раковский не устал повторять, что, пойдя за коммунистами, рабочие и крестьяне должны быть уверены в том, что они сами выбрали путь борьбы за свои интересы против буржуазии, помещиков и капиталистов. Для этого необходимо неустанно проводить политбеседы, выступать с речами, убеждать людей. Раковский разъяснял: «Красная Армия — единственная армия, где военнослужащий не перестает быть гражданином. Это происходит оттого, что советское государство — единственное государство, где нет противоречий между задачами армии и интересами трудящихся масс. В Красной Армии военная дисциплина основана на все более глубоком осознании прав самих людей, тогда как в буржуазно-капиталистических армиях дисциплина основана на слепом подчинении приказам начальников. Армия буржуазии и капиталистов сильна в той мере, в какой рабочие и крестьяне, которые служат в ней, подчиняются лозунгу „не рассуждать“. В Красной Армии, напротив, чем больше рабочий и крестьянин будут „рассуждать“ о своих интересах, тем лучше они будут понимать, что им надо быть настоящими красноармейцами, честными и стойкими»⁷².

---

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

Политкомиссары обязаны были регулярно представлять отчеты о своей работе. В начале мая 1919 г. политкомиссар 2-й Украинской дивизии докладывал, что ему удалось «дисциплинировать и удержать в строю весь наличный состав дивизии, сделав из нее боеспособную единицу благодаря постоянной политической агитации и пропаганде, а также благодаря вычищению сомнительных элементов и назначению группы ответственных»⁷³. Комиссар указывал, что наиболее действенным методом политработы является «назначение политкомиссаров, твердо и решительно проводящих в жизнь светлые идеи коммунизма»⁷⁴. Далее в отчете приводятся подробные данные о политработе среди населения, о борьбе с неграмотностью, о создании политотделов, в чьи обязанности входила организация театральных спектаклей и концертов.

14 мая военный отдел ЦК КП(б)У принял решение об усилении политпропаганды в армии, поставив задачей провести «подбор лекторов, сформировать из них группы для поездок на фронт, утвердить темы лекций и снабдить их соответствующей литературой»⁷⁵. В июне уже Политбюро ЦК КП(б)У под председательством Раковского сочло необходимым еще более активизировать работу политотделов, особенно на Южном фронте. Было решено закрыть партшколу, слишком узкую по охвату, и «усилить политработу в 14-й армии Бубнова, 13-й армии Пятакова, 12-й армии Затонского и 8-й армии Ауссему». Для выполнения этого решения следовало «провести мобилизацию до 50% коммунистов из совучреждений и парторганизаций», отправив их в войска для «усиления устной и письменной агитации в форме памфлетов и прокламаций»⁷⁶.

⁷³ Отчет политкомиссара 2-й Украинской советской дивизии И. И. Минца о создании дивизии и о политработе среди личного состава, 8 мая 1919 г. // ЦГАСА. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 23. Л. 40—42. Цит. по: Гражданская война на Украине. Т. 2. С. 21, док. № 26).

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Протокол второго заседания военного отдела ЦК КП(б)У, 14 мая 1919 г. // ЦГАСА. Ф. 25860. Оп. 2. Д. 74. Л. 47. Цит. по: Гражданская война на Украине. Т. 2. С. 51—52, док. № 55).

⁷⁶ «О мобилизации партийных сил на Южный фронт» (см.: Протокол заседания Политбюро ЦК КП(б)У, 19 июня 1919 г. //

Очевидно, что руководству украинской компартии во главе с Раковским Красная Армия действительно представлялась «душой Победы». Что касается ПУР, то ему отводилась на «внутреннем фронте» та же агитационно-пропагандистская и организационная роль, что и Коминтерну на «внешнем фронте»: как принципы и методы работы, так и конечная цель были одинаковыми. В глазах Раковского, рабоче-крестьянская Красная Армия на обоих фронтах была на самом гребне гигантской революционной волны. В ее рядах должны были наконец соединиться «Пролетарии всех стран», а потому и освобождение Украины выглядело лишь прелюдией к освободительным походам в Румынию, Венгрию, Польшу и далее в Западную Европу. Как провозглашалось в заключительном воззвании II Конгресса Коминтерна в августе 1920 г., «международный пролетариат не опустит свой меч до тех пор, пока Советская Россия не станет одним из звеньев всемирной Федерации Советских республик»⁷⁷.

Нести свободу всем народам земли Раковский и большевики предполагали во имя все того же принципа необходимости.

5. Раковский и проблема независимости Украины (1919)

Исходя из принципа необходимости, а не свободы, Раковский не мог по-другому смотреть на феномен национализма, кроме как теоретически, да и собственный его опыт с националистическими движениями на Балканах не столько помогал, сколько мешал ему почувствовать своеобразие именно украинского национализма.

Как и многие другие большевики, Раковский считал, что у украинцев, по сравнению с поляками или финнами, национальное чувство только начинало пробуждаться. Когда в январе 1919 г. его назначили председателем временного правительства Украины, он поделился с Лениным своими опасениями, не осложнит ли дело тот факт, что по происхождению он

ЦГАОР СССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 3—4). Цит. по: Гражданская война на Украине. Т. 2. С. 161, док. № 188).

⁷⁷ Цит. по: J. Laloy. Le socialisme de Lénine. Paris, 1967. P. 118.

отнюдь не украинец, на что Ленин, усмехнувшись, посоветовал ему «хорошенько поискать, не найдется ли среди его предков какая-нибудь бабушка-украинка»⁷⁸. Впрочем, тогда же, в январе, Раковский сам утверждал, что «этнические различия между украинцами и русскими незначительны... Гораздо важнее отметить, что в целом у украинского крестьянства нет того, что принято называть национальным самосознанием»⁷⁹.

Не утруждая себя поисками аргументов, Раковский делал вывод, что украинский национализм на деле является «выдумкой авторов Третьего Универсала» и украинской интеллигенции в ее стремлении захватить власть. Отрицание самобытности Украины доходило у него вплоть до отказа ей в территориальной целостности: для него это была просто некая территория «между границами восьми провинций и Тавридой как девятой провинцией, за вычетом Крыма»⁸⁰. Таким образом, украинский национализм для Раковского не мог предстать ничем иным, как одной из сил реакции. Это чувство, навязанное массам интеллигенцией, становилось крайне опасным для дела революции, поскольку «в настоящее время национальное самосознание украинских масс ослепляет их классовое самосознание. А борьба на Украине, как и в России, как и в большинстве стран Европы, уже перешла от межнациональной войны к войне межклассовой»⁸¹.

Важно отметить, что в то же самое время Раковский без колебаний выдвигал аргумент о независимости и суверенности Украины, выражая протест против присутствия на ее территории французских войск. В феврале 1919 г., в качестве наркома иностранных дел, он направил несколько нот союзному командованию, только что завладевшему российским и украинским флотами в Черном море и начавшему вывозить с Украины зерно, сахар и другие продукты, «в которых нуждаются рабочие и крестьяне Украины и голодной Советской Рос-

⁷⁸ Х. Раковский. Ильич и Украина. С. 5.

⁷⁹ Х. Раковский. Безнадежное дело: (О петлюровской авантюре) // Известия. 1919. 3 января.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же.

сии»⁸². Раковский не упустил случая отметить, что вторжение союзных войск на Украину и их действия «полностью противоречили принципам, изложенным президентом Вильсоном, о праве народов бывшей Российской империи самим решать свою судьбу»⁸³. В ноте от 26 февраля, адресованной французскому министру иностранных дел Пишону, Раковский от имени правительства Советской Украины выражал пожелание «заключить мир со всеми правительствами при условии, что французское правительство перестанет рассматривать Украину как будущую колонию французского капитала, наподобие еще одного Мадагаскара, Марокко или Индокитая»⁸⁴. Послание заканчивалось на высокой ноте, дающей представление об истинных намерениях украинской дипломатии тех лет: «Любое соглашение, не принимающее во внимание полную независимость Украинской советской социалистической республики, заранее обречено на провал»⁸⁵.

Этих примеров достаточно, чтобы увидеть, как искусно Раковский использовал в украинском вопросе тактику, которую применял в свое время Луи Вейо в борьбе с либералами, вставая на сторону иезуитов: когда речь шла об отношениях Украины с буржуазными правительствами, за основу брался принцип свободы; когда же дело касалось российско-украинских

---

⁸² В защиту Советской Украины.: Сборник дипломатических документов и исторических материалов. Харьков, 1922. Книга была издана также в переводе на французский язык под названием «L'Ukraine soviétiste: Recueil des documents officiels d'après les livres rouges ukrainiens». Berlin, 1922. P. 13—14 (предисловие Раковского).

⁸³ Раковский и в дальнейшем, став после 1923 г. советским дипломатом, охотно прибегал к такого рода приемам. В 1922 г. лондонская «Таймс» следующим образом комментировала стиль его выступлений как члена советской делегации на Генуэзской конференции: «Г-н Раковский доставил нам подлинное наслаждение, освежив старый подход, известный со времен борьбы иезуитов против французских либералов: „Мы требуем для себя свободы во имя ваших принципов и отказываем в ней вам во имя наших принципов“» (Times. 1922. April 15. P. 16).

⁸⁴ L'Ukraine soviétiste (Loc. cit.).

⁸⁵ Ibid.

отношений, в ход шел принцип необходимости. Позднее, в 1923 г. Раковский, выступая на XII съезде РКП(б), невольно дал карикатуру на самого себя и свое восприятие национальной проблематики. Отстаивая украинские интересы от посягательств нарождающейся сталинской бюрократии, Раковский приписывал своим противникам следующую позицию: «Видите ли, мы решили национальные проблемы сразу же после Октябрьской революции. Мы страна коммунистическая, мы все интернационалисты»⁸⁶.

В 1919 г. Раковский отказывался считаться с фактором украинского национального самосознания, воспринимая его исключительно негативно, поскольку взор его был устремлен на мировую революцию.

6. Коминтерн, дипломатия и Красная Армия (1919)

Весной 1919 г. Красная Армия завладела значительной частью территории бывшей Российской империи и установила советскую власть почти на всей территории Украины. Войска большевиков готовились вступить в Крым, замаячила возможность вторжения в Румынию и в Венгрию для того, чтобы спровоцировать или поддержать восстания, грозившие перекинуться на другие страны буржуазной Европы. В марте 1919 г. Раковский выступил с речью на I Конгрессе Коминтерна, призывая к прямому вторжению в Румынию: «В Румынии обстоятельства развиваются в сторону, благоприятную для революции, однако многое будет зависеть от наступательных действий Красной Армии, которая могла бы подставить плечо мощному революционному движению»⁸⁷.

Когда 21 марта 1919 г., спустя две недели после окончания Конгресса, в Венгрии была провозглашена Советская республика, для большевиков это стало подтверждением близости общеевропейской революции. Раковский начал действовать,

⁸⁶ Двенадцатый съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1968. С. 577.

⁸⁷ Доклад тов. Раковского // Коммунистический Интернационал. Август 1919. № 46. С. 555.

не дожидаясь распоряжений из Москвы. 9 апреля, когда советские войска входили в Одессу, он телеграфировал Антонову-Овсеенко: «Перед победителями под Одессой открываются новые перспективы. Восставшие рабочие и крестьяне Бессарабии, Буковины и Галиции зовут нас на помощь. Через Карпаты им протягивает руку Красная Армия Венгерской советской социалистической республики. Рабочие и крестьяне Украины уверены, что их революционный авангард, Украинская Красная Армия, на деле осуществит свой девиз: вперед, вперед и только вперед...»⁸⁸

13 апреля Антонов-Овсеенко дал приказ «установить контакт с Советской Венгрией броском через Буковину и Венгрию»⁸⁹. Пять дней спустя пришла телеграмма от Ленина на имя Раковского, Подвойского (наркомвоена Украины) и Антонова: «Мы полагаем, что необходимо сосредоточить все силы украинской армии в направлении Донец — Буковина со стороны Чернигова... [На этом направлении] речь идет о том, чтобы облегчить положение Венгрии»⁹⁰.

Главком украинской армии Вацетис сразу же запросил точных инструкций относительно похода Красной Армии на Венгрию: «На какой линии границы должна остановиться армия? Через посредство кого и вместе с кем необходимо вступить в контакт с Советской Венгрией?» 22 апреля Ленин телеграфировал в ответ: «Продвижение в часть Галиции и Буковины необходимо для связи с Советской Венгрией. Эту задачу надо решить быстрее и прочнее»⁹¹. Однако Ленин сделал важное добавление, указав на опасное положение на

⁸⁸ В. А. Антонов-Овсеенко. Записки о Гражданской войне: В 4 т. М.; Л., 1924—1933. Т. 3. С. 249—250.

⁸⁹ Там же. Т. 4. С. 34—35.

⁹⁰ Архив тов. Склянского (в Архиве Троцкого). Цит. по: B. D. Wolfe. The Influence of Early Military Decisions upon the National Structure of the Soviet Union // American Slavic and East European Review. Vol. IX. № 3. P. 169—179.

⁹¹ Архив тов. Склянского. Цит. по: J. Borys. The Russian Communist Party and the Sovietization of the Ukraine: A Study in the Communist doctrine of the self-determination of nations. Stockholm, 1969. P. 229.

внутреннем фронте, особенно в районе Донбасса, которому угрожал Деникин. С точки зрения вождя большевиков, на тот момент внутренний фронт приобретал для защиты революции большее значение, чем внешний: «Опасность слишком велика. Украина должна считать Донбасс важнейшим украинским фронтом»⁹².

В тот же день Ленин послал Вацетису еще одну телеграмму, где содержалось требование «всеми силами помочь нам как можно быстрее уничтожить казаков и овладеть Ростовом, даже ценой временного ослабления на западе Украины, иначе катастрофа неминуема»⁹³. Несмотря на это, командование украинской Красной Армии во главе с Раковским решило не отказываться от плана захвата Румынии и оказания помощи Советской Венгрии. 24 апреля командующий 3-й украинской армией Худяков заявил, что вверенные ему войска должны «освободить Бессарабию»⁹⁴ и вести энергичную подготовку к наступлению в Румынии с выходом к реке Сереть. Цель наступления — «установить в Румынии власть пролетариата при содействии восставших на северо-западе Добруджи, которые нам симпатизируют»⁹⁵.

Антонов-Овсеенко шел дальше: он открыто говорил о том, что революционная волна должна докатиться до Болга-

⁹² Ibid.

⁹³ Ibid.

⁹⁴ По свидетельству Антонова-Овсеенко (ср. Указ. соч. Т. 4. С. 39—40), план захвата Румынии принадлежал Раковскому, который особенно настаивал на освобождении Бессарабии. Еще в 1912 г. он писал в своей газете *Romania Muncitoare* («Рабочая Румыния»): «Мы рассчитываем на победу русской революции, чтобы дать свободу Бессарабии... Русский пролетариат должен служить нам примером... Румынский пролетариат должен научиться говорить по-русски, а также научиться устраивать забастовки для отстаивания своих интересов. Русский пролетариат есть часть международного пролетариата и международного социализма. Поэтому вы должны воскликнуть вместе с миллионами рабочих всех стран: „Да здравствует международный социализм!“» (*Rakovski. Roumanie et Bessarabie. Paris: Librairie du Travail, 1925. P. II.*)

⁹⁵ В. А. Антонов-Овсеенко. Указ. соч. Т. 4. С. 30—35.

рии. Того же 24 апреля он обратился к Ленину с предложением разделить Южный фронт на две части, дав большую свободу действий на юге украинского фронта. Ленин на следующий же день откликнулся язвительной телеграммой, в которой одернул Антонова за его «игры в независимость» и добавил тонём, не терпящим возражений: «Совершенно необходимо бросить украинские армии на Таганрог, это должно быть выполнено немедленно и безусловно»⁹⁶. Требовательный тон ленинской телеграммы, похоже, не произвел большого впечатления на Раковского, решившего во что бы то ни стало спровоцировать вооруженный конфликт между Украиной и Румынией в надежде на то, что румынские рабочие присоединятся к Красной Армии и сбросят румынскую олигархию. 1 мая — этот день был для Раковского особенно значимым⁹⁷ — он предъявил ультиматум румынскому правительству, требуя немедленного вывода войск из Бессарабии⁹⁸. Буквально на следующий день он направил Румынии новый ультиматум, подписанный им в качестве Предсовнаркома и наркома иностранных дел Украины. В нем, в частности, говорилось: «...Буковина, для которой открываются новые перспективы освобождения одновременно от классового и от национального угнетения, стала добычей милитаристов и румынской гражданской олигархии... Украинское рабоче-крестьянское правительство решительно намерено всеми средствами

⁹⁶ Архив тов. Склянского. Цит. по: *J. Borys*. *Op. cit.* P. 230.

⁹⁷ Для Раковского эта дата была важна не только из-за праздника солидарности трудящихся, но и потому, что именно 1 мая 1917 г. он был освобожден из румынской тюрьмы в результате демонстрации русских солдат, которые находились тогда в Яссах. Раковский попал в тюрьму сразу же по вступлении Румынии в войну как «германский агент», проводивший агитацию в духе пацифизма и интернационализма (ср. об этом: *K. Hitchens*. *The Russian Revolution and the Rumanian Socialist Movement, 1917—1918* // *Slavic Review*. June 1968. Vol. XXVII. № 2. P. 271).

⁹⁸ Нота правительств РСФСР и УССР правительству Румынии (за подписями Чичерина и Раковского) // *Красные Книги*. Кн. 2. Харьков, 1921. С. 30—32 (см. также: *Документы внешней политики СССР*. Т. 2. М., 1958. С. 148—151).

защитить право на свободное самоопределение для всех рабочих и крестьян Буковины. Украинский рабочий класс не может допустить, чтобы между Советской Венгрией и Советской Украиной Буковина оставалась в цепях угнетения...»⁹⁹

На вывод войск из Буковины Раковский дал румынскому правительству 48 часов, полагая, что после двух таких ультиматумов буржуазия обязательно отправит своих солдат воевать против Советской Украины и что тогда станет возможно, проведя агитацию среди солдат, отправить их обратно, рутьить устои буржуазной Румынии. Для проведения этой акции почва была тщательно подготовлена румынскими социалистами, друзьями Раковского. Кроме того, ему постоянно докладывали о перемещениях и численности румынских войск¹⁰⁰. Отдать приказ о переходе в наступление было делом нескольких дней¹⁰¹.

С другой стороны, украинские войска двигались через Галицию в направлении Венгрии. 25 апреля командующий 3-й украинской армией, сообщив о своем участии в организации Советов в ряде населенных пунктов, выражал уверенность в том, что «недалек тот день, когда красные войска Украины

---

⁹⁹ Красные Книги. Кн. 2. С. 32. (см. также: Документы внешней политики СССР. Т. 2. С. 152).

¹⁰⁰ Ср., например: Из разведсводки штаба 2-й армии за апрель о расположении румынских и антоновских войск в Бессарабии от 9 мая 1919 г. // ЦГАСА. Ф. 174. Оп. 3. Д. 93. Л. 21—23. Цит. по: Гражданская война на Украине. Т. 2. С. 409—411).

¹⁰¹ На самом деле это была уже вторая попытка Раковского вызвать революцию в Румынии. В феврале 1918 г. он уже организовал с этой целью высадку солдат и матросов в дельте Дуная. После ряда успешных операций против румынских войск Раковский добился освобождения Бессарабии, вынудив генерала Авареску, тогдашнего председателя Совета министров Румынии, подписать соответствующий договор 5 марта 1918 г. Однако несколько дней спустя (13 марта) австро-германские войска, находившиеся тогда на Украине, вошли в Одессу, и Раковский был вынужден бежать сначала в Крым, а затем в Москву (ср. статью «Раковский» в энциклопедии Гранат, кол. 185; см. также: М. Роллер. Революционная борьба румынских моряков в конце 1917 — начале 1918 г. // Вопросы истории. 1956. № 2. С. 97—105).

дойдут до Красной Венгрии и соединятся с ней при помощи галицийских рабочих и крестьян»¹⁰². Проходили недели, а Раковский по-прежнему пребывал в убеждении, что революционную волну ничто не сможет остановить. 19 мая он послал радиogramму Бела Куну¹⁰³, в которой сообщал о широком наступлении украинских армий в направлении Центральной и Западной Европы: «Мы шлем поздравления Советской Венгрии по случаю побед Венгерской Красной Армии и поручаем Совету Народных Комиссаров Украины и военному командованию оказывать всемерную помощь братской, истекающей кровью Советской Венгрии»¹⁰⁴. В настоящий момент прийти на помощь венгерскому пролетариату означает одновременно прийти на помощь и немецкому пролетариату, которому международный империализм несет полнейшее политическое и экономическое закабаление — Совет Народных Комиссаров Украины заявляет, что будет неуклобно придерживаться политики единого революционного фронта с Красной Венгрией, которой мы помогаем нашими ультиматумами Румынии и нашим наступлением»¹⁰⁵.

¹⁰² (ЦГАСА. Ф. 178. Оп. 3. Д. 15. Л. 26. Цит. по: Гражданская война на Украине. Т. 2. С. 381).

¹⁰³ С первых дней существования Венгерской Советской республики, т. е. с конца марта 1919 г., Раковский поддерживал с Бела Куном постоянную радиосвязь: Харьков служил промежуточным пунктом воздушной и телефонной связи между Будапештом и Москвой (см. *L. Fischer. The Soviets in World Affairs: A History of Relations between the Soviet Union and the Rest of the World. London: Jonathan Cape, 1930. Vol. 1. P. 195*).

¹⁰⁴ Раковский, конечно же, ощущал себя в этот момент наследником духа Великой французской революции, и его телеграмма Бела Куну весьма напоминает по стилю знаменитый декрет Конвента от 19 ноября 1792 г.: «Национальный Конвент заявляет от имени всего французского народа, что он окажет братскую помощь всем народам, желающим обрести свободу, и поручает своим исполнительным органам отдать приказ генералам спасти все народы и защищать всех граждан, которые пострадали или нострадают за дело свободы» (см. *Gooch. Studies in Diplomacy and Statecraft, loc. cit.*).

¹⁰⁵ Телеграмма советского правительства Украины советскому правительству Венгрии, № 1472, Киев, 19 мая 1919 г. (Документы внешней политики. Т. 2. С. 168—169).

Перед нами яркий пример того, как Раковский «толкал Москву вперед», что ему случалось делать «не один раз», как свидетельствует Троцкий¹⁰⁶. Похоже, однако, что и ультиматумы Румынии, и телеграмма о поддержке революции в Венгрии лишь ускорили падение Венгерской Советской республики, а когда Бела Кун больше всего нуждался в помощи со стороны Украины, эта помощь так и не пришла.

В июле 1919 г. венгерская Красная Армия перешла в наступление на румынские позиции вдоль демаркационной линии, установленной между двумя странами по решению Антанты. О планах этого наступления было заранее известно румынскому генштабу от многочисленных офицеров-перебежчиков с венгерской стороны, поэтому наступление захлебнулось, едва начавшись, и обернулось беспорядочным бегством по всему фронту¹⁰⁷. 30 июля румынские войска начали наступать на Будапешт, и не прошло двух дней, как 1 августа 1919 г. советский режим в Венгрии пал. Ни о какой помощи от Советской Украины не могло быть и речи: правительство Раковского само висело на волоске, пытаясь сдержать победоносное наступление Деникина.

Если внимательно проследить эволюцию отношений между Лениным и Раковским с мая по август 1919 г., то становится видно, как стремительно они ухудшались. Еще в конце апреля Ленин связывает именно с Раковским все свои надежды на решение военных, политических, экономических и социальных вопросов, вставших перед большевиками на Украине¹⁰⁸. Однако с начала мая Ленин с растущим беспокойством следит за тем, как упорно Раковский переносит центр тяжести с внутреннего фронта революции на внешний. 5 мая он

---

¹⁰⁶ Архив Троцкого, там же.

¹⁰⁷ См.: История дипломатии. 2-е изд. М., 1965. Т. 3. С. 193—194.

¹⁰⁸ Так, 28 апреля Ленин телеграфирует Л. Б. Каменеву, находившемуся тогда на Украине: «... Иоффе нужен не в Крыму, а гораздо больше в украинском правительстве на месте, которое подберет ему Раковский для борьбы с самостийностью» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 294).

шлет возмущенную телеграмму Раковскому, Антонову-Овсеенко и Подвойскому: «До сих пор вы не прислали точного конкретного ответа, какие части, сколько ружей, сабель, орудий отправлено в Донбасс, и на каких станциях стоят первые эшелоны. Падение Луганска показывает, что правы те, кто обвиняет вас в самостийности и устремлении на Румынию. Не забывайте, что вы будете нести ответственность за катастрофу, если задержите оказание серьезной помощи Донбассу»¹⁰⁹.

Не пройдет и двух недель, как Раковский отправит телеграмму Бела Куну с подтверждением начала наступления украинских войск на Центральную Европу, однако с этого момента большевики сами были вынуждены отступать с Украины, причем чем дальше, тем быстрее.

26, 28 и 29 мая Ленин бомбардирует партийных и военных руководителей на Украине телеграммами, обвиняя их в неисполнении приказов: из множества обещанных полков на Южный фронт прибыли только два, да и то совершенно небоеспособные; объявленная мобилизация 20 тыс. рабочих так и не была проведена; Махно «катится на запад, открыв фланг 13-й армии». У Ленина нет сомнений, что «Антонов и Подвойский понесут уголовную ответственность за каждую минуту опоздания»¹¹⁰. 29 мая Ленин буквально вне себя от бешенства: «Ни одно обещание не выполнено, никакой помощи Донбассу не поступило, мобилизация рабочих идет чудовищно медленным темпом. Вы будете лично нести ответственность за неминуемую катастрофу»¹¹¹.

Проходит еще три месяца, и большевиков изгоняют с Украины. 13 августа в телеграмме на имя Раковского, Троцкого и Косиора Ленин дает последние распоряжения: «Я настоятельно требую закрытия всех комиссариатов за исключением тех, которые заняты военными делами, коммуникациями, транспортом и снабжением. Мобилизуйте всех до последнего человека... чтобы продержаться хотя бы несколько недель

¹⁰⁹ Там же. С. 302—303.

¹¹⁰ Архив Троцкого. Т. 239 (цит по: *A. E. Adams. Op. cit. P. 362—363*).

¹¹¹ Там же.

после слияния Совнаркома, Совета Обороны, ВЦИКа и ЦК КП(б)У в один орган...»¹¹²

В дни, когда политика, предложенная и проводившаяся Раковским, терпела полное поражение, для него, видимо, стала яснее суть проблем, с которыми столкнулась Советская Федерация как государство. Следовало в первую очередь думать о поддержке со стороны масс, чтобы земля не горела под ногами большевистского правительства, нацеленного на мировую революцию. При этом Раковский до конца останется верен принципу поддержания постоянного революционного напряжения как внутри, так и за пределами Советской Федерации¹¹³. Красная Армия так и останется в его глазах главным орудием окончательной победы пролетариата над буржуазией, поскольку та еще достаточно сильна, чтобы цепко удерживать власть и сдерживать тем самым поступательное развитие Истории¹¹⁴.

Когда в июле 1920 г. стремительно разворачивалось наступление советских войск в Польше, Раковский вновь загорелся верой в неизбежную революцию в Европе. Однако Красная Армия вскоре потерпела сокрушительное поражение, и все силы были брошены на добывание Врангеля в Крыму. В качестве председателя Совнаркома воссозданной Советской Украины Раковский послал поздравительную телеграмму М. Фрунзе, где вновь говорится о двойной задаче, которая всегда будет стоять перед Красной Армией: «... с взятием Севастополя и полным изгнанием белогвардейцев из Крыма успешно

---

¹¹² Ленин, Каменев, Стасова в Киев: Раковскому, Троцкому, Косиору. Секретная шифротелеграмма № 5893 от 13 августа 1919 г. (цит. по: А. Е. Adams. *Loc. cit.*).

¹¹³ Именно поэтому в 1921 г. он будет вести борьбу с «демобилизаторскими настроениями» в Красной Армии (ср. его статью: Украинское крестьянство и Красная Армия // Правда. 1921. 22 декабря), а до этого будет всячески способствовать милитаризации труда на Украине (см.: Красная Украина. Тов. Раковский о положении в Советской Украине // Известия. 1920. 16 июля).

¹¹⁴ Ср. в этой связи ожесточенные споры на XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г. (Стенографический отчет. М., 1961. Т. 1. С. 207 и сл.).

завершился период кровопролитной борьбы с помещиками и капиталистами. Теперь для нас начинается период мирного восстановления, но Красная Армия по-прежнему остается в центре внимания советского правительства. И в дальнейшем нам предстоит продолжать оборонять границы Советской Федерации от постоянных происков международного империализма, который стремится уничтожить нас. В то же время наша армия будет участвовать в организации социалистической экономики. Красная Армия блестяще выполнила свою задачу, она будет и впредь, рука об руку с рабочими и крестьянами, продвигать вперед дело освобождения рабочих всего мира»¹¹⁵.

Оксфорд, 1973

---

¹¹⁵ ЦГАОР СССР. Ф. 2. Оп. 1. Д. 574. Л. 10. Цит. по: Гражданская война на Украине. Т. 3. С. 207, док. № 714.

ХРИСТИАН РАКОВСКИЙ — НАРКОМИНДЕЛ УКРАИНЫ (ЯНВАРЬ 1919 — АВГУСТ 1923 г.)

Дипломатическая деятельность Христиана Раковского на Украине является, вероятно, одной из наименее изученных страниц его политической биографии, и это неслучайно: в исследованиях по Советской Украине слишком долго игнорировалась ее внешняя политика. Существует, правда, монография В. Маркуса, посвященная международным связям Советской Украины¹, но тот факт, что автор вынужден был ограничиться анализом официальных документов, опубликованных в то время, значительно снижает научную ценность этой работы. Разумеется, приведенные в ней материалы — официальные заявления и договоры — являются важнейшим источником и должны быть тщательно изучены. Однако именно архивные документы и мемуары нередко по-новому высвечивают то или иное историческое событие. В таких случаях на смену юристу приходит археолог.

Среди неопубликованных записей Л. Троцкого, сделанных им после высылки из СССР, мы находим ряд весьма интересных высказываний о роли Х. Раковского в качестве наркома по иностранным делам Советской Украины с января 1919 г. по август 1923 г. (этот пост он занимал тогда по совместительству с должностями председателя Совета народных комиссаров Украины и члена Политбюро ЦК КП(б)У). В данной статье мы попытаемся прежде всего определить степень достоверности и значимости утверждений Троцкого,

---

¹ V. Markus. L'Ukraine soviétique dans les relations internationales (1919—1923). Paris: Les Éditions internationales, 1959.

чтобы затем постараться уточнить вытекающие из них следствия. Итак, Троцкий пишет:

«Раковский вникал во все вопросы украинской жизни, сосредоточив в своих руках управление всеми делами. В архиве секретариата Ленина хранятся замечания, телеграммы, письма и записи телефонных разговоров, которыми обменивались Ленин и Раковский по самым разным поводам; военные дела, выработка различных документов, планы ввоза тех или иных товаров на Украину, национальная политика, дипломатия, деятельность Коминтерна [...]»

«В качестве комиссара по иностранным делам на Украине Раковский не скупился на ноты протеста, адресуя их министру иностранных дел Франции, конференции правительств Франции, Великобритании и Италии, и всем, всем, всем».

«В этих важных пропагандистских документах он раскрывает обстоятельства, в которых войска Антанты ведут необъявленную войну на Украине, действуют как жандармы, преследуя коммунистов, оказывают помощь белогвардейцам».

«Однако значительно более важной была дипломатическая деятельность, которую Раковский вел за кулисами и благодаря которой ему не раз случалось подталкивать Москву вперед. Когда будут опубликованы документы, хранящиеся в архивах, они расскажут об этом немало интересного [...]»².

Чтобы лучше представить деятельность Х. Раковского на посту наркома по иностранным делам Украины, необходимо вспомнить тот своеобразный контекст, в котором она разворачивалась, и дать характеристику личности человека, умевшего влиять на события и даже в какой-то степени направлять их ход.

До 1917 г. Х. Раковский был известен в социалистических кругах Европы как социал-демократ и убежденный интернационалист, бесспорный лидер социалистической партии Румынии и активно действующий секретарь Федерации социалистических партий на Балканах. Когда успешное восстание в Петрограде в октябре 1917 г. спровоцировало мощное революционное движение на всей территории бывшей царской им-

² Л. Троцкий. Раковский на Украине // Архив Троцкого (Houghton Library, Harvard University), dossier bMS. Russ. 13.

перии, Раковский решил, что эти события неизбежно найдут отклик в Румынии, как это уже случилось после русской революции 1905 г. Он думал, что революционная волна, поднятая большевиками, разрушит прежние представления о вражде между странами, национальностями и народами. Он всегда верил, что социализм не имеет границ и должен их уничтожить после своей победы. Он всегда заявлял, что «не признает никакой другой страны, кроме общей страны международного пролетариата»³.

Этой непоколебимой убежденностью Раковского объясняется его желание максимально централизовать живые силы революции, когда Ленин поставит его во главе правительства Советской Украины в тяжелейший момент гражданской войны. Сама глубина его убежденности делает особенно интересным для нас изучение эволюции взглядов Раковского с 1920 по 1923 г., поскольку именно он будет прилагать усилия к тому, чтобы по мере возможности отстоять независимость Украины в дипломатических отношениях и экономических связях с западноевропейскими странами.

Вплоть до ноября 1917 г., когда он принял решение связать свою судьбу с большевистской революцией и сблизиться с ее лидерами, Раковский не разделял ни теоретических взглядов Ленина, ни его практических шагов. Но когда большевистская революция доказала на практике обоснованность ленинских тезисов о вооруженном восстании и о возможности развязать пролетарскую революцию в России, Раковский «пришел тогда к Ленину как признательный ученик, в котором не было уже ни тени ревности по отношению к учителю»⁴.

Ленин, со своей стороны, задавался вопросом прежде всего о будущем международной революции и прекрасно понимал, что поддержка русской революции руководителями социалистических партий Европы является жизненно необходимой для успеха начатого дела. Он неоднократно повторял:

---

³ Ch. U. Clark. Bessarabia: Russia and Rumania on the Black Sea. N. Y., 1927. P. 180—188.

⁴ Л. Троцкий. Раковский — дипломат // Архив Троцкого (Houghton Library, University of Harvard), bMS. Russ. 13, T 3491.

«Много ли среди нас таких, кто знает, что представляет собой Европа, каково состояние мирового рабочего движения? Пока мы будем оставаться в одиночестве с нашей революцией, ничто не сможет заменить нам международного опыта»⁵.

Именно поэтому присоединение Раковского к большевизму было по достоинству оценено Лениным. Уже в декабре 1918 г. о нем говорилось в официальной ноте, отосланной рабочим и руководителям «немецкой социалистической республики», как об «одном из самых заслуженных и самых преданных бойцов социалистического рабочего Интернационала, который посвятил многие десятилетия своей выдающейся деятельности международному социалистическому движению и которого рабочие-социалисты всех стран знают как одного из выдающихся вождей рабочего движения»⁶.

Прекрасно зная об этих достоинствах «новобранца», Ленин дал ему в январе 1919 г. все полномочия на Украине, где еще только предстояло установить советскую власть. В течение всего периода гражданской войны главной задачей Раковского было закрепиться на Украине, заставить население признать новое правительство и новую администрацию. Тогда же он создал украинскую армию, задуманную как авангард и «совесть» пролетариата в борьбе за свободу как на внутреннем, так и на внешнем фронтах революции⁷. В марте 1919 г. на II съезде Советов Украины была принята Конституция УССР, в которой впервые официально учреждается тесный экономический и военный союз с Советской Россией, «чтобы вести борьбу до триумфальной победы мировой коммунистической революции»⁸.

Отношения между Украиной и Россией приобрели еще большую ясность после подписания в декабре 1920 г. важного

⁵ L. Trotski. Ma vie. Paris: Gallimard, 1953. P. 541.

⁶ Письмо наркоминдела Чичерина председателю Берлинского Совета рабочих и крестьян и всем советам рабочих и крестьян Германии // Известия. 1918. 3 декабря.

⁷ H. Rakovsky. The Soul of Victory // Communist International. 1921. № 13. P. 60—64.

⁸ История Советской Конституции в документах, 1917—1956. М., 1957. С. 207—208.

договора о военно-экономическом союзе. От имени РСФСР договор подписали Ленин и Чичерин, а от УССР — Раковский. Главной целью этого договора было обеспечение того, чтобы все дальнейшие действия обеих республик «были обусловлены общими интересами рабочих и крестьян»⁹. Такое нарочитое подчеркивание глубокой общности революционных интересов украинского и русского народов оставляло мало места для независимости. Впрочем, Ленин не преминул включить фразу о теоретически возможном самоопределении Советской Украины, заранее защищаясь от обвинений в великорусском империализме: «Из того факта, что территория Советской Украины принадлежала когда-то Российской империи, не вытекает никаких обязательств Советской Украинской республики по отношению к кому бы то ни было»¹⁰.

По условиям этого договора правительства обеих республик соглашались объединить комиссариаты по военным и морским делам, внешней торговле, путей сообщения, почт и телеграфов¹¹. Ленин провел это объединение под лозунгом пролетарской солидарности, но важно отметить, что он оставил-таки Украине комиссариат по иностранным делам. Точнее говоря, комиссариат, учрежденный постановлением ЦК КП(б)У от 16 марта 1920 г., не был присоединен к соответствующему российскому наркомату при подписании декабрьского договора. Попробуем выяснить мотивы принятия такого решения и попытаемся проследить его последствия для отношений между УССР и внешним миром.

В неизданных записках «Раковский на Украине» Троцкий определенно дает понять, что в первые годы советской власти большевики не знали точно, как они могут использовать

---

⁹ Ср. комментарий по этому поводу Э. Х. Карра и Ю. Бориса (*E. H. Carr. The Bolshevik Revolution, 1917—1923. Vol. I. London, 1964. P. 386; J. Borys. The Russian Communist Party and the Sovietization of Ukraine. Stockholm, 1960. P. 285—286*).

¹⁰ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных РСФСР с иностранными государствами. Пг., 1921. I, 8. С. 15—16.

¹¹ Х. Раковский. СССР — новый этап в советском союзном строительстве. Харьков, 1923. С. 17 и сл.

украинскую дипломатию: рассматривать ее как чистую фикцию, удобную для достижения своих целей, как мяч, который они надували бы в нужный момент, или же придать ей определенный вес, дав возможность вести собственную игру на международной шахматной доске. «Окончательное объединение советской дипломатии было произведено позднее, — пишет Троцкий. — Мы не торопились это делать, так как никто точно не знал, как будут складываться международные отношения, и никто не мог сказать, не будет ли выгоднее для Украины пока не связывать свою судьбу с судьбой России»¹².

Похоже, что «фикция» украинской дипломатии имела место лишь в 1919—1920 гг., и мы попробуем доказать это на нескольких конкретных примерах, выявляющих «оборонительные» и «наступательные» соображения, которые обусловили такое решение правительства Советской России. Затем нам предстоит увидеть, как эта «фикция» превращалась в «реальность» благодаря совместным усилиям многих действующих лиц, которые вплоть до овладения Сталиным рычагами власти в 1923—1924 гг. сопротивлялись политике все более жесткой централизации, проводимой Москвой: имеется в виду, с одной стороны, рост украинского национального самосознания, далеко не прекратившийся к тому моменту, когда Ленин пошел на введение «НЭП в области внешней политики» (по удачному выражению Э. Х. Карра), и, с другой стороны, личное влияние и воля Раковского, вскоре обвиненного в желании стать «украинским Лениным».

В 1925 г., анализируя юридические аспекты независимой внешней политики России и Украины, украинский юрист М. Рейшель отмечал: «РСФСР и УССР никогда не действовали как единое государство в области внешней политики. Их комиссариаты по иностранным делам были полностью разъединены в организационном плане. Они лишь согласовывали и координировали свои действия. Их дипломатические представительства за границей, там, где таковые имелись, создавались независимо друг от друга и представляли только свою республику. В особых случаях, как, например, в Гене

¹² Л. Троцкий. Раковский на Украине (Op. cit.).

или в Лозанне, делегации формально объединялись, однако для каждой совместно проводимой акции имелись юридические основания в виде особых договоров, заключаемых между обеими республиками, а соответствующие полномочия делегациям давались каждой стороной отдельно»¹³.

Можно, конечно, принять это как описание теоретически существовавшей независимости украинской дипломатии, но само по себе оно не содержит объяснения причин этого явления.

Предоставляя украинскому правительству определенную независимость в области внешней политики, Ленин исходил в первую очередь из интересов обороны. Чтобы правительство Харькова получило более широкую официальную известность, Украине следовало дать хотя бы видимость независимости на международной арене: таким образом, УССР как субъект международного права противопоставлялась украинским правительствам в изгнании, которые в это время еще выступали за рубежом в качестве юридических лиц и пока имели некоторые шансы вернуться на территорию Украины. Возьмем лишь два примера, достаточно наглядно показывающие, как именно использовал в это время Раковский формальную независимость Украины.

В самом разгаре гражданской войны Раковский разослал значительное количество нот протеста правительствам стран Антанты. Так, в марте 1919 г. он обвинил министра иностранных дел Франции в нежелании отвечать ему напрямую и в сокрытии тем самым своих агрессивных намерений: «Г-н Пишон не дает никакого прямого ответа украинскому правительству и не делает ему никаких предложений. Если подобное игнорирование существования правительства Советской Украины является преднамеренным, его следует интерпретировать следующим образом: французское правительство признает за правительством Советской России право представлять все советские республики независимо от их национальностей [...] Если же это преднамеренное игнорирование означает,

---

¹³ М. Рейшель. Союз Советских Социалистических Республик: Очерк конституционных взаимоотношений советских республик. Харьков, 1925. С. 49—51.

что Франция признает на Украине только правительство Директории, которое осталось практически без территории и которое уцелело только благодаря тому, что бежало из страны, французское правительство может этим только помешать установлению мирных взаимоотношений между Украиной и Францией, нисколько не ослабляя советскую власть на Украине»¹⁴.

Месяцем раньше Раковский без колебаний ссылался на «буржуазное» понятие самоопределения народов, чтобы доказать, что вторжение французских войск на Украину «полностью противоречило принципам, изложенным президентом Вильсоном, о праве народов бывшей Российской империи самим решать свою судьбу». В ноте министру иностранных дел Франции от 26 февраля было выражено желание Советской Украины «заключить мир со всеми правительствами при условии, что французское правительство перестанет рассматривать Украину как будущую колонию французского капитала, наподобие еще одного Мадагаскара, Марокко или Индокитая». Послание заканчивалось фразой, раскрывающей большевистское понимание самоопределения наций и курс, взятый украинской дипломатией: «Любое соглашение, не принимающее во внимание полную независимость Украинской советской социалистической республики, заранее обречено на провал»¹⁵.

Когда речь шла об отношениях Украины с буржуазными правительствами, за основу неизменно брался принцип свободы; когда же дело касалось российско-украинских отношений, в ход шел принцип необходимости.

Большевики умели разыгрывать карту независимости украинской дипломатии и в более «агрессивной» манере, чему примером может служить хотя бы завершение советско-польской войны летом 1920 г. В середине августа, когда начались мирные переговоры в Минске, делегация советской России

¹⁴ L'Ukraine soviétiste: Quatre années de guerres et de blocus / Préface de Rakovski. Berlin, 1922. P. 17—21. Ср. аналогичные ноты, адресованные правительству Греции (26 февраля 1919 г.) и вновь французскому правительству (5 и 12 апреля и 29 мая 1919 г.), Ibid. P. 25—28, 32—33.

¹⁵ Ibid. P. 36.

обратилась с просьбой к польскому правительству дать полномочия его представителям одновременно вести переговоры с Советской Украиной. В этот момент советские войска еще продолжали наступать на Варшаву, и, чтобы выиграть несколько дней, Чичерин послал 16 августа телеграмму главе советской делегации Данишевскому, в которой особо настаивал на том, что украинские представители образуют «делегацию независимой Украинской советской республики, не являющейся частью Российской республики»¹⁶. Перед началом переговоров с русской и украинской делегациями польские делегаты должны были предъявить специальный мандат от своего правительства. Это уже было первой дипломатической победой, так как поляки этим самым признавали независимость Советской Украины и официально отмежевались от своего недавнего союзника — Симона Петлюры. В итоге Рижский договор 18 марта 1921 г. был подписан А. А. Иоффе совместно с двумя представителями Советской Украины — Е. Квирингом и Ю. Коцюбинским.

В последующие годы Раковский попытается добиться подлинной независимости украинской дипломатии и усилить влияние Советской Украины на международной арене. В течение 1920—1923 гг. УССР заключила официальные договоры с Германией, Австрией, Польшей, Чехословакией, Италией и Литвой.

Впрочем, эти события лишь отражали состояние отношений между советской Россией и Западной Европой и начало политической, экономической и дипломатической конфронтации между двумя блоками. История этих официальных договоров была уже подробно описана В. Маркусом, но она касается только видимой части айсберга.

Официальная линия украинской дипломатии была в свое время достаточно ясно изложена заместителем наркома по иностранным делам Украины В. И. Яковлевым в интервью газете «Известия» в августе 1922 г. Он, в частности, заявил: «В области внешней политики Украина не может иметь

---

¹⁶ Полный текст этой телеграммы был опубликован в издававшейся в Вене эмигрантской газете «Вперед» 5 сентября 1920 г.

интересов отличных от интересов России, являющейся, как и Украина, пролетарским государством. Героическая борьба России в тесном союзе с Украиной против империализма, как на внутреннем, так и на внешнем фронтах, уступает место единому дипломатическому фронту. Украина ведет независимую внешнюю политику, когда затрагиваются ее особые интересы. Но при решении вопросов, имеющих общий экономический и политический интерес для всех республик, российский и украинский комиссариаты по иностранным делам действуют как представители единой федерации»¹⁷.

Интересно отметить, что тот же Яковлев двумя годами раньше в частной беседе заявил, что российский Наркоминдел не имеет ни малейшей свободы действий и «является просто канцелярией по иностранным делам при Центральном Комитете» партии¹⁸. Соответственно, украинский комиссариат обладал еще меньшей независимостью. Однако возглавляли эти ведомства два совершенно разных человека: в отличие от Чичерина, не игравшего никогда политической роли, Раковский намеревался всерьез бороться за расширение своих прерогатив. В своем докладе на VI Всеукраинской партконференции 10 октября 1921 г. (накануне очередной годовщины Октябрьской революции) он заявил со всей определенностью, что «необходимо предоставить больше независимости украинским организациям, особенно тем из них, которые объединены, поскольку другие организации уже независимы»¹⁹.

Ленин был не из тех, кто заблуждался относительно смысла речей Раковского и характера отношений, которые тот намеревался установить между Харьковом и Москвой. Спустя несколько месяцев вождь большевиков заметил с долей иронической озабоченности: «Украина является независимой республикой, мы все согласны с этим. Но [...] иногда — как бы

¹⁷ Известия. 1922. 13 августа. См. также: Russian Information and Review. 15. 09. 1922.

¹⁸ Цит. по: G. Bessedovskij. Revelations of a Soviet diplomat. London, 1931. P. 20.

¹⁹ Бюллетень VI Всеукраинской конференции КП(б)У. Харьков, 1921. С. 12.

это сказать повежливей — иногда она пытается нас обойти, и нам надо будет это исправить. Потому что у них там хитрые люди сидят в руководстве, а их ЦК, я не скажу, обманывает нас, но в определенном смысле удаляется от нас»²⁰.

Это предостережение со стороны Ленина было вызвано одним важным решением украинского правительства по вопросу о внешней торговле, принятым незадолго до этого; мы увидим также, что оно было прямым следствием попыток Раковского создать дипломатические представительства Украины за рубежом.

В начале января 1922 г. Экономический Совет Украины по инициативе Раковского одобрил резолюцию, согласно которой «торговые договоры, подписанные РСФСР, не распространяются на Украину»²¹. Двумя месяцами позже глава британской торговой делегации на Украине майор Данлоп писал в своем отчете в Фории Оффис: «Похоже, украинское правительство пытается добиться полного контроля над своими комиссариатами; так, комиссариат по внешней торговле не является больше отделением московского комиссариата»²².

В цитированном докладе на VI Всеукраинской партконференции Раковский упомянул о том, что украинский Наркомвнешторг получил одну за другой две крупные суммы (всего около 70 миллионов золотых рублей) из федеративных резервов. Он указал также, что отныне будет настаивать на четком разделении сфер влияния России и Украины: в зону украинских интересов предполагалось включить Польшу, Чехословакию,

²⁰ Речь на XI съезде ВКП(б) 27 марта 1922 г.

²¹ Коммунист (Харьков). 1922. 29 января.

²² Ukrainian-British trade collaboration. Major Dunlop to Foreign Office, 08. 03. 1922 // Foreign Office Archives (FO) 371 / 8165. Самостоятельный Наркомвнешторг Украины, во главе которого стоял А. Шлихтер, существовал ранее только с 26 января по 1 июня 1919 г. Во втором правительстве Раковского (с начала 1920 г.) его решили не воссоздавать. После подписания в декабре 1920 г. Договора об экономическом и военном союзе внешней торговлей на Украине занимался Укржовнторг, находившийся в прямом подчинении российского Наркомвнешторга, руководимого Л. Б. Красиным (см.: V. Markus. Op. cit. P. 104).

Болгарию, Турцию и Австрию. По договору, подписанному в начале 1922 г. Раковским и Красиным, зона предпочтительных интересов украинского Внешторга распространялась на Польшу, Чехословакию, Турцию, Румынию, Болгарию и Грецию, а торговый представитель Украины в Турции был назначен главой объединенной миссии УССР и РСФСР. Словом, нет никаких сомнений в том, что с начала 1922 г. и до июля 1923 г. — когда вступила в силу Конституция СССР, а Раковский был снят с руководящих постов на Украине — харьковское правительство прилагало усилия к тому, чтобы получить все более широкие полномочия.

История украинских дипломатических представительств за рубежом также свидетельствует о бесспорно возрастающем желании Украины утвердиться на международной арене.

Еще в апреле 1920 г. Раковский назначил своего первого полпреда в лице М. Левицкого, отправленного в Прагу, несмотря на то, что Чехословацкая республика еще не признала ни РСФСР, ни УССР²³. В начале 1921 г. украинским послом в Берлине был назначен Владимир Христианович Ауссем; он был чрезвычайно активен и добился полного равенства в полномочиях с полпредом РСФСР Крестинским: в частности, именно он подписал первый договор с Грецией от имени СССР²⁴. Его брат, Отто Христианович Ауссем, был назначен представителем Наркомпроса сначала в Берлин, в январе 1922 г., а затем в Прагу²⁵. Наконец, осенью 1921 г. третий украинский дипломат А. Шумский был назначен полпредом в Польшу²⁶.

Украинские дипломаты оказались чрезвычайно предприимчивыми, независимо от того, занимали ли они постоянную долж-

---

²³ Предварительный договор, означавший признание Советской Украины Чехословакией, был подписан два года спустя (ср.: Сборник действующих договоров и соглашений. 3-е изд. М., 1935. С. 209—214).

²⁴ Деятели СССР и Октябрьской революции: Энциклопедический словарь / Рус. библиографич. ин-т бр. А. и И. Гранат и К°. 7-е изд. М., 1927—1929. III. Кол. 290—293.

²⁵ Там же.

²⁶ См. о нем: *W. E. D. Allen. The Ukraine.* N. Y., 1940. P. 338—339, n. 12.

ность или просто входили в состав той или иной делегации для ведения переговоров. Первые договоры Советской Украины были подписаны с Литвой 14 февраля 1921 г., с Латвией 3 августа 1921 г. и с Эстонией 25 ноября 1921 г.²⁷ Отдельные переговоры велись с Польшей, Чехословакией, Турцией, а также с Италией, Францией, Германией и Великобританией. Прежде чем мы приступим к более внимательному рассмотрению дипломатических контактов Украины с внешним миром, следует уточнить характер отношений, сложившихся у правительства Раковского с группами украинских эмигрантов. Это поможет нам лучше понять, каким образом Раковский установил связи с некоторыми западными державами, в частности с Германией и Францией.

В интервью газете «Известия» 12 августа 1922 г. Яковлев заявил, что одна из самых важных проблем, которую должен разрешить МИД Украины, это проблема украинской эмиграции. Задача состояла в том, чтобы всячески уменьшить влияние украинских националистических групп, выступающих под флагом «Национального украинского правительства» как на территории самой Украины, так и в ряде европейских стран: «Эти импровизированные национальные украинские республики, которые уже более двух лет не контролируют ни одного квадратного метра украинской территории, до недавнего времени были представлены во многих европейских странах. Положить конец притязаниям этих авантюристов было нелегким делом, но потребность, осознаваемая с обеих сторон и, возможно, даже в большей степени со стороны государств Западной Европы, установить экономические связи с Советской Украиной, заставила их заключить с нами договоры и одновременно покончить с незаконным правительством Петлюры и его представителей»²⁸.

Советское правительство, как РСФСР, так и УССР, с исключительным вниманием следило тогда за деятельностью «белогвардейцев» за рубежом. Впрочем, если верить отчетам хорошо информированной британской спецслужбы Интеллидженс сервис (SIS), эти группы находились в 1922 г. в дос-

²⁷ V. Markus. Op. cit. P. 51 sq. О деятельности дипломатических и консульских представительств УССР см. Ibid. P. 100—102, 265.

²⁸ Известия. 1922. 12 августа.

таточно жалком состоянии из-за непреодолимых финансовых трудностей, которыми умело воспользовался Раковский²⁹.

В отчете от 13 июля 1922 г. агент SIS, находящийся в Вене (и получавший информацию от некоего украинца, примыкавшего к одной из главных эмигрантских групп), выделяет четыре разновидности украинских националистов:

1. Группа австрийского эрцгерцога Вильгельма. Она была совершенно «сломлена»: последняя субсидия от Германии была ею получена 1 апреля 1922 г.; к тому же эрцгерцог был скептически настроен в отношении шансов на успех возможного восстания: «Он ограничивался поддержанием контактов со своими приверженцами в надежде перейти к активным действиям при более благоприятных условиях»³⁰.

2. Группа Петлюры. Уже в 1922 г. она находилась «на грани полного краха». Министры Петлюры, Никовский и Иронимус, согласились принять предложенные им должности в советском аппарате Украины, а Христофор Барановский был назначен членом украинской торговой делегации в Берлине. Ставка Петлюры прекратила свое существование за неимением денег, а его представительство в Бухаресте незадолго перед тем перешло к Скоропадскому.

3. Группа Скоропадского была единственной имевшей в 1922 г. некоторое военное значение; она заняла на Украине прежние позиции Петлюры; считалось, что она имеет «военное агентство» в Черновцах. Представителем Скоропадского в Польше был генерал Зелинский, который, как предполагалось, поддерживал контакт с французской военной миссией в Варшаве. В 1922 г. все думали, что Скоропадский «попытается наладить сотрудничество с генералом Врангелем с целью объединить около Будапешта всех украинцев, которые в тех условиях могли вернуться на родину»³¹.

4. Две венские группы, которые до 1922 г. существовали раздельно, «по некоторым признакам имели намерение объединиться» под влиянием Ю. Коцюбинского, главы миссии

---

²⁹ Secret Intelligence Service (SIS), отчет № 775 от 13.07.1922 г.: Ukrainian groups abroad (FO 371 / 8165).

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid.

Советской Украины в Вене. Действительно, стремясь ослабить влияние украинских эмигрантских групп, Раковский решил пойти на сближение с ними, чтобы затем использовать их в своих интересах. Для этого он выбрал две группы, деятельность и влияние которых были наиболее значительными: венскую группу и ту, которой руководил в Париже Маркотун, президент Украинского национального комитета. В июле 1922 г. уже упоминавшийся украинский осведомитель британской спецслужбы SIS сообщил следующую новость: «Советские агенты в Австрии ведут усиленную пропаганду среди эмигрантов с целью убедить их вернуться [в Советскую Украину]: Агапев недавно получил 1,5 миллиона крон на создание особого бюро в Вене»³².

Наибольший успех, которого добился лично Раковский через украинские националистические группы, был достигнут, несомненно, благодаря его отношениям с Маркотуном: мы проанализируем их детально, так как Христиан Георгиевич сумел очень искусно использовать группу Маркотуна для установления контактов с Пуанкаре.

Надежды, которые возлагали на Украину некоторые представители французского правительства и генштаба, были обозначены в одной конфиденциальной беседе генерала Вейгана с послом Великобритании в Берлине лордом д'Аберноном 1 октября 1922 г. Вейган считал, что было бы желательно «разделить [бывшую царскую империю] на множество независимых частей [...]»³³. Западноевропейские страны проникли бы сначала на Украину, которая является самым богатым регионом, а затем начали бы постепенно цивилизовать остальную часть страны. Торговля с Западом должна осуществляться через Черное море и Одессу»³⁴.

Таким образом, к 1922 г. Франция еще не оставила своих планов установления «протектората» над Украиной,

³² Ibid.

³³ Раковский не слишком заблуждался в отношении намерений стран Антанты, когда в январе 1919 г. обвинял их в желании «расчлениить» и «балканизировать» Россию и Украину (см. его статью: Союзники и единство России // Известия. 1919. 10 января).

³⁴ *Lord d'Abernon. An Ambassador of Peace. London, 19[..]. Vol. II. P. 108.*

разработанных еще в 1919 г. Эти намерения в значительной степени объяснялись экономическими интересами: как известно, до революции 1917 г. французские промышленники сделали крупные капиталовложения в горную и металлургическую промышленность Украины, в частности, в районе Донецка и Кривого Рога.

В январе 1919 г., когда на Украине еще правила Директория, командующий французскими оккупационными войсками генерал Д'Ансельм попытался защитить интересы Франции в этом районе. Его начальник штаба полковник Фрейденберг связался для этого с Директорией, которая проявила готовность пойти на существенные уступки, чтобы сохранить военно-техническую помощь Франции³⁵. Переговоры начались немедленно, и 26 февраля 1919 г. французский штаб объявил о заключении франко-украинского договора «на основе совместных действий против большевиков». В тот же день Раковский направил ноту командующему союзными войсками, в которой осудил этот договор и заявил, что договоры между Францией и Директорией не имеют никакой юридической силы, будучи «полностью фиктивными». Он показал свою осведомленность о содержании заключенного договора, резюмируя следующим образом уступки в отношении Франции, сделанные Директорией:

1. Франция получает пятидесятилетнюю концессию на украинские железные дороги.
2. Украина обязуется выплатить долги как царского, так и Временного правительства.
3. Проценты по долгам гарантируются доходами от железных дорог, которые впоследствии перейдут в распоряжение украинского правительства.
4. В течение одного года Директория обязуется создать армию численностью в 300 тысяч солдат.
5. Вся финансовая, торговая, промышленная и военная политика Украины находится под прямым контролем французских представителей в течение пяти лет со дня подписания договора³⁶.

³⁵ V. Markus. Op. cit. P. 51 sq.

³⁶ L'Ukraine soviétiste... Op. cit. P. 15—16.

Речь, следовательно, шла о самом настоящем протекторате над всеми жизненно важными сферами политики и экономики Украины в обмен на финансовую, военную и моральную поддержку Франции. Этим планам, однако, не суждено было осуществиться по причине военного поражения Директории в марте 1919 г. Тем не менее Франция была готова поддерживать антибольшевистские силы, действовавшие на юге бывшей царской империи, как о том свидетельствует запоздалое признание правительства Врангеля в апреле 1920 г., характерным образом совпавшее по времени с началом наступления Польши на Украину. Хотя ни поляки, ни барон Врангель не смогли удержаться на Украине, правительство Пуанкаре по-прежнему обдумывало различные способы добиться удовлетворения французских интересов в этом регионе. Так, два года спустя, во время Генуэзской конференции (апрель—май 1922 г.), задуманной с целью попытаться преодолеть застой в европейской экономической системе, вызванный отделением ее восточной части от западной, представители французского правительства выдвинули на одной из секретных встреч план экономической помощи Украине. Британские эксперты, сэр Морис Ханки и сэр Сэсил Херст, в письме в Форин Оффис следующим образом резюмировали содержание своих переговоров с французскими коллегами Сеиду и Фромажо: «...французы думают начать с развития сельского хозяйства в России. Пока Россия не удовлетворит свои нужды в продовольствии, трудно будет что-либо сделать для нее, так как невозможно продолжать кормить такую большую страну. По замыслу французов (а г-н Сеиду дал понять, что в Бельгии думают так же), следует организовать центры, располагающие тракторами и сельскохозяйственной техникой, которые помогли бы крестьянам улучшить обработку земли. Он не думает, что есть необходимость обучать крестьян обрабатывать землю: они нуждаются примерно в такой же помощи, которую оказывают сельскому хозяйству в самой Франции. Он отклонил предложение Красина относительно предоставления концессий на обрабатываемые земли: французское правительство предлагает начать с наиболее доступных районов

России³⁷ и постепенно расширять сферу деятельности. Франция могла бы предоставить подвижной состав и локомотивы, которые могут быть приспособлены к ширине колеи российских железных дорог. Он сказал также, что они недавно закончили разработку проекта реконструкции российских железных дорог. Он намекал также на создание англо-немецко-французского треста, в котором Stinnes представлял бы Германию [...] Он говорил также о планах реконструкции заводов и восстановления угольных шахт и нефтяных скважин. Однако самая болезненная проблема Франции — отсутствие капиталов. Он признал наличие в мире значительных запасов капиталов — больше всего в Америке, достаточно много в Англии, Голландии и Швейцарии — но слишком мало во Франции. Он думает об организации совместного проекта с International Corporation или с кем-нибудь другим»³⁸.

Во время Генуэзской конференции Франция все еще продолжала помогать антибольшевистским группировкам, имевшим хоть какие-то шансы прогнать большевиков с Украины. Так, например, если британское правительство отказывалось иметь какие-либо контакты с украинской эмиграцией³⁹, пра-

---

³⁷ Сенду, конечно же, имел в виду Украину, т. е. Малороссию, которую большинство деятелей того времени еще не отделяли от Белкороссии.

³⁸ «Secret notes of conversations between Sir Maurice Hankey and Sir Cecil Hurst and M. Seydoux and Fromageot at M. Seydoux's room at the Hotel Savoia», Genoa, 25. 04. 1922, 10 h, S. G. 15 // FO Cabinet Papers 31 / 5.

³⁹ В марте 1922 г. чиновник Форин Оффис сообщал в письме своему знакомому: «Несколько дней назад вы спрашивали меня, не отнесемся ли мы отрицательно к намерениям нескольких членов украинской Рады прибыть в нашу страну, чтобы создать здесь бюро для защиты интересов их сторонников [...] Хотя должно быть совершенно ясно, что Правительство Его Величества никоим образом не признает существование украинской Рады, не может быть никаких возражений против того, чтобы эти господа обратились с официальной просьбой о предоставлении им визы для частной поездки в Великобританию» (Сесил Хармсворт полковнику Дж. М. Кенворти, март 1922 г., в: British refusal to grant any sort of recognition to the Ukrainian émigré Governments // FO 371 / 8165).

вительство Пуанкаре относилось к ней с гораздо большим вниманием. Целью французского правительства было любой ценой сохранить свое влияние на Украине: для этого оно поочередно, а иногда и одновременно поддерживало контакты со всеми эмигрантскими украинскими группами, более или менее враждебно относящимися к большевикам, а затем и с самими большевиками. Впрочем, Генуэзская конференция, на которой бывшая Российская империя была представлена единым советским правительством, ознаменовала собой конец влияния эмиграции.

За месяц до начала конференции французское правительство было еще связано с антибольшевистской украинской эмиграцией, которая мечтала о насильственном свержении советского правительства. 27 марта 1922 г. глава «Миссии Украинской республики в Париже» Александр Шульгин отправил письмо на имя Пуанкаре с целью привлечь его внимание к «восстановлению приграничных областей бывшей царской империи, среди которых Украина, несомненно, призвана играть ведущую роль»⁴⁰.

По мнению Шульгина, невозможно реорганизовать экономику Украины, «пока длится разрушительная иностранная оккупация». Он считал, что украинский крестьянин не может и не хочет сеять и собирать урожай, зная, что «Красная Армия отберет его урожай, ничего не дав взамен». В конце своего письма Шульгин повторял предложение, сделанное им Пуанкаре в одном из предыдущих посланий⁴¹: «Украинское правительство готово сделать из Украины международную базу по снабжению Западной Европы продовольствием, как только Красная Армия покинет нашу страну»⁴².

Французское правительство прислушивалось к таким заверениям, но и не забывало, что подобные обещания (ни к чему не приведшие из-за возросшей военной мощи большевиков) уже делала Директория. По этой причине Пуанкаре не упускал

⁴⁰ Копия этого письма А. Шульгина была передана послу Великобритании в Париже лорду Хардингу (FO 371 / 8165).

⁴¹ См. письмо А. Шульгина Р. Пуанкаре от 21 августа 1921 г. (Ibid.).

⁴² Ibid.

возможности завязать контакты с менее экстремистски настроенными группами украинских эмигрантов, которые могли бы служить посредниками в переговорах с правительством Советской Украины. С другой стороны, мы уже видели, что Раковский также установил связь с частью украинской эмиграции: он воспользовался своим пребыванием на Генуэзской конференции, чтобы войти в прямой контакт с президентом украинского национального комитета в Париже Маркотуном.

В начале июня 1922 г. русские эмигрантские кружки придавали большое значение переписке, завязавшейся между Раковским и Маркотуном после их встречи в Генуе. Действия Маркотуна рассматривались в Париже как «радикальный поворот» Национального Украинского Комитета: они вызвали «потрясение в русских антибольшевистских кругах, где эта украинская организация всегда рассматривалась как бастион антибольшевизма»⁴³. Но если бы они узнали о содержании соглашения Маркотуна с Раковским, они кричали бы о прямом предательстве: украинский лидер согласился быть посредником между украинским и французским правительствами, а за это Украинский национальный комитет, официально признавший советский режим как единственную законную власть на Украине, получал разрешение «стать легальной партией и союзником Советов»⁴⁴.

Лондонская «Таймс» отмечала с некоторым беспокойством, что если вчитаться в некоторые места переписки Маркотуна с Раковским, то можно заметить, что «французское правительство совсем не препятствует этим действиям». Газета уточняла, что, «если оправдаются определенные надежды, Франция также способна проявить интерес к деятельности Советской Украины»⁴⁵. По всей видимости, Маркотун тогда же начал готовить почву для переговоров одновременно с правительствами Франции и Германии, следуя инструкциям Раковского, считав-

⁴³ Ukrainian groups abroad (Op. cit.).

⁴⁴ Agreement between Ukrainian national Committee in Paris and Ukrainian Soviet of People's Commissars, rapport SIS, Section I, 24. 06. 1922 // FO 371 / 8165.

⁴⁵ France and Ukraine: Paving the way for an understanding // The Times. 05. 06. 1922. Col. 5c.

шего, что соперничество между двумя странами может снизить «процентную ставку» за оказание экономической помощи Украине. Если верить отчету Интеллидженс Сервис, пристально следившей за деятельностью Маркотуна летом 1922 г., «Германия хочет использовать „белых“ украинцев, симпатизирующих им, чтобы содействовать германо-украинскому сближению, которое позволило бы антибольшевистски настроенным украинцам активно участвовать в немецких планах реконструкции Украины пусть и при советском режиме»⁴⁶.

Таким образом, Маркотун служил двойным посредником, и в отчете британской секретной службы в конце 1922 г. приводится одно из его «вполне откровенных» заявлений в качестве подтверждения того «устоявшегося» мнения, что и он сам, и его коллега Навашин являются «советскими агентами». Отчет заканчивается выводом, что оба они «являются активными посредниками между правительством Советской Украины и французским правительством». Позиция Маркотуна достаточно ясно проступает из его письма, отправленного в начале ноября Рэмону Пуанкаре: в нем он счел нужным обвинить Германию и превознести Россию, «единую и неделимую»: «Уже четыре года Украинский комитет настаивает на том, что отделение Украины от России является результатом махинаций немецкого генерального штаба [...] Украинский народ рассматривает это отделение как позорное предательство»⁴⁷.

Поскольку это письмо было написано накануне Лозаннской конференции, на которой столкнутся интересы Франции и Великобритании по вопросу о проливах и по проблеме Ближнего Востока, Маркотун счел уместным сформулировать также следующее предложение, которое могло бы быть сделано и самим Раковским: «Приближается начало работы конференции по вопросам Ближнего Востока [...] Национальный Украинский Комитет убежден в том, что французское правительство, которое никогда не относилось безразлично к вопросам, касающимся защиты национальных интересов

⁴⁶ Agreement between Ukrainian... (Op. cit.).

⁴⁷ Маркотун — Пуанкаре, ноябрь 1922 г. Письмо приведено в отчете SIS «О деятельности Маркотуна» от 21 ноября 1922 г. (FO 371 / 8165).

России, несомненно, оценит то значение, которое придает Россия вопросу проливов, и надеется, что французское правительство сделает все возможное, чтобы позволить представителям Российской республики последовательно защищать интересы России в ходе предстоящей конференции»⁴⁸.

Если Раковский обращался с подобной просьбой к правительству Франции, то это в первую очередь объясняется тем, что он знал, какое значение придает Франция будущему России и Украины: как раз в это время должны были начаться франко-украинские переговоры о создании смешанного торгового франко-польско-украинского общества с целью реконструкции донецких угольных шахт. В начале декабря 1922 г. французские, украинские и польские делегаты предложили своим правительствам совместно выработанный проект; 8 декабря Раковский уведомил Париж об утверждении проекта Экономическим Советом Украины⁴⁹. В прессе никаких сообщений об этом не появилось.

Комментируя только что заключенную французским правительством сделку, хорошо осведомленный сотрудник посольства Великобритании в Париже Эрик Фипс отмечал, что, по-видимому, нет больше преград для развития торговых отношений между французскими фирмами и украинскими торговыми организациями. Впрочем, если даже отвлечься от технических проблем — таких, как большие расстояния или трудности при заключении контрактов, — существовало главное препятствие на пути к сотрудничеству: Франция не могла предоставить Украине долгосрочный заем из-за нехватки собственных капиталов. К тому же, добавлял Эрик Фипс в отчете для Форин Оффис, «относительно высокий курс французского франка по сравнению с немецкой, чехословацкой и австрийской денежными единицами ставит ее в трудное положение на украинском рынке»⁵⁰.

Эти препятствия помешают развитию экономических отношений между Францией и Украиной и не дадут им достиг-

⁴⁸ О деятельности Маркотуна (Ibid.).

⁴⁹ The Donets coal industry // Russian Information and Review. 27. 10. 1923 (ср. также датированное декабрем 1923 г. досье: Franco-Ukrainian trade collaboration // FO 371 / 8165).

⁵⁰ Eric Phipps to Foreign Office, 19. 12. 1922 // FO 371 / 8165.

нуть ожидаемого уровня, и, когда спустя четыре года французский журналист спросит генерального секретаря Главкоцесскома Л. Перлина, какова степень участия французских капиталов в восстановлении советской экономики, тот ответит односложно: «Низкая»⁵¹.

И все же в 1920—1924 гг. между двумя странами велись переговоры с тем, чтобы дать возможность французским промышленникам вернуть себе ту роль на украинском рынке, которую они играли до 1917 г. В качестве примера можно взять крупное анонимное общество по добыче железной руды в Кривом Роге. Это общество было основано в 1881 г. с капиталом в 9 млн. фр., который достиг затем 13,5 млн. фр. и в конечном счете составил 38 млн. фр., под которые были выпущены 60 тысяч акций по 500 фр. каждая. Компании принадлежали железные рудники, расположенные в Кривом Роге в Херсонской губернии; она успешно развивалась вплоть до 1918 г., когда из-за национализации шахт советским правительством все работы были прекращены⁵².

После длительных переговоров 12 ноября 1923 г. был заключен предварительный договор между представителями компании и советским правительством. Он касался разработки и эксплуатации железных рудников и угольных шахт Донбасса, а также эксплуатации одного металлургического и нескольких машиностроительных заводов в Кривом Роге. Окончательный договор, который предусматривалось согласовать в течение 100 дней, так и не был подписан, несмотря на новые переговоры, длившиеся почти до конца 1924 г.⁵³ За это время Украина завязала экономические и дипломатические отношения со многими странами Европы, прежде всего с Англией и Германией.

Быстрому сближению Германии и Украины способствовало взаимное желание сотрудничать в военной области. Как

---

⁵¹ L. Perline. Les concessions en URSS // Europe Nouvelle. 19 juin 1926.

⁵² Lord Crewe [британский посол в Париже] to Foreign Office, 11. 02. 1924 // FO 371 / 10464.

⁵³ Ср.: Документы внешней политики СССР. Т. VII. М., 1963. С. 700, прим. 8. См. также интервью Л. Красина о состоянии советско-французских отношений (Известия. 1924. 20 января).

известно, Версальским договором предусматривалось разоружение германской армии. Чтобы обойти это препятствие, военные круги Берлина договорились с Москвой о поставках Советской России немецкого военного снаряжения: в обмен на это немецкие летчики могли обучаться на русской территории, а немецкие инженеры руководили реконструкцией советских военных заводов⁵⁴. Мы знаем теперь, что именно так были использованы концессии, предоставленные заводам Круппа⁵⁵. Подобные обмены существовали между Германией и Украиной, как об этом свидетельствует британский консул в Черновцах в своем отчете от 7 сентября 1922 г.: «Многих немецких офицеров используют в Киеве в сухопутных войсках, авиации и некоторых технических службах. Большая часть их осталась после отступления немецких войск, но каждый день прибывают новые, и им сразу же находится применение»⁵⁶.

В целом же немцы хотели все же «торговать» с Украиной и установить двусторонние экономические связи. Уже существовала почтовая авиалиния Киев — Берлин, и знакомый нам британский консул в Черновцах отмечал, что она работа-

---

⁵⁴ Большое количество сведений по этой теме содержится в следующих работах: *C. F. Melville. The Russian face of Germany: An account of the secret military relations between the German and Soviet-Russian Governments.* London, 1932; *E. H. Carr. Op. cit.* III. P. 305—382; *E. H. Carr. Soviet-German relations between the two world wars (1919—1939).* Baltimore, 1951; *C. Freund. Unholy Alliance: Russian-German relations from the treaty of Brest-Litovsk to the treaty of Berlin.* London, 1957; *G. Hilger and A. G. Meyer. The Incompatible Allies: A memoir history of German-Soviet relations (1919—1941).* N. Y., 1953; *L. Kochan. Russia and the Weimar Republic.* London, 1954; *W. Laqueur. Russia and Germany.* London, 1965.

⁵⁵ Foreign concessions in the USSR, a review of existing agreements // *Russian Information and Review.* 10. 01. 1925. P. 32—34; см. также подробнейшую информацию в кн.: *O. Potscher. Wesen und Recht der Konzession in Deutschland und Sowjetrussland.* Iena, 1928.

⁵⁶ Military and economic co-operation between Germany and the Ukraine [отчет британского консула в Черновцах 7 сентября 1922 г.] // FO 371 / 8165.

ет «очень хорошо»: так, письмо из Черновцов доходило до Берлина через Киев за 3 дня⁵⁷.

Связи между двумя странами существовали и в сфере образования. Стремясь к независимости, правительство Советской Украины заимствовало у Германии новые методы обучения. Уже говорилось о том, что Отто Христианович Ауссем был направлен Раковским в Берлин в январе 1922 г., а затем в Прагу как представитель Наркомпроса Украины. Осенью 1922 г. украинский нарком просвещения Гринько отправился в поездку по Германии и Австрии: педагогические кружки Германии проявляли большой интерес к украинской системе образования, а Гринько подробно знакомился с системой образования и педагогическими методами, применявшимися в немецких учебных заведениях⁵⁸.

Чтобы укрепить связи между Германией и Украиной, Раковский решил заключить с ней отдельный экономический договор, что он затем попытается сделать и в отношении Великобритании. 13 августа 1922 г. заместитель наркома по иностранным делам Украины Яковлев заявил, что были начаты переговоры с Германией о «заключении экономического договора». Оба партнера проявляли к ним «большой интерес». Яковлев отметил, что «Украина всегда ввозила продукцию немецкой промышленности, а Германия, со своей стороны, видит в Украине не только большой рынок для закупок сырья, но и страну, куда могут быть сделаны крупные капиталовложения»⁵⁹.

Предполагаемый договор между Украиной и Германией должен был быть аналогичен Рапальскому договору, подписанному Германией и Советской Россией 16 апреля 1922 г. Однако было бы серьезной ошибкой делать из этого вывод, что он был бы точно таким же: хотя Раковский являлся одним из главных инициаторов германо-советского сближения — фон

---

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ Ср. письмо официального британского представителя в Москве Р. Ходжсона в Форин Оффис от 16 октября 1922 г. (FO 371 / 8182).

⁵⁹ Известия. 1922. 13 августа.

Мальцан называл его даже «отцом Рапалло», — он все же намеревался приспособить основные положения нового договора к нуждам Украины.

31 мая 1922 г. немецкая пресса сообщила, ссылаясь на «хорошо информированные источники», что переговоры между Литвиновым и МИД Германии «о распространении действия Рапальского договора на Украину и республики Закавказья» были прерваны по причине разногласий внутри советской делегации: для Литвинова речь шла лишь о чисто формальном расширении действия договора, подписанного в Рапалло, но делегаты от республик, и особенно украинский представитель, хотели добиться нового договора. Немецкая коммунистическая газета «Роте Фане» писала: «В. Ауссем, официальный представитель украинской республики, выдвинул условия, неприемлемые для германского правительства. Украинское правительство требует от Германии выплаты 400 млн. марок в качестве компенсации за оккупацию, несмотря на то, что по условиям Рапальского договора стороны отказались от взаимных претензий по этому вопросу»⁶⁰.

Эта просьба со стороны правительства Раковского была, по всей видимости, неожиданной: Литвинов был немало озадачен, а в одной местной газете даже утверждалось, что «по ходу переговоров [...] представители советских республик постоянно стремились подчеркнуть их экономическую и политическую независимость, в отличие от российского представителя Литвинова»⁶¹. Далее в статье было отмечено, что вдохновителем оппозиции стал украинский делегат и что в этих обстоятельствах Литвинов принял чрезвычайные меры: он телеграфировал о «заговоре» в Москву, и оттуда в Берлин был немедленно отправлен Чичерин; кроме того, «представитель Украины получил строгое предупреждение со стороны русских, которые запретили ему заключать отдельный договор с Германией, указав, что только российский делегат имеет на данных переговорах соответствующие полномочия»⁶².

⁶⁰ Rote Fahne. 31. 05. 1922. № 249 (ср. также: FO 371 / 8192).

⁶¹ Lokal Anzeiger. 01. 06. 1922. № 254.

⁶² Ibid.

Если бы Литвинов, а затем Чичерин не приняли жестких мер, чтобы взять все дело в свои руки, и если бы они не прервали переговоры, Раковский намеревался использовать для будущих торговых сделок с Германией «суммы, требуемые в качестве компенсации за оккупацию и реквизиции, произведенные немцами на Украине в 1918 г.». Этот маневр легко понять, если учесть, что недостаток капиталов был главным тормозом развития украинской экономики и основной причиной ограниченности торговых обменов со странами Западной Европы. Чтобы поправить положение, Раковский обратился к Великобритании и лично повел переговоры с английскими представителями.

Прямые дипломатические и экономические связи между двумя странами были установлены в январе 1922 г., когда английская торговая миссия, возглавляемая майором Данлопом, прибыла в Харьков, где должна была пробыть около двух месяцев. Глава миссии был немедленно принят Раковским, которого он описал следующим образом в своем докладе в Форин Оффис: «Раковский имеет репутацию порядочного человека; во всяком случае при личных контактах он очень приветлив. У него безукоризненные манеры, превосходное образование, он пользуется большим влиянием, по-скольку, без сомнения, является здесь единственной стоящей личностью. Он очень много работает и находит время писать различные статьи в газеты, в основном по вопросам сельского хозяйства. Мне сказали, что в прошлом году, когда возникли разногласия между Лениным и Троцким, Раковский встал на сторону Троцкого. Похоже, что сейчас он послушно исполняет указания Москвы, хотя поговаривают, что он думает по-прежнему только о собственном возвышении»⁶³.

Их этой первой встречи британский представитель сделал четыре важных вывода: Раковский намеревался подчеркнуть

---

⁶³ См. об этой встрече с Раковским 27 января 1922 г. цитированный выше отчет майора Данлопа. В этом же отчете приводится официальное заявление Раковского от 20 января 1922 г. об англо-украинских отношениях, а также записи бесед майора Данлопа с украинским наркомом внешней торговли Бронским (19 января 1922 г.) и заместителем наркоминдела Яковлевым (9 февраля 1922 г.).

свою независимость в области внешней политики; он хотел, с одной стороны, развивать украинское сельское хозяйство, с другой стороны — возрождать промышленность; наконец, он хотел знать, сможет ли Великобритания предоставить Советской Украине крупные кредиты на длительный срок.

Мы не будем развивать первый вывод майора Данлопа, напомним только его фразу: «Похоже, украинское правительство пытается добиться полного контроля над своими комиссариатами»⁶⁴. Важен второй вывод, касающийся сельского хозяйства. Учитывая катастрофические условия, в которых находилось украинское сельское хозяйство в 1922 г., Раковский предусматривал полную смену сельскохозяйственных культур: так как посевы пшеницы в условиях Украины с ее долгим и жарким летом регулярно страдали от засухи, он считал, что надо выращивать какое-либо засухоустойчивое растение, которое бы не уступало по питательности и другим полезным свойствам хлебу и уборку которого можно было бы проводить осенью. Еще с тех времен, когда он был «помещиком-фермером» в унаследованном от отца поместье в Мангалии (Румыния), Христиан Георгиевич прекрасно знал о многих полезных качествах кукурузы и проса, которые тогда еще не были известны ни на Украине, ни в России.

Проштудировав несколько специальных работ, изданных американским университетом штата Висконсин, Раковский опубликовал на первой странице газеты «Правда» большую статью под заголовком «Голод и кукуруза»⁶⁵. Статью сразу же «засек» Ленин, отправивший три дня спустя (17 октября 1921 г.) циркуляр Кржижановскому, Осинскому, Аванесову

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ В статье описывались преимущества кукурузы по сравнению с пшеницей, и открывалась она следующими словами: «В нынешних обстоятельствах [...] я без малейших колебаний заявляю, что кукурузная культура станет нашим спасителем» (Правда. 1921. 14 октября). Впоследствии Раковский написал еще одну статью (Новые данные о кукурузной культуре // Известия. 1922. 22 декабря), а также брошюру: Кукуруза — наш спаситель. Харьков, 1921 (ср. также Russian Information and Review. 01. 11. 1921).

и всем членам СТО⁶⁶. Ленин поручил Совету Труда и Обороны детально изучить вопрос о кукурузе, а также разработать способы приучения крестьян к возделыванию этой новой для них культуры. В конечном счете он дал указание закупить за границей достаточное количество семян, чтобы засеять кукурузой все Поволжье уже весной 1922 г.

Раковский обсуждал этот вопрос с майором Данлопом и интересовался возможностью поставок на Украину сельскохозяйственного инвентаря, которого местные крестьяне были лишены. Приведенные ниже данные свидетельствуют о размерах дефицита в этой области:

	Год. потребность в 1921—23 гг.	Производи- лось в 1922 г.	Удовлетворен- ный спрос, в %
Плуги	500 000	50 000	10
Сеялки	33 000	5 500	17
Жнейки	140 000	6 800	5
Молотилки	15 000	4 000	27

Этот дефицит объяснялся в первую очередь слабостью украинской промышленности, которая не могла самостоятельно встать на ноги из-за парализующей ее нехватки капиталов. Правительство Раковского, правда, попыталось привлечь частный капитал, пересмотрев собственное решение, принятое в январе 1919 г., о национализации и обобществлении всей украинской промышленности, когда полагали, что она будет быстрее развиваться, если будет принадлежать непосредственно самим рабочим. Из-за недостатка капиталов было решено в 1920 г. не создавать государственного треста, а управлять украинской промышленностью через местные органы власти. Тем самым Раковский хотел добиться определенной децентрализации, чтобы глубже понять природу возникающих трудностей и лучше

⁶⁶ «Обращаю ваше внимание на статью, написанную товарищем Раковским, „Голод и кукуруза“, в 231-м номере газеты „Правда“ (от 14 октября 1921 г.). Когда я ее прочитал, мне стало ясно, что заключение секции Госплана по вопросу о кукурузе является недостаточно продуманным» (цит. по: Г. М. Кржижановский. Избранные произведения. М., 1957. С. 359—360).

удовлетворить местные потребности. Почти сразу же выяснилось, что эта мера оказалось неэффективной, и, чтобы еще раз попытаться запустить промышленность, было решено прибегнуть к другому средству: иностранной помощи через концессии. Эту тему Раковский затронул при встрече с майором Данлопом, о чем тот не преминул сообщить в британский МИД: «...отвечая на мой вопрос о шансах бывших владельцев на управление своими старыми заводами, он сказал, что это исключительно вопрос терминологии. Он добавил, что подобного рода договоры должны заключаться напрямую с Украиной, так как украинские власти не считают себя связанными решениями, принимаемыми в Москве. Он дал мне разрешение цитировать эти его слова как официальное заявление»⁶⁷.

По словам самого Раковского, он хотел «напрямую общаться с Великобританией», и попросил майора Данлопа задать лорду Керзону следующий вопрос: «Нельзя ли уравнивать в правах российско-британские и украинско-британские отношения?»⁶⁸ Этот вопрос был равнозначен просьбе к британскому правительству подписать с Украиной такое же торговое соглашение, какое оно подписало в марте 1921 г. с Москвой: соглашение означало фактическое признание Советской России Великобританией, и за ним последовал обмен официальными полудипломатическими-полуторговыми представительствами⁶⁹.

В ходе все той же встречи Раковского с майором Данлопом было решено немедленно отправить в Великобританию «корабль с набором украинских товаров, которые могли бы заинтересовать Лондонский рынок», а нарком внешней торговли Украины Бронский запросил у майора Данлопа расценки на различные товары, которые могли бы быть импортированы на Украину для борьбы с голодом, в частности цены на сельдь. Было решено, что первые контакты между английски-

⁶⁷ Major Dunlop to Foreign Office, 08. 03. 1922 // FO 371 / 8165.

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ Британским представителем в Москве стал Роберт Ходжсон, который до 1917 г. был генконсулом во Владивостоке. Как известно, от Советской России в Лондон был направлен нарком внешней торговли Красин, который до этого и вел переговоры с Ллойд Джорджем о заключении торгового соглашения.

ми фирмами и украинским правительством будут производиться через посредничество И. Новаковского, официального представителя Советской Украины в Праге⁷⁰.

Наконец, последним вопросом, который необходимо было поднять правительству Харькова перед британским представителем, был вопрос о кредитах. Обе стороны согласились с тем, что лучшим средством устранения хронического недостатка капиталов, который сдерживал и даже мешал развитию экономики Украины, было создание англо-украинского коммерческого банка. Одна лондонская банковская группы проявила интерес к украинскому рынку: она финансировалась крупнейшей судоходной компанией «Кьюнард» (Cunard)⁷¹. В конце октября 1922 г. в Лондоне начались переговоры между представителями Министерства внешней торговли Англии и представителями компании «Кьюнард» «по вопросу создания в Берлине или в другом каком-нибудь месте англо-украинского коммерческого банка, целью которого будет финансирование торговых операций на Украине»⁷².

Представители компании «Кьюнард» хотели добиться монополии на торговые обмены между Великобританией и Советской Украиной: они предполагали «выступать посредниками» между британскими акционерами, лишившимися своей собственности в результате революции в России, и правительством Украины. Они хотели также, чтобы «все торговые предложения, сделанные Украине [английскими фирмами], проходили через них». В конце переговоров с представителями министерства внешней торговли английские бизнесмены добавили, что «они были бы чрезвычайно рады, если бы правительство Его Величества, могло подписать с Украинской республикой торговый договор, аналогичный тому, что уже был подписан с центральным правительством Москвы»⁷³.

---

⁷⁰ Confidential report on the Ukraine by Major Dunlop to Lord Curzon, 08. 03. 1922, *ibid*.

⁷¹ Establishment of an Anglo-Ukrainian bank, 08. 11. 1922 (копия этого досье была передана в Форин Оффис из министерства внешней торговли), DOT, № 10056/55/38, № 6070/F/R; FO 371/8165.

⁷² *Ibid*.

⁷³ *Ibid*.

Кроме того, именно они ходатайствовали о предоставлении въездной визы на территорию Великобритании украинскому представителю в Праге Новаковскому, «чтобы он лично мог продолжить переговоры с Форин Оффис об этом соглашении»⁷⁴.

8 ноября 1922 г. был наконец подписан временный договор между английской банковской группой, представляющей компанию «Кьюнард», и правительством Украины: в Лондоне было учреждено общество с капиталом в 1 млн. фунтов стерлингов «с целью финансирования банка с капиталом в 1 000 000 марок», офис которого должен был, по всей вероятности, находиться в Берлине. В договоре, в частности, говорилось: «Банк будет финансировать украинскую торговлю, как экспорт, так и импорт. Он будет финансировать промышленность, сельское хозяйство, транспорт и все предприятия, так или иначе связанные с национальной экономикой; он также намерен финансировать все необходимые банковские операции, связанные с деятельностью самого банка»⁷⁵.

В начале декабря 1922 г. были выданы визы украинским представителям: Новаковскому, Шейнеру, Раппопорту и Ауссему, чтобы они могли приехать в Лондон «для продолжения переговоров по созданию Англо-Украинского банка»⁷⁶. Виза для В. Ауссема была получена легко, так как этот украинский делегат уже приезжал в Лондон в июне 1922 г. для создания Англо-Украинского торгового общества⁷⁷, соглашение о котором было ратифицировано 8 декабря 1922 г. Экономическим советом Украины.

Капитал Общества, составлявший 10 000 фунтов стерлингов, был предварительно положен на счет одного из лондонских банков. Экономический совет Украины предполагал за-

⁷⁴ N. S. Reyntiens to Foreign Office, 19. 10. 1922 // FO 371 / 8165.

⁷⁵ Edgar G. Gubbins (London Wall Buildings) to Foreign Office, 30. 10. 1922 // FO 371 / 8165.

⁷⁶ Ср. записку сотрудника Департамента северных стран Форин Оффис М. П. Робертса, приложенную к досье «Ukrainian-British trade collaboration» (Op. cit.).

⁷⁷ См. письмо торгового атташе в Берлине в Форин Оффис от 26 октября 1922 (Op. cit.).

купить через это общество необходимое оборудование для промышленности и сельского хозяйства, а также некоторые химикаты (главным образом, для кожевенного производства), джут и копру. С украинской стороны закупки осуществлял кооператив «Вукоспилка», который был напрямую связан с Англо-Украинским торговым обществом с представительством в Лондоне. Поскольку украинское правительство не могло рассчитываться наличными за свои закупки в Великобритании, было решено, что оно будет расплачиваться сырьем: коноплей, щетиной, бараньими шкурами, шерстью, лесом, бочками, пиломатериалами и т. п.⁷⁸

Важно отметить, что развитие этих торговых связей усилило автономию Украины в области внешней политики, которую Раковский пытался отвоевать у центрального правительства в Москве. Так, когда лорд Керзон пригрозил (в мае 1923 г.) аннулировать англо-российский торговый договор, Раковский послал в Лондон телеграмму, пытаясь уладить конфликт. В ней он подчеркивал то «чувство тревоги», которое охватило украинский народ, когда ему сообщили о воинственных планах Великобритании в отношении РСФСР, «союзника Советской Украины». Далее в телеграмме говорилось: «[...украинское правительство] считает необходимым привлечь внимание британского правительства к опасности, нависшей над торговыми связями, установившимися между Украиной и Великобританией и укрепившимися в последнее время благодаря экспорту украинского зерна в Англию: эти связи в ближайшем будущем обещают успешно развиваться в направлении укрепления взаимоотношений между двумя странами. Серьезно пострадав во время гражданской войны и иностранной оккупации, Украина прилагает сегодня все силы для восстановления своей экономики и очень надеется, что миролюбие английского народа и мудрость британского правительства, нашедшая выражение в его дипломатических нотах, позволят как можно быстрее устранить недоразумения, имеющие сегодня место между Россией и Великобританией»⁷⁹.

⁷⁸ Ukrainian-British trade collaboration (Op. cit.).

⁷⁹ Нота правительства УССР правительству Великобритании, 15 мая 1922 г. (см. Документы внешней политики. Т. VI. С. 312).

До июля 1923 г. связи Советской Украины с внешним миром продолжали расширяться. Торговые связи Украины не ограничивались тремя странами, о которых шла речь. Они очень быстро развивались со многими европейскими странами, в частности с Польшей. В конце 1922 г. польский торговый атташе в Париже сообщил своему британскому коллеге Эрику Фипсу, что «объем польско-украинской торговли сейчас весьма значителен»⁸⁰. Не хуже обстояло дело и с Италией, которая закупала на Украине табак⁸¹ в рамках торгового договора от 26 декабря 1921 г. Солидная судоходная компания — Trieste Lloyd Company — осуществляла регулярные рейсы между Триестом и Одессой, которая по-прежнему оставалась крупным торговым портом на Черном море⁸².

Нарком внешней торговли Украины заявил, что начиная с января 1922 г. из порта Николаев должны ежемесячно отгружаться на экспорт 10 000 тонн марганца и железной руды, а также 4 000 вагонов леса (главным образом высококачественный дуб)⁸³.

Одновременно получила свое развитие политика концессионным иностранным компаниям. В августе 1922 г. заместитель наркома по иностранным делам заявил: «Украинское правительство получило большое количество предложений по этому вопросу, в частности, от немецких арендаторов и крупных чешских предприятий»⁸⁴.

В конце 1922 г. правительство УССР объявило, что рассматривает вопрос о создании, при помощи западных фирм, компании по эксплуатации средних и малых угольных шахт, а также общества по импорту оборудования⁸⁵.

Нота была передана официальным представителем РСФСР в Великобритании министру иностранных дел лорду Керзону, Копия ноты была послана лидеру лейбористов Р. Макдоналду.

⁸⁰ Eric Phipps to Foreign Office. (Op. cit.).

⁸¹ См. запись беседы майора Данлопа с М. Бронским (цит. док.).

⁸² Russian Information and Review. 10. 12. 1922.

⁸³ См. запись беседы майора Данлопа с М. Бронским (цит. док.).

⁸⁴ Известия. 1922. 13 августа.

⁸⁵ Russian Information and Review. 03. 12. 1922.

Новое направление наметилось в развитии связей Украины и США, установленных еще в 1921 г., когда из Америки поступала помощь голодающим: в январе 1923 г. группа американских рабочих текстильной промышленности попросила у Экономического Совета Украины разрешение на эксплуатацию заброшенных текстильных заводов, и такое разрешение вскоре было дано. У американских рабочих был выбор между фабрикой в районе Полтавы и заводом в Одессе⁸⁶.

В это же время правительством Раковского была организована в Харькове выставка, которая «имела большое значение для стимулирования украинской торговли»⁸⁷. Спустя два месяца, в марте 1923 г., гораздо более крупная ярмарка прошла в Киеве. Раковский хотел придать ей международный характер: в этой ярмарке принимали участие 45 предприятий из Польши, 10 из Австрии, 3 из Швеции, 1 из Франции и 1 из США. Главными экспонатами были тракторы, двигатели, различное техническое оборудование, канцелярские принадлежности, одежда и т. п.⁸⁸

В июне 1923 г. ЦК КП(б)У принял исключительно важное решение, словно сконцентрировавшее в себе ту политику, которая велась уже на протяжении двух лет: было опубликовано постановление, согласно которому иностранные компании могли открывать свои бюро и филиалы на Украине, лишь получив разрешение от комитета по концессиям, который подчинялся непосредственно Экономическому Совету Украины. Все договоры, подписанные до этого в Москве, были признаны недействительными, и все заинтересованные иностранные фирмы и организации должны были в течение месяца обратиться в Экономический Совет Украины с просьбой об их перерегистрации, в противном случае контракты аннулировались. Это нововведение, по существу, стало последним независимым решением украинского правительства. Через месяц постановление отменили, а Раковский был неожиданно снят с руководящих постов на Украине Генеральным секретарем ЦК ВКП(б) Сталиным.

⁸⁶ Ibid. 06. 01. 1923.

⁸⁷ Ibid.

⁸⁸ Ibid. 24. 03. 1923.

Насильственное смещение Раковского было прямым следствием его длительного противостояния Сталину, наркому по делам национальностей и главе партийной бюрократической пирамиды. В июле 1923 г. Христиан Георгиевич был отправлен в «дипломатическую ссылку», где ему предстояло раскрыться как одному из лучших советских дипломатов 20-х гг.⁸⁹.

Оксфорд—Бордо, 1971

---

⁸⁹ Подробнее об этом см.: S. Schram. Christian Rakovskij et le premier rapprochement franco-soviétique // CMRS. 1960. I, 2. P. 205—238; I, 4, 1960. P. 584—629; F. Conte. The entry of Soviet Russia into European political life (with special reference to C. G. Rakovski, 1917—1927. Oxford D. Phil., 1972.

ЛЛОЙД ДЖОРДЖ И РАПАЛЛЬСКИЙ ДОГОВОР

У истоков Рапалльского договора

В 1919 г. при создании Лиги Наций английский премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж счел необходимым указать, что эта организация задумывалась кроме всего прочего как «альтернатива большевизму» в Европе и во всем мире. В одном из его тогдашних заявлений говорилось, что, лишь пригласив Германию вновь присоединиться к семье европейских народов, можно было побудить ее «оказать сопротивление большевизму». Правда, вступление Германии в Лигу Наций состоялось только после Локарнской конференции 1925 г., т. е. в один из тех редких периодов, когда Франция и Англия усмотрели для себя обоюдную пользу в сближении с Германией ради совместного противостояния Советскому Союзу. Пока же этого не произошло, англо-французские разногласия играли на руку обоим «париям» послевоенной Европы.

Таким образом, Франции и Англии понадобилось целых шесть лет для согласования общей позиции по германскому вопросу, хотя и в 1919 г. было немало дальновидных политиков, предупреждавших, что упрямство до добра не доведет. Тот же Ллойд Джордж в своем проекте «Меморандума Фонтенбло» подчеркивал: «Самая большая опасность, какую я вижу в данной ситуации, состоит в том, что Германия может связать свою судьбу с большевизмом, предоставив свои ресурсы, свой интеллект, свои исключительные организаторские способности в распоряжение фанатиков-революционеров, мечтающих силой оружия столкнуть мир к большевизму»¹.

---

¹Some considerations for the Peace Conference before they finally draft their terms // *Martin Gilbert. The Roots of Appeasement.* N. Y., 1966. P. 189—196 (Appendix № 1).

Премьер-министр Великобритании настойчиво пытался убедить французов в том, что излишняя жесткость союзников в отношении Германии заставит ее броситься в объятия России. Подобные опасения разделялись многими, и потому 25 марта 1922 г., т. е. буквально накануне Генуэзской конференции, Ллойд Джордж посчитал своим долгом предать гласности этот меморандум, долгое время остававшийся конфиденциальным документом. Ему самому, как, впрочем, и французскому правительству, было хорошо известно, что скрытая подготовка германо-советского сближения уже давно идет полным ходом.

Неудивительно, что германское руководство стало подумывать о возможности, а точнее о своевременности, установления особых отношений с Россией, едва успели высохнуть чернила на Версальском договоре². В первую очередь были налажены регулярные секретные контакты между генштабами обеих держав³; что же касается официальных связей, то в Германии предпочли, чтобы прецедент в сношениях с Россией создала Великобритания, поэтому подписание германо-русского торгового соглашения состоялось лишь 6 мая 1922 г. Правда, с января 1922 г. в советской печати стали появляться сообщения о том, что в восстановлении советской экономики твердо намерены принять участие немецкие фирмы. Тогда же, в начале января, в эмигрантской газете «Руль» появилось интервью с членом совета директоров *Wirtschaftsstelle für Handel und Industrie in der Osten*, в котором приводилась довольно подробная информация об этом тресте, куда вошло несколько

---

² Тогдашний министр иностранных дел Германии граф Брокдорф-Ранцау, ставший впоследствии активнейшим послом в Москве, говорил, что Германия уже в 1919—1920 гг. могла «сблизиться с Россией» (цит. по: *P. Renouvin. Le traité de Versailles. Paris, 1969. P. 84*).

³ Ср.: *G. W. Hallgarten. General von Seeckt and Russia, 1920—1922 // Journal of Modern History. March 1949. P. 28—34; H. Gatzke. Russo-German collaboration during the Weimar Republic // American Historical Review. April 1958. P. 565—597*. См. обширную библиографию по данному вопросу в кн.: *P. Renouvin. Histoire des relations internationales. Vol. VII: Les crises du XXe siècle de 1914 à 1929. Paris, 1957. P. 278*.

банков и торгово-промышленных предприятий. Трест заручился содействием ряда научно-технических институтов и крупнейших германских профсоюзов. Планировалось командирование специалистов в различные регионы советских республик, разрабатывались проекты создания торговых палат. В первую очередь трест должен был сосредоточиться на восстановлении железных дорог и транспортной системы России, от чего напрямую зависела нормализация экономической жизни и развитие внешней торговли. Представители треста уже вели переговоры с американской финансовой группой Моргана для создания специального американо-германского фонда в 62,5 млн. фунтов стерлингов. В целом же директор треста так охарактеризовал этот проект: «Наша цель — быстрее восстановление России при помощи экономического потенциала Германии, при поддержке американского капитала и содействии наших рабочих организаций»⁴.

Посол Великобритании в Берлине лорд д'Абернон с начала 1922 г. в своих регулярных отчетах в Форин Оффис также стал уделять все больше внимания германо-советскому сближению. Так, 16 января он уведомил госсекретаря по иностранным делам лорда Керзона о планах совместных действий двух стран на ближайшее будущее: «Германские промышленники предлагают договориться с Москвой, чтобы на Генуэзской конференции добиваться финансовой помощи для обеих стран... Суть этого плана заключается в том, чтобы Германия и Россия держались вместе как страны, в наибольшей степени пострадавшие от Антанты. Такая взаимная поддержка, по их мнению, поможет им выторговать для себя наилучшие условия»⁵.

Проходит неделя, и д'Абернон спешит телеграфировать в Форин Оффис о заметном прогрессе в советско-германских отношениях⁶. Эти предупреждения не оставили равнодушным Ллойд Джорджа, поскольку в середине января он лично

⁴ The penetration of Russia. German trust formed // Times. 10. 01. 1922 (со ссылкой на публикацию в газете «Руль»).

⁵ Лорд д'Абернон лорду Керзону, 16 января 1922 г. (Public Record Office (PRO), Foreign Office 371 / 8185).

⁶ Лорд д'Абернон лорду Керзону, 13 января 1922 г. (Ibid.).

встретился с представителем концерна «Крупп»⁷, незадолго перед тем принимавшим участие в переговорах в Берлине с Радеком, Красиным и Раковским. Именно тогда английский премьер решил пойти на сближение с Германией и Советской Россией, перестав обращать внимание на Францию, которая продолжала «дуться в своем углу».

Как он выразился месяцем позже в конфиденциальном письме Остину Чемберлену, «было бы безумием не помочь России вновь занять подобающее ей место в сообществе европейских наций»⁸. Развивая мысль о преимуществах такого курса для Великобритании, Ллойд Джордж подчеркивал, что если члены правительства не поддержат его политику открытости по отношению к Восточной Европе, тем самым препятствуя единственно возможным мерам по обузданию безработицы в стране, то в скором будущем им придется иметь дело с «таким мощным движением протеста среди рабочего класса, перед которым любое правительство окажется бессильным»⁹. Несомненно, премьер все еще находился под впечатлением от направленного ему в январе обращения, подписанного лидерами профсоюзов и группой видных британских «левых» и ставшего для него воплощением реальной угрозы общественных беспорядков. В том обращении, в частности, говорилось: «Восемь миллионов организованных британских рабочих, видя тесную связь между упадком британской торговли, угрожающим ростом безработицы и исключением России из сообщества наций, решительно требуют, чтобы Великобритания немедленно признала российское правительство — если возможно, вместе с союзниками, если нет, то в одностороннем порядке»¹⁰.

⁷ Сэр Бэзил Томпсон [руководитель Интеллидженс Сервис] сэру Руперту Вэнсигарту [Скотленд-Ярд], 29 февраля 1922 г. (N / 1846 / 646 / 38, FO 371 / 8185).

⁸ Конфиденциальное письмо Дэвида Ллойд Джорджа Остину Чемберлену, 22 марта 1922 г. (архив Ллойд Джорджа, Beaverbrook Library, London [ниже везде — A. L. L. G.], F / 97 / 1 / 1).

⁹ Там же.

¹⁰ Обращение, которое подписали, в частности, Дж. Клайнс, Бен Тернер, Том Шоу, Дж. Лэндсбери, Н. Энджел, Бертран Рассел (см. A. L. L. G. F / 97 / 1 / 1), было перепечатано в «Правде»

Угроза всеобщей забастовки крайне беспокоила английские власти уже летом 1920 г., во время советско-польской войны¹¹, и с тех пор Ллойд Джордж постоянно прислушивался к требованиям профсоюзов. Разумеется, он понимал, что обычными торговыми соглашениями с Советской Россией невозможно решить все назревшие проблемы. Учитывал он и то, что промышленники, потерявшие свою собственность в России после Октябрьской революции, не раз подумают, прежде чем вновь вкладывать капиталы туда, где всю экономику пытаются построить на национализации средств производства. Однако он помнил и то, какую роль в экономике Европы играла Российская империя до 1914 г., т. е. всего восемь лет назад.

Как известно, уже с середины XIX века российская экономика начала вписываться в общемировую систему торговых обменов. Только европейская часть России равнялась по территории остальной части континента, а всего Империя занимала шестую часть земной суши. Население европейской части России составляло половину населения всей Европы. В мирное время Россия вывозила до четырех миллионов тонн пшеницы, что составляло четверть всего мирового экспорта. Половина строительного леса, импортируемого Англией, поступала из России, равно как и две трети льна, ввозимого в Европу. Наконец, половину конопли, продаваемой на мировом рынке, также давала Россия.

Торговать с Россией было вдвойне выгодно еще и потому, что она не имела никаких шансов стать серьезным конкурентом западной промышленности. По расчетам европейских бизнесменов, даже полностью восстановленные российские заводы в лучшем случае представляли бы собой лишь вспомогательные мощности для собственно европейского производства. Кроме того, западную помощь можно было бы оказывать таким обра-

---

от 11 января 1922 г. (см. также сб.: Пролетарская солидарность трудящихся в борьбе за мир, 1917—1924. М., 1958. С. 319).

¹¹ Подробнее см. превосходную статью: *L. J. Macfarlane. Hands Off Russia. British Labour and the Russo-Polish War // Past and Present. № 38. P. 126 sq.*

зом, чтобы советское государство постепенно превращалось из конкурента в постоянного клиента, а поскольку программа помощи рассчитывалась на много лет, она позволила бы надолго обеспечить работой западные предприятия¹².

Под давлением Ленина и в новом экономическом и политическом контексте начала НЭПа многие советские руководители были совсем не прочь использовать опыт и богатство, накопленные западной буржуазией, к выгоде первого социалистического государства. Напутствуя советскую делегацию перед отъездом в Геную, Ленин, как известно, требовал вести себя там «по-купецки». Однако государственные деятели Западной Европы, хотя и отдавали себе отчет в произошедшей с большевиками перемене, все же не забывали, что те привнесли в привычную дипломатическую игру одно весьма опасное новшество: предпочитая революционную агитацию традиционной дипломатии, а точнее, пытаясь использовать обе тактики — то одновременно, то поочередно, — большевики ставили себе целью распространить революционное движение по всей Европе. Правда, им приходилось считаться и с послевоенной разрухой в экономике, и с перенапряжением Красной Армии, надорвавшейся от выполнения непосильных задач. Необходимо было создавать видимость респектабельности, чтобы избежать преждевременного вооруженного конфликта, сохраняя при этом некоторую воинственность, дабы продолжать служить примером для западноевропейских рабочих. Сложность создавшейся ситуации четко обрисовал Ленин, с одобрением отзывавшийся о приказе Троцкого войскам проявлять повышенную бдительность в связи с предстоящей Генуэзской конференцией: пусть каждый красноармеец знает всю подноготную дипломатической игры; пусть он знает, что значит сила оружия, решавшая до сих пор исход всех классовых конфликтов.

---

¹² Именно такая аргументация содержится в докладе, который представил Ллойд Джорджу один из его личных секретарей, Э. Ф. Уайз, в чьи обязанности входил, в частности, сбор информации по Восточной Европе (см. его доклад от 23 марта 1922 г. «The importance of Russia in the European Reconstruction», A. L. L. G. F / 149 / 2 / 11).

С одной стороны, как мы видим, предполагалось, что борьба двух идеологий будет идти до полной победы одной из них; с другой — делалась ставка на получение экономической выгоды, о размерах которой имелось пока довольно смутное представление. В этом смысле англо-советское торговое соглашение, подписанное в марте 1921 г., не оправдывало возлагавшихся на него надежд¹³: существенного роста товарооборота не произошло.

Ллойд Джордж, судя по его письму Остину Чемберлену, прекрасно понимал, в чем состоит главная трудность: «Торговля по своей сути глубоко психологична; пока в Европе будет царить экономическая нестабильность, торговец предпочтет хранить свои деньги где-нибудь подальше. Следовательно, основой для любой политики, направленной на восстановление экономики, должно быть установление надежного мира в Европе»¹⁴. Чтобы достичь своей цели, глава британского кабинета разработал план одновременного «приручения» Германии и Советской России. Германию следовало «укротить», введя ее в Лигу Наций и проявив гибкость в вопросе о репарациях. Параллельно с этим нужно было пойти и на признание де-юре советского правительства. Замысел британского премьера был совершенно ясен советскому наркому иностранных дел Г. В. Чичерину, который так отозвался о нем в своем выступлении на сессии ВЦИК в январе 1922 г.: «Верх политического искусства — способность налаживать отношения с новыми историческими силами с тем, чтобы обезвредить их. В настоящее время представителем этого традиционного искусства в Великобритании является Ллойд Джордж»¹⁵.

¹³ Ср.: Р. Ф. Карпова. Заключительный этап англо-советских переговоров // Вестник Ленингр. ун-та. Сер. истории, яз. и лит., 3. 1962. С. 34—46; И. М. Майский. Англо-советское торговое соглашение 1921 года // Вопросы истории. 1957. № 5. С. 60—77; Г. Степанов. Первое торговое отношение с Англией // Внешняя торговля. 1967. № 2. С. 12—14.

¹⁴ Ллойд Джордж Остину Чемберлену, 24 марта 1922 г. (A. LL. G. F / 7 / 5 / 23).

¹⁵ Отчетный доклад Чичерина на сессии ВЦИК 27 января 1922 г. (цит. по: FO 371 / 8185). Текст этого доклада не был

Даже Пуанкаре критиковал тогда французское правительство за то, что оно сводило весь выбор либо к уже провалившейся агрессивной политике, либо к столь же бессмысленной непреклонности: «Мир не прислушивается к нам и, отодвинув нас с дороги, идет в Москву, а мы так и будем стоять на обочине и жаловаться на судьбу? Нет, выжидание это не политика»¹⁶. Пуанкаре предлагал в качестве возможного решения — и в этом его полностью поддерживал Мильеран — заключить франко-британский договор, который свел бы на нет предполагаемые «махинации», замышляемые, по его мнению, Германией и Россией. Президент Франции не скрывал (и заявил об этом в частной беседе с американским журналистом), что он уже не раз пытался отговорить британского премьера от «погони за призраками в России»¹⁷.

Однако Ллойд Джордж полагал, что призраки водятся не в будущем, а в прошлом. С его точки зрения, не было ни малейшей необходимости в особом договоре между Францией и Великобританией, поскольку он не видел, какая угроза его стране может исходить от Германии или от России. Ему представлялось, что прочный мир в Европе будет достигнут в процессе восстановления экономики Старого Света, которое, в свою очередь, начнется с поисков политического взаимопонимания при уважении к различиям в общественном строе.

28 октября 1921 г. советское правительство выдвинуло идею созыва общеевропейской конференции. Она нашла отклик в Европе только потому, что в это время партнером Ллойд Джорджа с французской стороны был Аристид Бриай, хотя и он долгое время считал преждевременным, а то и вовсе неуместным садиться за стол переговоров с Россией и Германией. Он знал, что французы в большинстве своем относятся враждебно к любым попыткам пересмотра Версаль-

---

включен в известный сборник: Г. В. Чичерин. Статьи и речи во вопросах международной политики. М., 1961.

¹⁶ Revue des Deux Mondes. 15 juillet 1921.

¹⁷ Конфиденциальный доклад американского журналиста Ллойд Джорджу о его встречах с А. Мильераном (17 мая), Ж. Клемансо (17 мая) и Р. Пуанкаре (18 мая 1922 г.) (A. LL. G. F / 5 / 8 / 14).

ского договора и что держатели облигаций русского займа (а их было более полутора миллионов) вряд ли легко согласятся с тем, что французское правительство согласно разговаривать с людьми, которые отказываются выплачивать долги. В беседе с британским послом в Париже лордом Хардинжем в апреле 1921 г. Бриан однозначно заявил, что всеобщая забастовка, угрожающая как политической безопасности, так и экономической стабильности Соединенного Королевства, может стать реальностью только потому, что Ллойд Джордж «поддерживал отношения с большевиками и заигрывал с Революцией»¹⁸.

В начале февраля 1922 г. на конференции в Канне Бриан и Ллойд Джордж обменялись мнениями по проблемам Германии и России. Корреспондент «Таймс» довольно точно охарактеризовал позиции обоих государственных деятелей и специфику отношений каждого из них с членами своего кабинета в связи с обсуждавшейся проблемой: «Франция всегда была категорически против любых шагов в отношении России, если они предполагали признание советского правительства... Г-н Бриан, в гораздо большей степени зависящий от расстановки сил в своем правительстве, нежели г-н Ллойд Джордж, скорее всего будет вынужден проявлять чрезмерную осторожность, что вряд ли по вкусу инициатору принципиальных предложений»¹⁹.

Действительно, Ллойд Джорджа мало заботило, какова будет реакция членов кабинета на его попытку навязать им решение о возможности признания де-юре советского правительства. На памятном бурном заседании 16 декабря 1921 г. британский премьер-министр потребовал карт-бланш на встречу в Канне с Брианом и Лусером, где должна была идти речь о германских репарациях и о «всякого рода предложениях по реорганизации экономики России при неременном условии признания ею своих долгов, установления контроля над железными дорогами и таможнями и предварительного

---

¹⁸ Личное конфиденциальное письмо лорда Хардинжа лорду Керзону, 4 апреля 1922 г. (архив лорда Керзона, FO 800 / 156).

¹⁹ Times. 03. 01. 1922.

дипломатического признания советского правительства». Госсекретари по делам колоний (Уинстон Черчилль), по индийским делам (Эдвин Монтегю) и по иностранным делам (лорд Керзон) все же проявили неуступчивость, и было решено, что «по вопросу признания советского правительства следует вновь запросить мнение Кабинета министров, поскольку на данный момент министры воздерживаются от того, чтобы заранее давать свое согласие»²⁰.

Очевидно, самого Ллойд Джорджа вполне убедили те аргументы, которые выдвинул Л. Б. Красин в беседе с ним, состоявшейся в тот же день, 16 декабря. Советский представитель подчеркнул тогда, что «ни о каком серьезном экономическом соглашении и ни о каких более или менее значительных торговых сделках не может идти речь до тех пор, пока не состоится официальное признание советского правительства»²¹. Глава британского кабинета ответил, что он «отлично понимает важность такого довода, но предвидит осложнения со стороны Франции». Тем не менее он согласился «попробовать уговорить Бриана начать переговоры с Россией»²². По его мнению, крайне важно было утвердить принцип параллельных переговоров между сэром Робертом Хорном (который уже участвовал в переговорах по англо-советскому торговому соглашению), Лушером, Ратенау и Красиным об «определении конкретных направлений и возможностей работы в России»²³. Британское правительство надеялось таким образом снять с себя подозрения в том, что «коварный Альбион пожертвовал своими антибольшевистскими принципами с единственной целью: самому захватить русский рынок»²⁴.

²⁰ См. выписку из протокола заседания Кабинета министров от 16 декабря 1921 г., пункт 93 (21) (A. LL. G. F / 7 / 5 / 22).

²¹ Содержание своей беседы с Ллойд Джорджем Красин изложил в телеграмме Чичерину от 17 декабря 1922 г. (см.: Документы внешней политики СССР. Т. IV. М., 1960. С. 579—582).

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Из личного письма сэра Сэмюэла Хора сэру Роберту Хорну [тогда председателю торговой палаты] от 9 июня 1920 г. (A. LL. G. P / 27 / 6 / 36).

В конце декабря 1921 г. в Париже под председательством министра финансов Франции Лушера состоялась встреча крупных промышленников и банкиров из Англии, Франции, Италии, Бельгии и Японии, на которой шла речь о создании европейского консорциума с начальным капиталом в 20 млн. ф. ст. Спустя месяц, на Каннской конференции Верховный совет Антанты дал согласие на «организацию международной корпорации [...] с целью восстановления экономики Европы»²⁵. Бриан высказался в поддержку такого плана, вняв также доводам своего британского коллеги, касавшихся политики умиротворения в отношении Германии и России. Согласился он и с предложением пригласить Россию на общеевропейскую конференцию по «экономическим и финансовым вопросам». Наконец, во время игры в гольф Ллойд Джорджу удалось склонить Бриана к тому, чтобы перевести проблему из сугубо экономической плоскости в политическую, доказав, что будет вполне достаточно, если и западные державы, и РСФСР возьмут на себя обязательство уважать интересы безопасности друг друга и соблюдать принцип взаимного невмешательства во внутренние дела. В качестве жеста доброй воли оба политических деятеля договорились сделать совместное заявление о том, что в случае принятия этих условий Франция и Великобритания официально признают советское правительство. Чтобы развеять всякие сомнения на этот счет, Ллойд Джордж сразу же объявил: «Мы должны прямо сказать России, что можем вести с ней торговлю только в том случае, если она признает почетную обязанность любой цивилизованной страны, а именно выплачивать свои долги... Если мы настаиваем на том, что Россия не должна воевать со своими соседями, нам следует признать, что и соседи не должны нападать на нее; если же единственным условием для реального возобновления торговли является признание советского правительства, то, пожалуй, следует согласиться и с этим»²⁶.

²⁵ См.: British White Paper: «Resolutions adopted by the Supreme Council at Cannes, janvier 1922, as the basis of the Genoa Conference», Cmd. 1621, London, 1922.

²⁶ Times. 07. 01. 1922.

После того как Бриан принял такую формулировку и она легла в основу «Каннских резолюций»²⁷, казалось, на европейском горизонте действительно замаячили мир и взаимопонимание. Появилась реальная возможность укрепления связей между Францией и Великобританией благодаря их совместному участию в восстановлении экономики бывшей Российской империи. Стали постепенно налаживаться нормальные отношения и у Франции с Германией: по Висбаденским соглашениям в октябре 1921 г. Германия обязалась выплачивать репарации из прибылей своей промышленности. Как о том свидетельствует выступление Чичерина на сессии ВЦИК, советское правительство было в курсе такого развития событий накануне Генуэзской конференции: «Жесткой политике в отношении Германии Лушер противопоставил другую линию поведения, целью которой было превращение Германии в экономического союзника Франции для укрепления ее собственной мощи. Эта политика деловых людей, поддержанная Брианом и Лушером, пришла в согласие в Канне с политикой Ллойд Джорджа, что и сделало возможной организацию международной конференции»²⁸.

На самом деле вся эта воображаемая конструкция развалилась так же быстро, как и возводилась. Чуть ли не на следующий день после знаменитой «партии в гольф» корреспондент «Дейли Телеграф» передавал из Канна, что, как ему показалось, во Франции все «пришли в ужас»²⁹ от того, с какой легкостью Бриан принял идею созыва конференции с участием большевиков, которая вела бы к немедленному признанию их правительства. Не прошло и недели, как после бурного заседания Палаты депутатов 12 января Бриан предпочел подать в отставку вместе со всем своим правительством, продемонстрировав тем самым, что он не желает рисковать своей политической карьерой из-за «русского вопроса». Он быстро понял, что зашел слишком далеко и что французы пока не готовы

²⁷ Ср. Note on the question of the *de jure* recognition of Russia: Memorandum by E. F. Wise, 25. 03. 1922 // A. LL. G. F / 149 / 7 / 3.

²⁸ Отчетный доклад Чичерина на сессии ВЦИК 27 января 1922 г. (цит. по: FO 371 / 8185).

²⁹ Daily Telegraph. 09. 01. 1922.

следовать за ним: депутаты и слышать не хотели ни о каких политических уступках большевикам ради получения каких-то призрачных выгод в торговле.

Отставка Бриана и его замена Пуанкаре, как ни странно, лишь укрепили Ллойд Джорджа в его убеждении, что он один во всей Европе способен подобрать ключ к решению проблем: он по-прежнему твердо стоял за политическое урегулирование как основу для налаживания торговли и установления некоего равновесия между Восточной и Западной Европой. Раз уж не удалось пока убедить французов в разумности его плана, следовало сосредоточиться на обработке британского истеблишмента и в первую очередь заручиться поддержкой со стороны Кабинета министров, что было отнюдь не легко. Он прекрасно помнил, как его госсекретарь по иностранным делам лорд Керзон упорно поворачивался спиной к советскому представителю по время церемонии подписания англо-советского торгового соглашения и категорически отказался обмениваться с ним рукопожатием³⁰. Для ухоженной до кончиков ногтей Англии такое поведение лорда Керзона было характерным способом выражения несогласия части министров, представляющих влиятельные круги, с курсом Ллойд Джорджа на большую открытость в отношениях с Советской Россией.

И действительно, очень быстро выяснилось, что многие члены правительства полны решимости не поддаваться давлению. 21 марта 1922 г. Остин Чемберлен докладывал премьеру о серьезной оппозиции ему внутри Кабинета, во главе которой стоит Черчилль, громогласно заявивший коллегам, что «не останется в правительстве, если оно даст согласие на официальное признание Советов»³¹. Будущее правительственной коалиции, сложившейся в годы войны, было в тот момент

³⁰ См. об этом: *И. Майский*. Указ. соч.

³¹ Из личного конфиденциального письма Чемберлена Ллойд Джорджу, 21 марта 1922 г. (A. LL. G. РЛ / 5 / 20). Напомним то немаловажное обстоятельство, что советское правительство было довольно быстро информировано о конфликте внутри британского кабинета (ср. телеграмму в НКВД от советского полпредства в Берлине 5 апреля 1922 г. в: *Документы внешней политики СССР*. Т. V. С. 184—185).

весьма проблематичным. Понятно, что у Ллойда Джорджа не было недостатка в советчиках: одни уверяли его, что нужно идти на открытое столкновение с «непримиримыми», другие рекомендовали отступить. Например, 23 марта один из его личных секретарей, Эдвард Григг, направил ему докладную записку с изложением собственного видения проблемы; по его мнению, было «чрезвычайно важно, чтобы вопрос об официальном признании был поднят до начала Генуэзской конференции, а не в ходе ее»³². В тот же день Хилтон Янг (о котором тот же Григг отзывался как о «наиболее способном политике своего поколения») убеждал Ллойда Джорджа принять отставку «оппозиционеров»: «Полагаю, что перед лицом такого наступления реакционеров мы обязаны контратаковать и наконец-то избавиться от них, чтобы затем обрести надежных соратников. Не бывает прочного союза с кем-либо без предварительного разрыва с кем-то другим»³³.

Поначалу Ллойд Джордж решил следовать «жесткой» линии, и со следующего же дня в газете «Дэйли Кроникл», которая поддерживала его при любых обстоятельствах, стали одна за другой появляться статьи отчетливо наступательного характера, что было, разумеется, неслучайно. Однако уже 25 марта Остин Чемберлен насторожился, поскольку возникла реальная угроза перегнуть палку. Дело в том, что в одной из статей безапелляционно утверждалось, что «г-н Ллойд Джордж скорее порвет с ближайшими союзниками, нежели сделает шаг назад в принципиально важном политическом вопросе»³⁴. По контексту было очевидно, что эту фразу жур-

---

³² Эдвард Григг Ллойду Джорджу, 23 марта 1922 г. (A. L. G. P/86/1/35).

³³ Памятная записка Хилтона Янга Ллойду Джорджу 23 марта 1922 г. (Ibid.).

³⁴ Здесь уместно напомнить, что Черчилль считал Ллойда Джорджа своим наставником в большой политике и с восхищением отзывался о его исключительных данных: «Из всех, кого я знал, он лучше всех владел искусством доходчиво объяснять суть дела, чтобы потом провести нужное ему решение. Это был какой-то „двигатель людей и дел“, причем вдвое более мощный, чем любой другой британский политик моего времени» (цит. по: C. L. Mowat. Britain between the Wars, 1918—1940. University Paperback, 1968. P. 10).

налист записал со слов самого премьера или кого-то из его доверенных лиц, Чемберлен не мог сдержать своего негодования: «Ведь Уинстон расценит это как прямой вызов, и никак иначе!»³⁵

Умудренный опытом уэльсец, видимо, и сам почувствовал, что не стоило сжигать за собой мостов. Он немедленно предложил Черчиллю «встретиться в спокойной обстановке» и в ходе этой доверительной беседы с глазу на глаз, следуя рекомендациям Чемберлена, всячески старался «вывести проблему из области личных отношений», что не помешало Черчиллю сделать собственные выводы и лишний раз расставить точки над «i»: «Возвращаясь к заключительным словам нашей беседы [...], я хочу сказать, что никак нельзя признавать большевиков после всего, что произошло с того дня, когда у нас состоялся обмен мнениями по Генуе на Совете министров. Так вопрос не стоит, и ставить его нет никакой нужды, а если все-таки он будет затронут, то маловероятно, что я останусь в правительстве [...] Ни их характер, ни их поведение лучше не стали и, по-моему, никогда не станут»³⁶.

Заметим, что на Ллойд Джорджа подобные аргументы почти не действовали. Он и сам был в курсе подрывной деятельности, которую развернули Красин с Каменевым³⁷, когда оба они находились в Лондоне в связи с переговорами, завершившимися подписанием торгового соглашения в марте 1921 г. Читал он и перехваченные британскими спецслужбами шифротелеграммы, которыми обменивались советские представители в Лондоне с Чичериным и Литвиновым и в которых речь шла, кроме всего прочего, о тайной финансовой поддержке таких организаций, как «Руки прочь от Советской России!», или таких газет, как «Дэйли Херальд». У премьера не было сомнений, что внутри страны действует сеть посредников, получающих инструкции из Москвы о развертывании пропаганды в

³⁵ Ibid.

³⁶ Из личного конфиденциального письма У. Черчилля Ллойд Джорджу, 26 марта 1922 г. (A. LL. G. F / 10 / 3 / 22).

³⁷ Л. Каменев за подрывную деятельность был выдворен из Великобритании.

поддержку «первого в мире социалистического государства» и об ускорении «брожения в народных массах»³⁸.

Неудивительно, что лорд Керзон приходил в ярость при чтении такого рода инструкций, да и Черчилль давал волю своему гневу, судя по его приписке на полях доклада лорда Керзона: «Эти телеграммы — наглядное свидетельство хитрости и коварства этих мерзавцев»³⁹. Вряд ли Ллойд Джордж забыл о таких ремарках, равно как и о позиции Черчилля (в ту пору военного министра в его правительстве) при принятии союзниками совместного решения о выводе войск стран Антанты из России на исходе гражданской войны. Когда «заклятые друзья» столкнулись по вопросу о возможности официального признания правительства все тех же «мерзавцев», Ллойд Джордж саркастически припомнил «нашему дорогому Уинстону», как тот «места себе не находил оттого, что большевистские армии заставили его отказаться от грандиозных военных планов»⁴⁰. В итоге британский премьер все же склонился к тому, что придется «провести работу» с членами Кабинета, чтобы при случае можно было на них положиться.

22 марта он настоятельно рекомендовал своему министру финансов, сэру Роберту Хорну, не забывать о тех обязательствах, которые они оба взяли на себя на Каннской конференции, а значит, вместе и должны проводить в жизнь.

Вообще весь конец марта он занят почти исключительно этой темой, причем его аргументация остается прежней: немедленное и недвусмысленное признание советского правительства даст мощный импульс развитию торговых обменов, поскольку будет способствовать установлению необходимой для них атмосферы доверия. В письме Остину Чемберлену он

---

³⁸ Ср. подборку расшифрованных телеграмм в приложении к докладу лорда Керзона «Нарушения со стороны правительства Советской России своих обязательств по невмешательству во внутренние дела Великобритании» (A. LL. G. F / 203 / 1 / 5).

³⁹ Эта пометка, подписанная инициалами W[inston] S[pencer] C[hurchill], датирована 5 января 1921 г. (Ibid.).

⁴⁰ Из конфиденциального письма Ллойд Джорджа Остину Чемберлену 22 марта 1922 г. (A. LL. G. F / 7 / 5 / 4).

подчеркивает, что мнение экспертов об экономическом положении Великобритании лишь подтвердило его наихудшие опасения: «...никаких надежд на существенное улучшение в текущем году и очень мало на следующий год»⁴¹. Развивая свою мысль, он подробно останавливается на экономической подоплеке столь различного отношения к России со стороны Англии и Франции. Британская индустрия, напоминает премьер, в немалой степени зависит от состояния внешней торговли: любые неполадки в сложнейшей экспортно-импортной системе приводят к остановке заводов и к скачкообразному росту безработицы. Франция же гораздо менее уязвима, так как значительная часть ее населения по-прежнему живет натуральным хозяйством, и вообще французы сейчас «в основном заняты восстановлением разоренных войной территорий». Именно этим, по мнению Ллойд Джорджа, объясняется нежелание французских промышленников и банкиров связываться с каким-то новыми проектами и их упорное стремление вернуть назад имущество и деньги, отобранные большевиками⁴². Вывод из такого анализа ситуации напрашивался сам собой: глава британского правительства просто не имел права «позволить Франции диктовать ему политику, которая ей самой сулит покой и процветание, а английскому народу — разорение и нищету»⁴³.

Что касается реакции французских политических деятелей на объявление о созыве Генуэзской конференции, то многие из них, как, например, бывший посол в Лондоне Поль Камбон, сочли, что готовится «очередная западня, где Францию не ждет ничего хорошего»⁴⁴, а следовательно, необходимо все это предприятие «пустить ко дну»⁴⁵. Именно такой позиции

---

⁴¹ Из конфиденциального письма Ллойд Джорджа Остину Чемберлену 24 марта 1922 г. (*Ibid.*).

⁴² *Ibid.*

⁴³ *Ibid.*

⁴⁴ Из письма Поля Камбона сыну, 8 января 1922 г. (*P. Cambon. Correspondance. Paris, s. d. Vol. III (1970—1924). P. 38—39*). Ср. также телеграмму Литвинова в НКВД, 9 апреля 1922 г. (Документы внешней политики СССР. Т. V. С. 191).

⁴⁵ Из письма Поля Камбона сыну, 21 апреля 1922 г. (*Loc. cit.*).

придерживался Пуанкаре, насколько о том можно судить по его шагам, направленным на сужение повестки дня конференции и всяческое преуменьшение ее значимости. Так, на встрече с Ллойд Джорджем в Булони 26 февраля 1922 г. он добился от британского премьера твердого обещания не поднимать вопрос о германских репарациях. Кроме того, поскольку было решено сосредоточить внимание всех делегатов на русском вопросе, Пуанкаре настаивал на придании конференции исключительно экономической направленности, дабы избежать любых политических дискуссий. Как мы видели, план Ллойд Джорджа был диаметрально противоположным и весь был построен на том, что лишь политическое урегулирование может способствовать преодолению трудностей, возникших в послевоенной Европе.

Вплоть до своего отъезда в Геную, т. е. уже в первых числах апреля, Ллойд Джордж тщетно пытался вырвать у Пуанкаре согласие на образование Комиссии по политическим вопросам, которая придавала бы конференции совсем иной вес. Один из ведущих дипломатов французского посольства в Лондоне, де Монтий, получил указание спешно прибыть в Форин Оффис для очередного разъяснения позиции Франции. Охотно признав, что русский вопрос является «в значительной степени политическим», французский дипломат вновь повторил, что «создание официальной Комиссии по политическим вопросам, скорее всего, вызовет резко отрицательную реакцию во Франции»⁴⁶. Дипломат четко исполнял инструкции, полученные из Парижа, а они однозначно требовали: в Генуе не должно быть никаких серьезных политических дискуссий. Поскольку совсем исключить политические вопросы было вряд ли возможно, Пуанкаре предлагал «передавать их, по мере поступления, в Комитет великих держав». Такое поистине византийское хитроумие лишь обостряло раздражение Ллойд Джорджа, чьи усилия как раз и были направлены к тому, чтобы Генуя стала местом встречи на высшем уровне. Можно понять состояние британского премьера, которому за пять дней до этого было передано послание от председателя

⁴⁶ Из докладной записки сэра Эдварда Григга Ллойд Джорджу, 4 апреля 1922 г. (A. L. L. G. F / 86 / 2 / 1).

Совета министров Франции, чей категорический тон уже сам по себе был оскорбителен. В послании говорилось: «Проблема немедленного признания де-юре должна быть рассмотрена и решена только после окончания Генуэзской конференции. Если британская делегация выступит с предложением о немедленном признании, представители Франции покинут конференцию»⁴⁷.

По прочтении послания, которое было им расценено как «ультиматум», глава британского кабинета только укрепился в решимости «не допустить», чтобы Франция играла роль «диктатора» на Европейском континенте, тогда как «[ей] и без того было сделано слишком много уступок»⁴⁸. Вняв доводам своих советников (в частности, Хилтона Янга и Эдварда Григга)⁴⁹, Ллойд Джордж уже тогда все поставил на карту немедленного признания советского правительства, угрожая подать в отставку, если Кабинет министров его не поддержит. В письме Остину Чемберлену он подчеркивал, что если Черчилль «будет продолжать упорствовать в своем неприятии Генуэзского плана» — т. е. «европейского пакта», признающего Россию в качестве равноправной участницы политической и экономической жизни Европы, — он тем самым ослабит позиции правительства в глазах британского общественного мнения и в непростых переговорах с Францией, а при таком обороте дела, пояснил он, придется выбирать между ним и Черчиллем: «Кабинету предстоит решить судьбу конференции и, между прочим, мою собственную [...] Главное, чтобы в этом вопросе была предельная ясность»⁵⁰.

⁴⁷ Нота сэра Эйра Кроу (в то время возглавлявшего Форин Оффис), 30 марта 1922 г. (FO 371 / 8187).

⁴⁸ Из конфиденциального письма Ллойд Джорджа Остину Чемберлену 24 марта 1922 г. (Op. cit.).

⁴⁹ 23 марта сэр Эдвард Григг писал Ллойд Джорджу: «Мне только что сообщили о вашем намерении потребовать карт-бланш у Кабинета, а в случае отказа подать в отставку. Это самая превосходная новость, какую я слышал со времени окончания войны [...] Трудно и вообразить, в борьбе за какое еще более правое дело вы могли бы пригрозить отставкой. Если это случится, то победа [на следующих выборах] у вас в кармане» (A. L. L. G. F / 86 / 1 / 35).

⁵⁰ Из конфиденциального письма Ллойд Джорджа Остину Чемберлену 22 марта 1922 г. (Op. cit.).

Как известно, ни Черчиллю, ни Ллойд Джорджу не пришлось уходить со своих постов: столкнувшись со столь мощным противодействием своему плану и внутри страны, и во Франции, британский премьер не посмел взвалить на себя весь груз ответственности за немедленное признание советского правительства, ибо таким односторонним актом он мог поставить под угрозу установление той самой атмосферы согласия, которая, как он надеялся, имела шанс воцариться в Генуе. Ллойд Джордж решил, что ему удастся тем или иным способом добиться признания большевиков непосредственно в ходе конференции. Об искренности его намерений говорят хотя бы такие строки из письма Роберту Хорну: «Неприлично навязывать русским Каннские резолюции, а потом отказывать им в признании. Мы должны вести честную игру даже с революционерами»⁵¹.

Революционеры, в свою очередь, отвергали в принципе возможность «честной игры» со стороны «буржуазных» правительств, рассматривая такую «честность», в лучшем случае, просто как признак слабости противника. Например, Христиан Раковский предостерегал: «Если, в связи с Генуэзской конференцией, дипломаты начинают рассуждать о восстановлении экономики, мы не должны видеть в этом свидетельство искренности их намерений [...] Не надо забывать, что мы лишь вступаем в новую фазу войны»⁵².

Впрочем, в январе 1922 г. тот же Раковский имел долгую беседу в Берлине с одним немецким социал-демократом и, по словам вездесущего лорда д'Абернона, заявил тогда: «Россия пытается найти способы примирения с Францией [...] Но если Франция будет упорно стоять на своем, то мы без колебаний бросимся в объятия Англии»⁵³.

Подобная декларация могла бы лишь добавить сил Ллойд Джорджу, подтвердив правильность его восточноевропейской

---

⁵¹ Из письма Ллойд Джорджа сэру Роберту Хорну, 22 марта 1922 г. (Op. cit.).

⁵² Х. Раковский. Накануне Генуи. М., 1922. С. 14.

⁵³ Lord d'Abernon. An Ambassador of Peace. London, 19[...]. Vol. I. P. 261—262.

политики. В самом деле, раз непреклонность французов приносит вред одновременно Великобритании, России и Германии, значит, требуется создать новую систему союзов, которая с течением времени могла бы принести пользу всем трем странам. Ллойд Джордж раскрыл свой замысел в дружеском письме бывшему послу Соединенного королевства во Франции лорду Дерби, признавшись ему, однако, какая его «охватывает тревога» при мысли, что он разрабатывает план, который может привести к «коренному изменению ситуации в Европе»: «Если ни нам, ни Италии не останется ничего другого делать, кроме как идти, помимо воли Франции, на подписание соглашений с Россией и Германией на коммерческой основе, — это грозит серьезными последствиями»⁵⁴.

Как показал дальнейший ход событий, Ллойд Джордж, сам того не желая, сделался одним из отцов Рапалльского договора.

Подписание договора

В начале апреля, по дороге в Геную советская делегация остановилась в Берлине. Это было заранее предусмотрено: в Москве знали, что Франция в лице Пуанкаре отказывается идти на компромисс с большевиками и не одобряет созыв международной конференции.

Чичерин, Литвинов, Красин и Раковский планировали использовать краткую остановку в германской столице, чтобы склонить немцев к подписанию политического соглашения до прибытия в Геную, поставив страны Антанты перед свершившимся фактом. Выгода здесь была обоюдной: все увидели бы, что дипломатическая и политическая инициатива принадлежит не только Англии и Франции и что страны, не принятые в «клуб» ведущих европейских держав, тоже могут выступить единым фронтом. Уже после отъезда советской делегации германский госсекретарь фон Ханиэль в беседе с английским дипломатом так охарактеризовал круг обсуждавшихся вопросов:

---

⁵⁴ Из личного письма Ллойд Джорджа лорду Дерби, 18 февраля 1922 г. (A. L. L. G. F / 14 / 3 / 39).

«Мы говорили примерно о том же, о чем ведем речь уже с 1918 года»⁵⁵. Прежде всего имелась в виду, конечно же, статья 116 Версальского договора, по которой Россия получала право требовать репараций от Германии на тех же основаниях, что и прочие «победители» в войне. Затрагивались и другие темы: национализация германского имущества, убийство посла фон Мирбаха в 1918 году, официальное признание Берлином советского правительства. За эти несколько дней было подготовлено немало проектов, но не было подписано ни одного совместного документа. Фон Ханиэль не скрывал от своего собеседника, что именно удерживало Германию от решительного сближения с большевиками: «Нам не хотелось опережать Англию в вопросе о признании. Мы никоим образом не хотим компрометировать себя до начала конференции и связывать себе руки. Для всех нас очевидно, что рано или поздно нам нужно будет договариваться с русскими, но мы намеренно откладывали решающие переговоры до окончания Генуэзской конференции»⁵⁶.

Итак, немцы держали «про запас» практически готовый договор и подписали его в Женеве в результате совпадения действий Ллойд Джорджа и советских делегатов при так и оставшейся неизменной позиции Франции.

Чичерин с первого дня пребывания в Женеве докладывал в Москву о том, что «Англия и Италия совершенно определенно ищут путей заключения договора с нами»⁵⁷. Действительно, зная о намерениях Ллойд Джорджа, Италия как приглашающая сторона была готова содействовать англо-советскому

---

⁵⁵ Доклад Форин Оффис о состоянии германо-советских отношений, 23 апреля 1922 г. (FO / 371 / 8189).

⁵⁶ Ibid. 19 апреля, уже после подписания Рапальского договора, Ратенау в беседе с Ллойд Джорджем с глазу на глаз давал похожие объяснения: «К тому времени, когда мы прибыли в Женеву, германо-советский договор был уже полностью готов; мы могли подписать его еще в Берлине, однако они решили, что им лучше поехать в Женеву, не связывая себе рук». Стороны сошлись на том, чтобы «возобновить переговоры в Женеве» (Cabinet Papers 31 / 5; S. G. 8).

⁵⁷ Письмо Чичерина в НКВД от 10 апреля 1922 г. (Документы внешней политики СССР. Т. V. С. 207).

сближению. Еще до начала конференции английские дипломаты из числа тех, кто с неодобрением относился к новому внешнеполитическому курсу премьер-министра⁵⁸, не сомневались, что итальянцы «будут во всем подыгрывать большевикам»; их потери от национализации были гораздо менее значительными в сравнении с потерями других стран, и они желали лишь одного: возобновления торговли с Россией⁵⁹. Для осуществления задуманной перегруппировки Ллойд Джордж не брезговал приемами, явно отдающими маккиавелизмом. Он начал с того, что устроил серию закрытых совещаний с советской делегацией, умышленно держа немцев в неведении. Эта тактика имела своим результатом усиление позиции Англии и России, что позволило Ллойд Джорджу ловко шантажировать немецкую делегацию при посредничестве итальянского делегата Джаннини. Так, 14 апреля Джаннини явился к немцам «с официальным поручением»⁶⁰ от Ллойд Джорджа и сообщил канцлеру Вирту, что «в последние дни имели место

---

⁵⁸ Некоторое представление об «опозиционных» премьеру настроениях в Форин Оффис дает следующая записка некоего сотрудника Северного департамента (Northern Department), приложенная к официальному докладу: «Похоже, что в Генуе нам предстоит выбирать себе друзей на ближайшее будущее между большевиками и французами. Лично я все-таки предпочитаю последних: если однажды наши пути разойдутся, то, надеюсь, французы не слишком обидятся, когда мы им скажем, что в дальнейшем предпочитаем иметь дело с Москвой» (записка, датированная 29 марта 1922 г. и подписанная инициалами R. C. L.; приложена к докладу «Report of the British Committee on the preliminary meetings for the Genoa Conference», FO 371 / 8187). Напомним, что в это время Ллойд Джордж почти никогда не запрашивал мнения МИД, которое возглавлял лорд Керзон; премьер доверял мнению только своих личных секретарей, прежде всего Х. Янга и Э. Ф. Уайза, которых начальник Северного департамента, в свою очередь, называл не иначе как «гадами» (ср. письмо Дж. Д. Грегори М. В. Лэмпсону, 14 апреля 1922 г. (FO 371 / 8187)).

⁵⁹ Памятная записка Дж. Д. Грегори от 29 марта 1922 г. (Ibid.).

⁶⁰ Заяпись конфиденциальной встречи Ллойд Джорджа с немецкой делегацией, 19 апреля 1922 г. в полдень (Cabinet Papers 31 / 5; S. G. 8).

совещания союзников с русскими». Спустя несколько часов он явился снова с вестью о том, что Антанта и Россия «в ближайшее время должны прийти к соглашению»⁶¹, и даже дал некоторые разъяснения относительно содержания этого якобы неминуемого «соглашения»: в обмен на официальное признание советское правительство готово-де «взять на себя довоенные долги и выплачивать их путем выпуска долгосрочных облигаций»⁶².

Весьма сомнительно, чтобы большевики в самом деле взяли на себя подобные обязательства. Вместе с тем известие о «переговорах» с союзниками (пусть даже «для видимости», как оно и было предусмотрено Чичериным⁶³) должно было не на шутку встревожить германскую делегацию — что и произошло — и привело к подписанию, в спешном порядке, германо-советского договора. Д-р Вирт почти сразу же признался Ллойд Джорджу, что, когда Джаннини 14 апреля принес «дурные вести», он «испугался плохого оборота дел для Германии. Тогда он взял под руку д-ра Джаннини и отвел его к д-ру Ратенау, вместе с которым в комнате находились гг. фон Мальцан и фон Симоне. Все трое довольно долго совещались, после чего он вернулся к себе в комнату. Результатом совещания стало решение заключить сепаратный договор с Россией [...] Было признано необходимым продвинуться вперед в переговорах с русскими, дабы спасти для Германии хоть что-нибудь»⁶⁴.

В разговоре с британским премьером Ратенау особенно напирал на то, что «они пошли на заключение договора, так как у них сложилось впечатление, что их интересами пренебрегают или их недостаточно принимают в расчет»⁶⁵. Глава

---

⁶¹ Ibid.

⁶² Личные заметки А. фон Мальцана «О событиях, приведших к подписанию германо-советского договора, от вторника 11 марта до понедельника 17 апреля 1922 г.» (FO 371 / 8188).

⁶³ Письмо Чичерина в НКИД от 10 апреля 1922 г. (Op. cit.).

⁶⁴ Запись конфиденциальной встречи Ллойд Джорджа с немецкой делегацией, 19 апреля. (Op. cit.).

⁶⁵ Запись конфиденциальной встречи Ллойд Джорджа с Ратенау, 19 апреля 1922 г., 8 часов утра (Cabinet Papers 31 / 5; S. G. 8).

британского правительства не нашелся, что на это ответить, ограничившись показным возмущением. Его тактика, похоже, состояла в том, чтобы первым делом убедить германскую делегацию, что Франция ни за что не пойдет на всеобщее соглашение; потом, захлопнув перед немцами дверь, он тем самым рассчитывал толкнуть их на сближение с советской делегацией, причем французам было бы не к чему придрататься; в качестве посредников он выбрал итальянцев, дав одновременно понять советским представителям, что в благодарность за оказанные услуги Италия тоже получит возможность присоединиться к намечающейся компании. Так он планировал прийти к искомой конфигурации, о которой он в доверительном тоне поведал лорду Дерби.

Чтобы подкрепить эти наши предположения относительно тактики Ллойд Джорджа, следует дать однозначное доказательство того, что действительно на протяжении всего начального этапа конференции британский премьер не подпускал к себе немцев, выдерживая их словно на раскаленных угляях. Таким доказательством могут служить стенограммы конфиденциальных встреч между Ллойд Джорджем и Ратенау, из которых определенно явствует, сколь глубоко была уязвлена в своем самолюбии германская делегация. Итак: «Когда [Ратенау] впервые встретился с мистером Ллойд Джорджем в Генуе, он ощутил сильнейшее волнение, но уже тогда подумал, что мистер Ллойд Джордж не захочет беседовать с ним наедине. Во время первого разговора с мистером Ллойд Джорджем он почувствовал, что никто особенно не расположен помогать Германии. Конференция тем временем шла своим чередом. Он не критиковал общее направление конференции, поскольку был уверен, что мистер Ллойд Джордж знает, что делает. Когда начались довольно беспредметные прения по экономической ситуации, он полагал, что мистер Ллойд Джордж делает все, что в его силах: поэтому они и согласились какое-то время повторять азы и участвовать в обсуждении общих мест, однако вскоре он захотел поговорить с мистером Ллойд Джорджем. Трижды он посылал к нему барона Дюфура с просьбой о встрече, и трижды ему отвечали, что встреча откладывается [...]; он попытался лично связаться с мистером Ллойд Джорджем, но и в этом ему было отказано. Тогда он

предпринял новую попытку при посредничестве герра фон Мальцана: не было никакой возможности найти посредника среди англичан [...] Он даже поссорился с сэром Робертом Хорном, которому он прямо сказал, что не может найти себе посредника...»⁶⁶.

Параллельно на немцев оказывала сильнейшее давление советская делегация. 15 апреля была назначена встреча для обмена мнениями по поводу только что прошедших переговоров с Ллойд Джорджем. В 10 часов утра Мальцан встретился с Раковским⁶⁷ и Иоффе; он поделился с ними своей информацией о том, что происходило накануне, и получил от них важные сведения о переговорах, проходивших на вилле Ллойд Джорджа⁶⁸. О таком взаимном информировании стороны условились еще в Берлине, однако на этот раз Раковский и Иоффе, подобно тому как делали до них посланцы Ллойд Джорджа, настойчиво давали понять своему собеседнику, что Россия и Англия вот-вот достигнут соглашения. Раковский прибавил, что, если немцы будут по-прежнему отказываться подписывать уже готовый договор с Советской Россией, она «потребуется возмещения ущерба, на которое он может рассчитывать по Версальскому договору». Раковский намекнул, что «Франция уже предложила свое содействие в этом вопросе», желая показать тем самым, что не только англичане стремятся к сближению с Россией, но и французы при желании вполне могли бы найти точки соприкосновения с ней. Французская делегация, по словам Раковского, предложила большевикам вариант выплаты царских долгов за счет репараций, которые они вправе потребовать от Германии. Такой возможности дей-

⁶⁶ Запись конфиденциальной встречи Ллойд Джорджа с немецкой делегацией, 19 апреля 1922 г. в полдень (Op. cit.). Отметим, что Ратенау при личной встрече повторил то, что изложил в письме Ллойд Джорджу, отправленном накануне (см.: A. LL. G. F / 53 / 3 / 14).

⁶⁷ Год спустя в поздравительной телеграмме по случаю первой годовщины Рапалло фон Мальцан писал Раковскому, что тот может считать себя «отцом» этого знаменитого договора (cf. Louis Fischer Papers).

⁶⁸ Личные заметки А. фон Мальцана... суббота 15 апреля (Op. cit.).

ствительно нельзя было исключить, и это тем более обеспокоило немцев, что до 12 апреля советская сторона всячески «выказывала сговорчивость по поводу 116-й статьи»⁶⁹.

Поздним вечером того же дня (15 апреля) Раковский позвонил фон Мальцану из Рапалло, предложив встретиться на следующий день для продолжения переговоров. Фон Мальцан ответил, что «нет смысла продолжать переговоры, поскольку советская делегация подписала соглашение с Англией и Францией». «Нет, это не так, — возразил Раковский. — Переговоры продвигаются вперед, но соглашение пока не достигнуто»⁷⁰. Едва повесив трубку, фон Мальцан немедленно передал содержание этого неожиданного разговора Ратенау, а затем разбудил всех остальных членов германской делегации, после чего состоялось знаменитое «пижамное совещание»⁷¹. О его результатах не без иронии сообщал в Москву Литвинов в телеграмме, отправленной 17 апреля, т. е. на другой день после подписания договора: «Наши полусекретные совещания с Верховным Советом [Антанты] вселили страшную тревогу в душу немцев: Ратенау примчался ни жив ни мертв и предложил нам немедленно подписать тот самый договор, от подписания которого он уклонился во время нашего пребывания в Берлине»⁷².

Примечательно, однако, что к тексту договора, согласованному в Берлине, была добавлена секретная статья, гарантирующая соблюдение интересов обеих сторон в случае согласия

⁶⁹ Личные заметки А. фон Мальцана... среда 12 апреля. (Op. cit.).

⁷⁰ Ср. *W. F. Rheinbaben. Deutsche Ostpolitik in Locarno // Aussenpolitik (Stuttgart). Jan. 1953. Vol. IV. № 1. P. 36* (цит. по: *G. Freund. Unholy Alliance: Russian-German relations from the treaty of Brest-Litovsk to the treaty of Berlin. London, 1957. P. 115*). Рейнбабен ссылается на личное письмо фон Мальцана, где приводится запись этого телефонного разговора с Раковским.

⁷¹ Описания этого совещания можно найти, например, в следующих работах: *H. Kessler. Walter Rathenau. London, 1929. P. 319—359*; *L. Fischer. The Soviets in World Affairs. Princeton University Press, 1951. Vol I. P. 339 sq.*; *G. F. Kennan. Russia and the West under Lenin and Stalin. P. 207 sq.*

⁷² Телеграмма Литвинова в Москву // *Документы внешней политики. Т. V. С. 226.*

советского правительства возместить ущерб от национализации имущества западноевропейских собственников, эти меры должны были распространяться и на Германию; в свою очередь, Германия брала на себя обязательство не принимать участия ни в каких сделках, направленных на создание международного консорциума⁷³.

Советская сторона предпочитала впоследствии не особенно распространяться о том, как ее делегация, по выражению Раковского, «почти танцевала кадрили» с Ллойд Джорджем⁷⁴. Ян Рудзутак, выступая на сессии ВЦИК 12 мая 1922 г., в очень сжатом виде выразил свою точку зрения на политические обстоятельства, резко ускорившие заключение Рапальского договора: «Договор был подписан в тот момент, когда наши отношения с Францией были особенно натянутыми и когда Франция угрожала с нами разорвать и покинуть конференцию. Я придерживаюсь той точки зрения, что подписать германо-советский договор немцев заставил Ллойд Джордж, которому было очень важно создать угрозу для Франции в виде отделения Германии от всеобщего блока»⁷⁵. Рудзутак умолчал о том, на что мы старались обратить особое внимание: Ллойд Джордж содействовал германо-советскому сближению в надежде подключить к нему и Великобританию.

Как известно, одним из первых ощутимых результатов заключения Рапальского договора стало значительное укрепление позиций советской делегации на первом этапе работы конференции. Когда британский премьер попытался приоткрыть свои истинные намерения, большевики изобразили полное непонимание, о чем идет речь. Действующие лица поменялись ролями: теперь уже Ллойд Джорджу пришлось упрашивать немцев помочь ему, как о том свидетельствует стенограмма его беседы с Виртом и Ратенау 4 мая: «Он надеялся, что германская делегация использует свои возможности влияния на русских,

---

⁷³ Полный текст этой статьи (АВП СССР. Ф. 0165а. Оп. 101. Д. 4. Л. 85) приведен в кн.: Рапальский договор и проблема мирного сосуществования. М., 1963. С. 181.

⁷⁴ Х. Раковский. Англия и Россия. М., 1924. С. 20.

⁷⁵ Доклад Я. Э. Рудзутака о Генуэзской конференции // Исторический архив. 1962. № 2. С. 80—95.

чтобы они не следовали своей восточной привычке бесконечно торговаться. Они рискуют ничего не добиться, если будут то и дело заявлять, что не согласны то с тем, то с другим»⁷⁶.

И действительно, никаких соглашений достигнуто не было. Едва создалось впечатление, что Чичерин, Раковский и Красин готовы сделать кое-какие уступки в вопросе о национализированных предприятиях, как они были немедленно одернuty Лениным, которого предупредил Литвинов. 24 апреля разгневанный лидер большевиков пригрозил дезавуировать заявления своих представителей, а их самих снять с занимаемых должностей, если они проявят еще хоть малейшие колебания в таком вопросе⁷⁷, — весьма красноречивый пример тех пределов, в которых могли действовать советские дипломаты. Сначала они выступали в роли экспертов-консультантов, затем им была предоставлена довольно большая свобода маневра при проведении в жизнь общих директив, но, как только дело коснулось устоев «единственно верного учения», Ленин оказался непреклонен, ибо только он один мог определить, когда и в чем именно нарушается целостность доктрины, которую он сам и создал. Так, в конце апреля он дал указание Чичерину «не принимать на себя ни под каким видом и тени финансовых обязательств, не признавать, пусть даже частично, [царских] долгов и не бояться разрыва»⁷⁸.

На этом этапе для большевиков уже не могло быть и речи ни о каком компромиссе с Англией, а Ллойд Джорджу больше неоткуда было ждать помощи: получалось, что, с одной стороны, не чувствуя за собой поддержки собственного Кабинета, он нес единоличную ответственность перед английскими держателями акций (как и вообще перед всеми акционерами «буржуазной» Европы), которые уже косо посматривали на его политику «снисходительности» в отношении

⁷⁶ Запись конфиденциальной встречи Ллойд Джорджа с германской делегацией, 4 мая 1922 г. (Cabinet Papers 31 / 5; S. G. 25).

⁷⁷ Ср.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 164—165, 537—539 и 172, 541—542 (телеграмма Чичерину от 2 мая 1922 г.); см. также: Ленинский сборник. Т. XXXVI. С. 475—476.

⁷⁸ Телеграмма Чичерину от 30 апреля 1922 г. (В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 171, 540, 676).

большевиков⁷⁹; с другой стороны, он уже начал давать слабину под нажимом Пуанкаре, который, добившись исключения из повестки дня «германского вопроса», делал все, чтобы свернуть дискуссию и по «русскому вопросу». Кроме того, Ллойд Джорджу приходилось теперь иметь дело с разобиженными немцами и с распоясавшимися русскими, чьи позиции он сам же усилил и вдобавок утратил инициативу. При таком раскладе сил «его» конференция не могла не закончиться полным провалом. Сбылось предсказание начальника Северного департамента Форин Оффис: «Генузская гора» и впрямь родила «ничтожную мышку»⁸⁰, причем мышку отравленную, добавим мы от себя.

Ллойд Джордж активно стремился всех сблизить, и эта политика обернулась не только против него самого, но и против всех остальных европейских народов, за исключением, разумеется, Германии. Что же касается Пуанкаре, то можно сказать, что он был не столь огорчен подобной развязкой, как он хотел, чтобы все думали (и как на самом деле многие думали). Не следует упускать из виду, что председатель Совета министров Франции был прекрасно информирован о проекте германо-советского договора, подготовленного в Берлине; он был удивлен лишь датой и местом его подписания⁸¹. Пуанкаре полагал, что заключение Рапальского договора играет ему на руку в той мере, в какой оно «наносит огромный урон репутации Германии в глазах европейского общественного мнения». Он не постеснялся, например, заявить в присутствии американского журналиста, что это была «неслыханная глупость со стороны Германии», добавив не без злорадства: «По части совершения глупейших ошибок Германия нас никогда не подводила и, к счастью, не подведет. В кои-то веки ей представился случай занять место в европейской ассамблее, так она все сделала, чтобы снова остаться в одиночестве»⁸².

⁷⁹ Ср.: Известия. 1922. 25 апреля.

⁸⁰ Ср. письмо Дж. Д. Грегори М. В. Лэмпсону, 14 апреля 1922 г. (FO 371 / 8187).

⁸¹ Конфиденциальный доклад американского журналиста Ллойд Джорджу о его встрече с Р. Пуанкаре (18 мая 1922 г.) (A. LL. G. F / 5 / 8 / 14).

⁸² Ibid.

Последствия заключения Рапалльского договора

Не существует ли, помимо официального текста Рапалльского договора, какого-нибудь секретного приложения к нему, касающегося двустороннего военного сотрудничества? — таков был один из главных вопросов, который задавали себе и журналисты, и государственные деятели европейских стран. В поисках ответа на него не следовало упускать из виду, что в подготовке договора активное — хотя внешне не очень заметное — участие принял Христиан Раковский.

Как видный член партии большевиков, Раковский никогда не отделял военных проблем от общеполитического контекста. Накануне Генуэзской конференции ему случалось делать весьма откровенные заявления, подобные следующему: «Наша главная цель — держаться, не рассчитывая ни на какие займы или кредиты [...] Мы не должны забывать, что пока находимся в одной из фаз революционной эпохи [...], и нам надо укреплять нашу Красную Армию, ибо армия есть наша единственная опора»⁸³.

Не забудем, что в 1918—1919 гг. Раковский готовил вторжение в Румынию для того, чтобы эта страна примкнула к «лагерю социализма». Подобно Троцкому, он не мог себе представить, каким образом революционное движение способно выжить, замкнувшись в рамках одной страны. Его воинственные заявления не были простой данью революционной риторике: он действительно старался не упустить малейшей возможности укрепить вооруженные силы советского государства. Сотрудничество с германским генштабом было уже проверено на практике, и представлялось вполне естественным развивать его дальше.

В ходе переговоров, завершившихся подписанием договора в Рапалло, стороны с удовлетворением оценивали открывающиеся перспективы военного сотрудничества, но, по-видимому, из осторожности придерживались устных договоренностей. Такая форма обеспечивала целый ряд преимуществ: отсутствие письменного текста снижало опасность утечки информации, позволяло не слишком входить в детали и снимало

⁸³ Х. Раковский. Накануне Генуи. С. 32.

проблему угрызений совести у германских государственных деятелей и дипломатов. Кстати, германский генштаб под руководством фон Секта традиционно вел собственную военную политику, не всегда ставя о ней в известность «гражданских». Раковский тоже обронил как-то, что язык дан дипломату, чтобы лучше скрывать свои мысли. Как бы то ни было, официальный Берлин неустанно заверял все остальные европейские столицы, что Рапальский договор не содержит никаких секретных статей по военным вопросам⁸⁴.

С другой стороны, бывало, что кое-кто из высших немецких офицеров намекал на существование военного соглашения, а генерал Людендорф и вовсе заявил с характерной для него прямоотой, что «большевики заключили военный договор с Германией»⁸⁵. Агенты всех спецслужб Западной Европы сходились на том, что существует «в той или иной форме соглашение, предусматривающее возможное оказание помощи России в форме технического содействия и поставки боеприпасов». Практически ни у кого не было сомнений, что под прикрытием концессий (в частности, тех, что получил Крупп) на советской территории ведется строительство немецких военных заводов. Говорилось и о том, что Советская Россия поддержит Германию в случае ее нападения на Польшу⁸⁶.

Британский посол в Берлине лорд д'Абернон, о прогерманских настроениях которого было всем известно, утверждал, что

---

⁸⁴ Ср. конфиденциальное письмо лорда д'Абернона лорду Керзону от 26 апреля 1922 г. (FO 371/8189). Троцкий также категорически опровергал все слухи о военном соглашении с Германией (ср. Известия. 1922. 18 мая).

⁸⁵ Ср. «строго секретное» письмо генерала Бингема из Берлина в британское военное ведомство (War Office) от 20 апреля 1922 г., FO 371/8188. См. также конфиденциальные письма М. Аддисона из Берлина в Форин Оффис: сэру Эйру Кроу от 1 мая 1922 г. (FO 271/8190) и сэру Уильяму Тиреллу от 9 мая 1922 г. (FO 371/8191). Представляет интерес и меморандум генерала Дж. Х. Моргана от 15 мая 1922 г. (FO 371/8191).

⁸⁶ Ср. секретные донесения британских агентов в Литве (FR/4) от 10 апреля, в Норвегии (N/o) от 20 апреля и в Брюсселе (BL. A. A.) от 20 апреля 1922 г., сохранившиеся в архивах Форин Оффис (FO 371/8187).

разговоры о военном соглашении с Москвой не более чем «до-сужие сплетни»⁸⁷, в ответ на запрос, присланный 20 апреля из Форин Оффис, где было выражено «удивление в связи с отсутствием [у него] информации о германо-советском договоре»; начальство интересовалось также, доволен ли он «имеющимися средствами получения информации» и не сомневается ли он «в честности министров, с которыми [он] общается»⁸⁸. Вообще д'Абернон с какой-то явно преувеличенной похвалой отзывался о германской позиции в течение прошедших нескольких месяцев и заключал свой отчет следующим пассажем: «Ясно, что две такие державы, как Россия и Германия, одновременно оказавшиеся под давлением со стороны одних и тех же кредиторов, не могут не искать путей к сближению с тем, чтобы более эффективно отстаивать свои интересы. Как известно, разговоры в этом направлении велись уже давно. Труднее всего было прийти к такому соглашению, которое, с учетом нынешнего положения вещей, обеспечивало бы сторонам взаимную выгоду и не вело к осложнениям как внутри каждой из стран, так и за ее пределами [...] Для меня лично очень странно видеть, что огромное количество офицеров — как сухопутных, так и военно-морских сил — по-прежнему предпочитают оставаться в Германии, не имея работы и почти без средств к существованию, и только очень немногие из них переходят к русским»⁸⁹.

Д'Абернон все же признал, сквозь зубы, что «обсуждалось оказание содействия со стороны Германии [советской] военной промышленности», а, следовательно, заключение договора в Рапалло отнюдь «не было случайным», хотя он сам уверял свое начальство в обратном.

---

⁸⁷ Это выражение дважды встречается в отчете, который д'Абернон отослал в Форин Оффис 29 апреля 1922 г. (FO 371 / 8190).

⁸⁸ Эта телеграмма была отправлена д'Абернону из британского МИДа после появления статьи в газете «Матэн» от 19 апреля 1922 г., где приводилось заявление фон Мальдана о том, что «лорду д'Абернону текст договора был известен за две недели до его подписания». См. в связи с этим телеграмму (от 19 апреля) лорда Хардинжа из Парижа в Форин Оффис (FO 371 / 8187).

⁸⁹ Лорд д'Абернон лорду Керзону по поводу «Секретного доклада о германо-советских переговорах накануне Генуэзской конференции», 29 апреля 1922 г. (FO 371 / 8190).

Для советской России заключение Рапальского договора, безусловно, означало победу — военную, политическую, экономическую и моральную. Большевики, конечно же, были довольны тем, что «пробита брешь в едином фронте капиталистов», что усилились англо-французские разногласия и что Веймарская республика теперь на их стороне. Германия наконец-то официально признала советское правительство и согласилась на создание сети дипломатических и консульских представительств. Уже 17 апреля Литвинов телеграфировал в Москву, что «благодаря этому договору российско-германской дипломатии удалось окончательно убедиться в том, что Большая Антанта находится в предсмертном состоянии и что ее развал неизбежен, как неизбежна моральная изоляция Франции...»⁹⁰

В экономическом плане удача большевиков заключалась в том, что они показали промышленникам Европы и США потенциальную привлекательность российской нефти, леса, а также возможных концессий. Секретная экономическая статья Рапальского договора, о которой мы упоминали, обеспечивала расширение двусторонней торговли и одновременно обеспечивала неучастие Германии в любых планах эксплуатации российских ресурсов «объединенным империализмом». В целом же все-таки значение договора было «больше политическим, чем экономическим», как сказал спустя несколько лет (в 1929 г.) Раковский⁹¹. С его точки зрения, 1922 г. на долгие годы вперед обозначил собой «пик влияния» советского правительства на ситуацию в Европе⁹².

---

⁹⁰ «Переписка чрезвычайной важности» (K. N., Mail, Exр. N. 205 / 1). Совершенно секретно. Литвинов в Наркоминдел: «Резюме первых дней», 17 апреля 1922 г. (A. LL. G. F / 26 / 1 / 30).

⁹¹ Louis Fischer Papers.

⁹² X. Раковский. Англия и Россия. С. 31.

«УЛЬТИМАТУМ КЕРЗОНА»: обстоятельства появления, смысла и последствия (1920—1923)

8 мая 1923 г. британский госсекретарь по иностранным делам лорд Керзон оф Кедлстон направил в адрес советского правительства подробную ноту, составленную в вызывающем тоне и требовавшую принять все изложенные в ней условия в течение десяти дней. Эта нота вошла в историю под названием «ультиматум Керзона», поскольку для ответа на нее давался слишком короткий срок, а требования сопровождалось вполне конкретной угрозой, а именно денонсацией британско-советского торгового договора 1921 г.

Первый вопрос, появляющийся в связи с этим, таков: шла ли речь о возможном складывании нового антисоветского блока, и какие именно цели ставил перед собой Керзон в сложном международном контексте той эпохи?

С другой стороны, следует проследить, как восприняли ультиматум тогдашние советские руководители: была ли их реакция единодушной, имелись ли среди них разногласия, а возможно, и противоречия в оценках?

Более тщательное рассмотрение данного эпизода необходимо нам в качестве одного из подступов к троякой переоценке:

1) значения конкретного исторического события, которому в новейших западных исследованиях не уделяется должного внимания;

2) роли некоторых советских деятелей в области внешней политики, причем как на этапе ее разработки, так и на уровне принятия решений. В первую очередь имеется в виду деятельность Троцкого, Раковского и Каменева, а также Красина в

тот узловый момент, когда Ленин оказался полностью выключен из политической жизни после третьего приступа болезни, случившегося 10 марта 1923 г., т. е. меньше чем за два месяца до английского ультиматума;

3) наконец, роли отдельных структур советского аппарата, в чьи задачи входило проведение в жизнь одного из направлений внешней политики нового политического режима. Иначе говоря, существовала ли, наряду с унифицированной деятельностью Коминтерна, подобная же одноподчиненность у советской дипломатии или та была менее централизованной, чем представляется на первый взгляд?

В поисках ответов на эти вопросы нам понадобилось, наряду с существующей литературой, привлечь и другие источники: так, известные «Документы внешней политики СССР» были дополнены сведениями из личных архивов советских государственных деятелей (архив Троцкого в Гарварде, архив Раковского в Принстоне, в Фонде Луиса Фишера, и архив Красина в Амстердаме). Из источников британского происхождения сошлемся на архив британского МИДа (точнее, одного из отделов Northern Department of Public Record Office), а также на личные архивы лорда Керзона, Ллойд Джорджа и Остина Чемберлена.

Судить о том, что реально представлял собой английский ультиматум, можно лишь вспомнив, хотя бы вкратце, непростой исторический контекст: еще свежи у всех в памяти и «русско-русская» (по выражению Б. Суварина) гражданская война с вкраплениями иностранной интервенции, и война советско-польская, обозначившая собой решающий поворот в судьбе нового государства.

В июле 1920 г., когда Красная Армия еще идет вперед форсированным маршем, невзирая на предостережения Троцкого и Радека, лорд Керзон выступает с категорическим предписанием советским властям не нарушать демаркационную линию, установленную между двумя странами по решению Верховного совета Антанты в декабре 1919 г. и получившей название «линии Керзона». Советские войска продолжают наступать, но, слишком далеко оторвавшись от своих тылов,

вскоре вынуждены стремительно откатиться назад, не в силах устоять перед внезапным натиском поляков, чей боевой дух воскрес благодаря, в частности, поддержке западных держав, не спешивших пока «перековывать мечи на орала».

Ленин, главный застрельщик похода на Европу, со свойственным ему чувством политического реализма, мгновенно сориентировался в ситуации. Спустя некоторое время в беседе с Кларой Цеткин он не без горечи признал, что оказалось невозможно экспортировать революцию исключительно силой оружия, даже если назвать такую операцию «освободительным походом»: «Поляки смотрели на Красную Армию как на врага, а не как на братьев-освободителей. Революция, на которую мы рассчитывали в Польше, так и не началась... Радек нас предупреждал, но я, рассердившись, назвал его „пораженцем“. А ведь по сути дела он оказался прав».

Таким образом, 1920 г. ознаменовал собой перелом в представлениях и западных правительств, и самих большевиков на революционную ситуацию в Европе: для одних стало очевидно, что нельзя простым применением силы повлиять на революционеров, вставших у власти в России и доказавших свою способность защищаться; другим пришлось смириться с невозможностью вызвать волну революции, способную прокатиться по всем промышленно развитым странам Западной Европы. По мнению Ленина, теперь следовало решительно повернуться в сторону колониальных народов Азии (впрочем, Сталин настойчиво призывал к этому еще в 1918 г.). Угнетенные массы этих стран способны, хотя бы в силу своего численного превосходства, втянуть старый мир в революционный водоворот. С особенной четкостью новый тезис «лучше меньше, да лучше» выражен у Ленина в статьях февраля 1923 г., где он в последний раз дал свой анализ революционного движения и международных отношений. Так, в силу суровой необходимости в Европе устанавливался своеобразный *статус кво* (что для советского государства означало распространение НЭПа и на внешнюю политику), хотя и с первыми признаками азиатского урагана. Характерным исключением на этом фоне выглядит попытка английских либералов во главе с

Ллойд Джорджем завязать отношения с новым режимом путем установления экономических (подписание в марте 1921 г. англо-советского торгового договора), а затем и политических связей, чему, однако, почти сразу же воспротивился английский кабинет, а затем и Пуанкаре, заблокировавший ситуацию во время Генуэзской конференции 1922 г. Правда, со стороны Франции то был прежде всего сигнал Берлину, но советская дипломатия не упустила случая записать на свой счет важнейшее очко, склонив Германию к заключению договора в Рапалло. Последовавший за этим период «сердечного согласия» Москвы и Берлина станет контрапунктом всего межвоенного двадцатилетия, покуда у СССР не будет то возможности, то желания сблизиться с другими западными державами.

Именно к этому и шло дело после вынужденной отставки Ллойд Джорджа осенью 1922 г., когда британской дипломатией стал безраздельно править лорд Керзон, в прошлом вице-король Индии и госсекретарь по индийским делам. Не следует упускать из виду, что в отношении Ллойд Джорджа к большевистскому правительству была изрядная доля цинизма (не он ли повторял, к месту и не к месту: «Если на то пошло, мы и с людоедами торгуем...»). Для Керзона же, как и для консервативно настроенных деловых кругов, среди которых особым авторитетом пользовался Лесли Уркхарт, речь шла о сугубо принципиальных вопросах, таких как целостность Британской империи, немедленная выплата долгов и возврат национализированной собственности ее законным владельцам. С этих позиций установление каких бы то ни было торговых связей без предварительных условий подлежало однозначному осуждению, а в сложившейся ситуации наилучшим выходом представлялся разрыв отношений при первом удобном случае, дабы способствовать — как всем хотелось надеяться — скорейшему наступлению «лучших времен».

На кардинальное различие между этими двумя британскими политиками указывал и Каменев, заметивший в интервью газете «Манчестер гардиан» в феврале 1923 г.: «Ллойд Джордж прекрасно отдает себе отчет в том, что на дворе XX век, но у

него не всегда хватает смелости сделать из этого соответствующие выводы. А Керзон, хоть и понимает, что XIX век остался позади, упорно ведет себя так, будто ничего не изменилось».

После пикировки с Чичериным на Лозаннской конференции в декабре 1922 г. distinguished английский лорд еще больше укрепился в мнении о правильности своей позиции. Да и как ему было еще поступить, если советский наркоминдел — ничуть не менее «старомодный» (по оценке Дж. Кеннана), но ухитрившийся чудесным образом сделать сплав революционных идей с наследием темного царского прошлого — мог огорошить собеседника таким, например, заявлением: «Конечно, вам стало дурно от того, что наша конница вдруг появилась на памирских высотах, а дело иметь приходится уже не с полоумным царем, который ни с того ни с сего отдал вам в 1895 году Гиндукунский хребет... Но мы предлагаем вам не борьбу, а мир, основываясь на принципе средотения между нами».

На англо-русское соперничество будет напирать и Радек в статье 1925 г., написанной по случаю кончины лорда Керзона: «Страх перед русским царским империализмом занимал центральное место в политике этого представителя британского империализма. Помешать России проникнуть в Азию было его главной заботой... Он ненавидел и весь русский народ из-за той роли, которую ему суждено сыграть в пробуждении Азии, излюбленного объекта английской эксплуатации»¹. Христиан Раковский, предсовнаркома Советской Украины, тоже подчеркивал, что антагонизм между двумя державами имеет глубокие корни и грозит перерасти в «длительную беспощадную борьбу, борьбу не на жизнь, а на смерть»².

Керзон действительно исходил из того, что традиционные российские притязания в Азии лишь усилились, поскольку большевики добавили к ним подрывную мощь своей неустанной пропаганды права наций на самоопределение. Поэтому он заранее оговаривался, что, если предполагаемое соглашение будет означать «сокращение большевистской пропаганды до

¹ Labour Monthly. VII. 5 May 1925. P. 270—273.

² Х. Раковский. Россия и Англия. М., 1924. С. 19.

50% вместо прежних 100%, все равно ни один министр британской короны на это не пойдет»³, что заведомо предполагало отказ от каких бы то ни было переговоров с людьми из «секты коммунистов».

Ультиматум, предъявленный Советской России 8 мая 1923 г., был, следовательно, актом заранее обдуманном или, во всяком случае, умышленным. Архивы британского МИДа не оставляют ни малейших сомнений в том, что в течение двух предшествующих лет Керзон настойчиво собирал «компромат» на Москву, но, судя по материалам его личного архива, он был скорее разочарован результатами работы своих подчиненных из Форин Оффис и министерства по делам колоний. Например, в мае 1922 г., по окончании расследования, проведенного силами обоих ведомств, ему докладывали, что «антибританская деятельность советского правительства объективно идет на спад» и вообще не вызывает особого беспокойства. На этом докладе рукой Керзона начертана характерная резолюция: «Не могу удержаться от мысли, что можно было добиться большего, если бы наблюдение велось с повышенной бдительностью»⁴.

В архивах имеется немало материалов, показывающих, что лорд Керзон при поддержке консерваторов напряженно искал повода для решительного разрыва отношений с Советской Россией. Таким поводом послужил промах, допущенный второстепенным чиновником Наркоминдела по фамилии Вайнштейн — поистине «нечаянная радость» для Керзона, особенно если учесть обычную для советских дипломатов осторожность в высказываниях. Вайнштейн, составлявший ответ на очередную ноту протеста британского МИДа, вероятнее всего в отсутствие Чичерина, позволил себе взять довольно безапелляционный тон, что немедленно было квалифицировано Лондоном как явная дерзость.

Безусловно, Керзон имел основания протестовать (что он, собственно, и сделал в ноте от 8 мая) против вынесения смерт-

³ F. Conte. Christian Rakovski (1873—1941): Essai de biographie politique. Paris, 1975. Т. II. Р. 481.

⁴ F. O. 371 / 8193, 30. 05. 1922.

ного приговора католическому священнику — монсеньору Буткевичу — за «контрреволюционную деятельность»; вполне могли ему показаться неприемлемыми и действия советской морской патрульной службы, которая произвела досмотр, а затем и конфискацию трех английских траулеров, ловивших рыбу в советских территориальных водах; можно было — спору нет — ко всему этому добавить и полузабытое дело трехлетней давности (расстрел одного британского агента, арест другого), и разоблачения действий Коминтерна в Персии и Афганистане... И все же — к чему не замедлила привлечь всеобщее внимание либеральная газета «Дэйли геральд» — суть дела состояла в том, что «подобная нота, направленная одной великой державой другой великой державе до 1914 года, была бы равносильна объявлению войны».

Следует признать вслед за Красиным, советским представителем в Лондоне, что Керзон «воспользовался» рядом обстоятельств (среди которых и болезнь премьер-министра Бонара Лоу, и общая напряженность в Европе с начала 1923 г. — оккупация Рура Францией, инспектирование польской армии маршалом Фошем и румынских войск фельдмаршалом Френчем), чтобы придать обычной ноте протеста характер ультиматума. Такая трактовка событий, почерпнутая нами в личных записях Красина, представляется верной, особенно если вспомнить, какие опасения владели при чтении ультиматума английским представителем в Москве Р. Ходжсоном.

Ходжсон лично доставил ноту Керзона в Наркоминдел, настояв на том, чтобы зачитать ее Литвинову и узнать, таким образом, первую реакцию на нее. «Ходжсон был крайне взволнован», — отмечал Литвинов в своем докладе Центральному Комитету, указав, что «британский представитель несколько раз извинился за то, что ему приходится исполнять столь неприятную миссию», а затем задал вопрос, по которому чувствовалось, что он опасается самого худшего: «Будут ли приняты репрессивные меры в отношении англичан в случае конфликта и дадут ли им возможность свободно покинуть Россию?» Ходжсон не исключал даже немедленных актов

мщения со стороны советских людей, поскольку просил принять меры по охране британского представительства.

Эти первые впечатления и оценки, изложенные в докладной записке от 8 мая 1923 г., позволяли Литвинову сделать следующий вывод: «Все поведение [британского представителя] указывает на то, что он не рассчитывает на положительный ответ с нашей стороны»⁵.

Рассмотрим теперь реакцию советских властей: руководителей Наркоминдела (Чичерина и Красина, которые в данном случае поддержали Литвинова), выступавших в качестве советников, и членов Политбюро (в особенности Троцкого, автора ответа на ультиматум от имени советской стороны).

Итак, реакция Литвинова — по времени первая из тех, которые нам известны. Его выводы после визита Ходжсона определенно указывают на то, что он никак не мог быть сторонником робкого ответа, видя, как на его глазах британский представитель трясся от страха в ожидании неминуемой, как ему казалось, звонкой советской оплеухи.

Чичерин выступил 12 мая в Большом театре, после организованного властями массового шествия по Москве, в котором участвовало полмиллиона человек, выразивших гневный протест не только в связи с британским ультиматумом, но и в связи с убийством 10 мая в Лозанне советского полпреда в Италии В. В. Воровского: одно явно выглядело следствием другого и никак не «случайным совпадением». В чичеринском выступлении упор был сделан на разоблачении происков «крайне реакционных сил, заправляющих в Великобритании», и сообщалось, что «болезнь Ленина вселила во врагов СССР наивную надежду на то, что советская власть ослаблена и ее можно свалить при помощи давления извне». В заключение своей речи, проникнутой возмущением против действий британцев, нарком заявил: «Мы полны решимости встретить врага у нашего порога, но думаем, что у него не хватит духу напасть на нас»⁶.

---

⁵ Документы внешней политики СССР. М., 1962. Т. VI. С. 285, док. № 186.

⁶ Известия. 1923. 13 мая.

Красин также был сторонником жесткой позиции, как о том свидетельствуют записи, сделанные им по свежим следам событий (мы к ним еще вернемся).

Обратившись к членам Политбюро — инстанции, взявшей на себя к тому времени всю полноту ответственности и ставшей центром принятия важнейших решений, которые могли поставить под угрозу или, наоборот, защитить интересы молодого советского государства, — мы не встретим среди них единодушия, отмеченного нами среди руководства Наркоминдела. Так, Каменев, выступая по разным поводам⁷, неоднократно настаивал на необходимости мира и стабильности, что соответствовало своеобразной проповеди НЭПа во внешних делах. Зиновьев же в апреле пугал делегатов XII съезда партии «новой интервенцией» и требовал переноса на более поздний срок сессии Исполкома Коминтерна в связи с «опасностью войны». Что касается Троцкого, то он, будучи гораздо лучше других осведомлен о реальных возможностях Красной Армии, тоже предостерегал, конечно, от опасности военного конфликта, но чаще выступал поборником политики примирения, поскольку стране требовалась передышка для накопления сил. Можно ли было ожидать, что Троцкий займет именно такую позицию?

Нельзя — если целиком основываться на карикатурной или просто ошибочной интерпретации его теории «перманентной революции», вспомнив к тому же о его ультралевацких жестках на посту наркома по иностранным делам, когда он, в не менее напряженной обстановке, клеймил позором и дипломатов, и традиционную дипломатию, что привело к известным его демаршам во время переговоров в Брест-Литовске.

Можно — если не забывать, например, о том, какое значение в 1914 г. приобретал «пацифизм», а именно с такой, скорее «пацифистской» проповедью не побоялся тогда выступить Троцкий, опубликовав в Мюнхене свою работу «Война и Интернационал». В отличие от Ленина он не следовал за Клаузевицем, утверждавшим, что война является продолжением политики другими средствами, а потому и в его революционной

⁷ См., например, Manchester Guardian от 19 февраля 1923 г.

стратегии вооруженным силам отводилась отнюдь не главная роль. Для Троцкого война влекла за собой риск поголовного истребления рабочего класса, а значит, могла «на многие десятилетия отодвинуть саму возможность революции».

Известно, каким «по-государственному» осмотрительным показал себя Троцкий, особенно по сравнению с Лениным, во время советско-польской войны 1920 г. Аналогично он вел себя в «грузинском деле» 1921 г., а в январе 1923 г., после французской оккупации Рура, отвечая на вопрос английского журналиста А. Рэнсома, почему он не рассматривает данное событие как стимул к революции, Троцкий со всей определенностью заявил: «Война прежде всего обескровила бы и подорвала силы целых поколений рабочего класса, ответственных за будущее».

Стоит ли удивляться, что, расценив ультиматум Керзона именно как пролог к возможной войне, Троцкий воспринял его с подобающей серьезностью: «В нынешней напряженной ситуации в Европе это означало бы смертельную борьбу, многомесячную или даже многолетнюю битву, которая поглотила бы все ресурсы, все силы нашей страны, прервала бы на долгие годы нашу экономическую и культурную работу. Именно поэтому мы отвечаем: „Да минует нас чаша сия“».

И действительно, составленная Троцким в срочном порядке ответная нота от 11 мая 1923 г., принятая всеми членами Политбюро, отличалась большой гибкостью, ибо преследовала цель обезвредить бомбу, брошенную Керзоном в надежде причинить Советам максимальный урон. Следствием стало удовлетворение чуть ли не всех британских требований, включая отзыв из Афганистана в декабре 1923 г. знаменитого советского полпреда Федора Раскольниковца. Была уплачена компенсация за расстрел и арест британских агентов, возвращены конфискованные траулеры, дезавуирована пресловутая нота Вайнштейна.

Поначалу отнюдь не все в Москве одобрили тактику наименьшего сопротивления, призванную дать англичанам как можно меньше поводов для недовольства. Среди несогласных был и Леонид Красин, с досадой записавший в дневнике, что

его огорчает такая «непривычная уступчивость» (это выражение встречается у него несколько раз). Ему настолько претит идти на поклон к британскому правительству, что он медлил целых три дня, прежде чем вручить лорду Керзону ответную ноту, и для него это обернулось отзывом из Лондона и переводом в Париж, едва инцидент был улажен. Только большевистское чувство дисциплины заставило его в конце концов подчиниться настояниям Политбюро и лично участвовать в переговорах по восстановлению дипломатических и экономических отношений между двумя странами.

Политика примирения обрела ценного союзника в лице Христиана Раковского, который тогда еще сохранял за собой посты Председателя Совнаркома и наркома иностранных дел Украины. В направленной им 15 мая 1923 г. телеграмме британскому правительству он заверял, что готов «полностью присоединиться к ответной ноте Советского правительства, проникнутой духом примирения и желанием прийти к улаживанию спорных вопросов, возникших в результате недоразумений...» Немаловажным представляется и то, что Раковский параллельно предлагал Лондону активизировать прямые экономические связи с Украинской республикой.

В заключение нельзя не отметить, что ликование лорда Керзона при мысли о том, как лихо он обошелся с большевиками, похоже, вполне уравнивалось чувством глубокого удовлетворения у советского руководства, искусно избежавшего попадания на крючок английским консерваторам-провокаторам.

Последние, правда, тоже извлекли для себя уроки и, вернувшись к власти в 1925 г. (в немалой степени благодаря прежнему лозунгу «борьбы с Советами», подкрепленному на этот раз ловким ходом с фальшивым «письмом Зиновьева»), со всей решимостью повели дело к разрыву дипломатических отношений с Москвой, которые едва успело установить, путем признания де-юре, правительство лейбористов. Как однажды выразился сэр Джозеф Остин Чемберлен, вновь назначенный госсекретарь по иностранным делам, в письме своему коллеге по кабинету сэру Джойнсону Хиксу, отвечавшему за

внутренние дела, следует до поры до времени выжидать, держа советских представителей на почтительном расстоянии, а затем, выбрав подходящий момент, нужно «ударить, и крепко ударить». Именно так он и поступил в 1927 г., добившись разрыва отношений между двумя странами.

В этом смысле страх перед новой интервенцией, охвативший советских людей в 1927 г., является логическим следствием того, что запомнилось им еще с 1919 и 1923 гг. Думается, он был не столь уж беспочвенным, как некоторым нравится считать.

Бордо, 1982

II

ГРАНИЦА: СМЫСЛ И ВОСПРИЯТИЕ

I. Граница как элемент вечности

Начну с общего замечания, которое, на мой взгляд, является весьма важным: наши представления о пространстве и времени, о всякой деятельности и о самой способности к действию, о мирском и священном так или иначе связаны с понятием «грань», «граница».

Спиноза утверждает, что *«любое определение есть отрицание»*. В самом деле, определить — значит создать систему некоторых пределов, разграничить. Разграничения же немедленно ведут к появлению оппозиционных пар, на которых, в свою очередь, основывается как наше восприятие, так и наше поведение: взгляд выделяет один предмет среди прочих, слово придает форму мысли, порог обозначает собой пределы дома, граница же делает возможным самоопределение суверенитетов по отношению друг к другу.

1. К теории границы

Каждая граница представляет собой одну из подсистем внутри совокупности разнообразных пределов. Она ограничивает некое пространство, превращая его в особую территорию, что воспринимается как появление ряда оппозиций: здесь и там, я и другие, что относится ко мне и что относится к другим¹. Мы видим, как вступает в действие своего рода моральная география, в которой различается верх и низ, правое и левое, известное (свое) или неведомое (чужое) и т. д...

---

¹ См. M. Segalen (dir.). *L'autre et le semblable*. Paris: Presse du CNRS, 1989.

Точно так же противопоставляются внутреннее и внешнее; ярким примером могут служить хотя бы названия соответствующих государственных структур: Министерство внутренних и Министерство иностранных дел. Здесь вполне отчетливо проявляется тот двойной подход, о котором идет речь: выделяются некие антиномии (противопоставления), которые и ложатся в основу нашего восприятия мира.

Время тоже определяется границами: это те самые черточки, которые мы встречаем на циферблате любого прибора для измерения времени, будь то солнечные часы или наручные.

На самом деле, эти значки располагаются на стыке пространства, времени и действия. Они создают различие между «до» и «после», тем, что предшествовало, и тем, что последует; они способствуют тому, чтобы действие совершилось, выступая в качестве катализатора воли превзойти себя, воли перейти предел, преодолеть то или иное материальное препятствие или скопление целого ряда причин, мешавших принять решение действовать... Вспомним Цезаря, когда он решается перейти Рубикон, или немецкие войска, переходящие советскую границу 22 июня 1941 г., в четвертом часу утра.

В просторечии это передается очень точно, и на всех языках одинаково: «сделать шаг», «to take a step», «faire un pas décisif»...

Восприятие перехода границы, преодоления предела уже само по себе придает власти конкретность, поскольку происходит именно освоение, овладение. Подобный самоутверждающий акт одновременно ведет к установлению полновластия, суверенитета, которому предстоит затем осуществлять себя через отношения с другими суверенитетами, вступая с ними в союз или в конфликт, но не переходя их пределов. Это верно в применении к индивиду и к коллективу, когда они пытаются «обрести себя»; это верно и в отношении мысли, находящейся в трудных, порой неловких поисках самой себя и непрерывно отдающей себе отчет в том, что письмо — это и есть каждый раз проверка «чувства границы»². Эти пространства восприятия, размышления или действия создают

² Ph. Sellers. L'écriture et expérience des limites. Paris: Seuil, 1968.

круги, которые самоорганизуются в территории и в разветвленные сети, такие как «литературный кружок», работа и все, что с ней связано, дом и родные, квартал и люди, которые его знают, город и его жители, страна и ее граждане.

Соединение упомянутых нами четырех измерений — время и пространство, действие и власть — присутствует в чистом виде в мифах о сотворении, в частности в мифах об основании городов. Изначальное пространство Рима возникает тогда, когда Ромул проводит свою борозду; соответственно, время возникает из различения между моментом, который предшествует символическому определению границы, и моментом, который следует за ним. Власть же устанавливается тогда, когда выясняется, кто будет хозяином города через определение священного — делается выбор между жизнью и смертью, причем неважно, идет ли речь о смерти символической или реальной.

Рем должен погибнуть, потому что он решается перейти границу, очерченную его братом, а также потому, что делает он это с насмешкой. Он не признает того, что на его глазах создало границу: не признает границу между повседневным и ритуальным, мирским и священным. Священное же создает мораль — то, что уважают, или то, что попирают, то, за что отдают свою жизнь, или то, за что убивают. Попираемая святость существует лишь постольку, поскольку она противопоставляет себя почитаемой святине³. Здесь мы присутствуем при рождении свода правил, на которых стоит цивилизация и которые представляют собой принципы и запреты, которые не преступаются безнаказанно.

Таким образом, становится понятно, почему у границы всегда были свои боги, свои стражи, свои «профессионалы» — начиная с двуликого бога Януса, который смотрит наружу и внутрь, и заканчивая землемерами, таможенниками, солдатами.

---

³ По этому вопросу см. первую вышедшую на эту тему книгу: R. Caillois. *L'homme et le sacré*. Paris: Gallimard, 1936 (затем éd. Coll. Idées), а также: M. Eliade. *Le sacré et le profane*. Paris: Gallimard, 1965 (éd. coll. Folio, 1987; первое немецкое издание 1957 г.).

Их задача сделать так, чтобы граница работала наподобие фильтра и защищала окруженную ею территорию.

Общеизвестно значение круга: это расширенная точка, сама форма которой является гарантом мощи и эффективности; это магическая граница, которая непреодолима и нерушима: сконцентрированный на самом себе, без начала и без конца, законченный и совершенный, круг является знаком абсолюта. Когда он материализуется, он становится символом защиты: он предстает как кольцо или перстень, который носят на пальце, браслет или колье, пояс⁴ или корона; это круг, очерченный вокруг деревни против эпидемий (в обряде опахивания); это защищающая город стена, крест, вписанный в круг на византийских церквях...⁵

Во всех цивилизациях дипломаты и юристы также внесли свой вклад в определение границ, которые затем изучались историками, географами... а теперь и спутниками. Еще позднее настал черед этнографов и историков культуры исследовать национальное отношение к границе и к пространству. Политологи также задаются вопросом о динамике открытых обществ по отношению к обществам закрытым и об отношениях между этими двумя типами человеческих сообществ.

2. К проблеме границы в истории культуры

В западных языках термин «граница» восходит корнями к военному делу: «*la frontière*» обозначает линию фронта (1213 г.). Во втором значении слова граница как бы утолщается: в англо-саксонском восприятии слова это больше не линия (*boundary, border*), а зона продвижения; в средневековой Европе она рассматривается как фаза продвижения цивилиза-

---

⁴ В этом смысле известна исключительная роль, приписываемая поясу как в крестьянской, так и в религиозной культурах: см. Н. И. Толстой. Из славянских этнокультурных древностей. 1. Оползание и опоясывание храма // Труды по знаковым системам. Т. 21. Тарту, 1987. С. 57—77.

⁵ Подробности о круге, кольце, венке и т. д. см. в исследованиях в *Dictionnaire des symboles*. Paris: Robert Laffont/Jupiter, 1982. P. 191—195.

ции, как «марка» (то есть присоединяющая все новые территории пограничная область во главе с маркизом, если использовать терминологию Европы Средних веков)⁶. Рассмотрим несколько примеров роли границы в сравнительной истории цивилизаций.

По-немецки термин *Grenze* обозначает границу: он происходит от славянского термина граница, что ясно показывает, где именно находилась граница, по поводу которой немцы особенно беспокоились. Термин напоминает о немецком натиске на восток (*Drang Nach Osten*), который начался еще со времен Карла Великого и приобрел особую интенсивность с «северными крестовыми походами» против славян и языческих балтийских народов в XIII веке⁷. Много позже к этой же теме в совершенно другом контексте вернется Гитлер и скажет: «Настоящей границей будет та, которая отделит германскую цивилизацию от славянской. Наш долг провести ее там, где мы хотим, чтобы она проходила» (23 сентября 1941 г., вечером)⁸.

Граница — это также 350 немецких государств, которые объединились, слились в единое целое лишь благодаря революционным потрясениям и прусскому Таможенному союзу (*Zollverein*). Граница — это, наконец, разделение немецкого народа, о котором мы упоминали и которое закончилось крушением Берлинской стены и недавним воссоединением.

В Соединенных Штатах, как и в СССР, граница также способствовала созданию определенных моделей цивилизации и развития. Общее между этими двумя обширными территориальными образованиями то, что оба они являются государствами-континентами с весьма протяженными границами. Однако причины их продвижения в пространстве и последствия этого продвижения совершенно различны.

---

⁶ См. исследование J.-B. Duroselle. *Les frontières: Vision historique // Dictionnaire des symboles...* P. 229—242.

⁷ Это продвижение подробно описано в книге F. Conte. *Les Slaves: Aux origines des civilisations d'Europe centrale et orientale*. Paris: Albin Michel, coll. Evolution de l'Humanité, 1986. P. 74—90.

⁸ Выдержки из текстов А. Гитлера: *Libres propos sur la guerre et la paix recueillis sur l'ordre de Martin Bormann*. Paris: Flammarion, 1952.

Как известно, в конце прошлого века американский историк Фредерик Джексон Тернер пытался объяснить американскую демократию понятием «*frontier*» (фронтир), которое означало свободное продвижение колоннов с востока на запад (продвижение это уничтожило, правда, на своем пути все индейские народы). Спустя без малого столетие, в 1961 г., Джон Кеннеди положит начало мифу о «*новой границе*» в своей речи по случаю вступления в должность президента. Ему действительно удалось вызвать всплеск массового энтузиазма, особенно у молодежи. Настаивая прежде всего на преодолении себя, он призвал американский народ бороться за подъем экономики, за изменение жизни, и за отмену преград, установленных расовой сегрегацией и социальным неравенством.

В истории России продвижение в пространстве и мифология границы имеют иное происхождение и иное значение. Они были в значительной мере продиктованы необходимостью, а не честолюбивым стремлением к освоению или к обновлению. Так, феномен продвижения вглубь Сибири многим обязан желанию избежать гнета барина и бремени податей, убежать от крепостного права, которое устанавливается на всех русских территориях с XVI века и еще более усиливается в середине XVIII века, в то время как на Западе происходят прямо противоположные процессы. Это бегство было настоящим социальным явлением и уже являлось предметом исследований в СССР (побег как социальное явление).

Историк В. О. Ключевский усматривал связь между колонизацией русскими этих обширных территорий и их политической апатией. Он считал, что силы его соотечественников истощились в процессе этого завоевания, что ослабило их способность к сопротивлению власти, которая становилась все более централизованной по мере того, как увеличивалось завоеванное пространство.

Думается, что итоги территориальных завоеваний в России и в Соединенных Штатах совершенно противоположны: с одной стороны, демократия, сформировавшаяся в процессе завоевания и свободного и решительного освоения территории от океана до океана, а с другой — самодержавие как послед-

ствии вынужденного бегства из центральной части страны самых энергичных слоев населения.

Неплохо было бы также провести этнографическое исследование об отношении русских к границам, о желании отменить их, так как они оказывают удушающее воздействие, и об одновременном страхе перед полным развалом, «*беспределом*», то есть перед хаосом, ужасом и разгулом самых низменных инстинктов.

Этнологам следовало бы поразмышлять над отношениями народов с пространством, о глубоко укорененном страхе покидать пределы страны. Страх этот ощущается при пересечении границы, которое рассматривается как отбытие в «*другой мир*», где априори невозможно выжить. В этом отношении весьма характерен обмен письмами между Иоанном Грозным и князем Иваном Курбским. Здесь уже наглядно прослеживается роль фильтра, которую играет граница, со своими стражами и обычаями с давних времен по сей день, с XVI века, когда немецкий посол Герберштейн описал их нам, до первого съезда пограничников в Москве в апреле 1991 г.

Изучая диалектику длительного противостояния СССР всему остальному миру, приходится признать поразительный факт: Европейское сообщество всячески старается сгладить границы между составляющими его государствами. Вот уже несколько лет на обложке каждого паспорта западноевропейского сообщества указывается в первую очередь Европейское сообщество и только потом названия входящих в него государств. Этот на первый взгляд неприметный знак — наглядное свидетельство эволюции последних лет в западной части Европейского континента, но при этом он указывает и на подлинную революцию.

Достаточно взять пример франко-германских отношений: три войны не смогли разрешить в течение века спор о границах и, следовательно, вопрос соотношения сил между этими двумя странами. Только добровольное вхождение в единое европейское пространство смогло развеять опасения и взаимное недоверие. Достаточно лишь подумать о «*голубой линии Вогезов*» после 1870 года, о битве на Марне в 1914 г., о линии Мажино в период между двумя мировыми войнами и о

«демаркационной линии» 1940—1942 гг. После Второй мировой войны настал черед немецкого народа испытать на себе всю тяжесть положения страны, разделенной на две половины. Это продолжалось до крушения Берлинской стены, которая более, чем какая-либо другая граница, была суровой реальностью, но в то же время и символом другого измерения — идеологического.

Итак, мы видим, что любая культура зиждится на определенном восприятии мира и на установлении границ; она представляет собой одну из вариаций на тему границ. В то же время всякая культура обязывает придерживаться границ, которые она устанавливает: тотемов и табу, запретов и побуждений; переступить или не переступать...

Мы видим также, что наше восприятие этих барьеров лежит в основе наших действий, индивидуальных или коллективных, благодаря феномену побуждения или запрета идти дальше: превосходить себя или не превосходить себя; перестройка или застой? Не в этом ли «загадка», по крайней мере в том виде, в котором это предлагают советские власти, сводя альтернативы к пределам существующей системы и к ее бинарному функционированию?

С этой точки зрения большевизм — культура, находящаяся в одном измерении: он установил крайне жесткие правила игры с целью создания монополистических, закрытых обществ, которые являются полной противоположностью основанных на конкуренции открытых западных обществ. В данном контексте упомянутые уже нами примеры Берлинской стены и советских границ симптоматичны.

II. Граница.

От методологии до изучения частных случаев

До недавних пор граница не привлекала к себе достаточного внимания исследователей. Похоже, пришло время, когда можно пристальнее изучить этот «скромный», неброский знак⁹ в

⁹ Этот знак остается «скромным», так как еще не существует теории границы. Правда, на одном относительно недавно проведен-

российско-советском контексте в той же степени, что и дар¹⁰, секрет¹¹ или насилие¹². В первоначальном виде эти знаки предстают как некие сигналы, но затем, в процессе разветвления они могут превращаться в концепты «*sunlight*», поскольку они оказываются способными представить ту или иную реальность в новом свете. На еще более высоком уровне и в зависимости от степени их стабильности эти концепты могут войти в категорию *инвариантов*, и тогда за их изучение принимается семиотика культуры. В этой области науки огромную роль сыграла Тартуская школа: ее представителям удалось разработать универсальный интеллектуальный инструментарий¹³, который затем был блестяще опробован на материале русской культуры.

Если рассматривать большевизм как особую разновидность культуры, следует обратить внимание на то, что он установился именно в противостоянии. С самого начала он предстал как распространитель западной ереси — марксизма, — которая использовалась его приверженцами для борьбы против Запада его же собственным оружием. «Капитализму» марксисты противопоставили идеологию, в которой они увидели квинтэссенцию современного уровня развития. То, что они называли «анархией» капитализма, представлялось им только как некий разрушительный процесс, который разуму

ном коллоквиуме тема границы была взята как основная тема размышления (сообщения были опубликованы в журнале *Relations internationales*, № 63 и 64, осень и зима 1990).

¹⁰ F. Conte. Two schools of soviet diplomacy // *Understanding Soviet Foreign Policy*. McNair Papers № 7, The Institute of National Strategic Studies. April, 1990. P. 31—44.

¹¹ F. Conte. Le secret et la glasnost à l'ère Gorbatchev // *Revue des études slaves*. 1990. T. LXII, fasc. 3. P. 569—581.

¹² F. Conte. Christian Rakovski et l'usage de la force armée dans un mouvement révolutionnaire // *Tsarisme, bolchévisme, stalinisme. Vingt regards d'historiens*. Paris: Institut d'Études Slaves, 1990. P. 202—231. См. в наст. изд. статью «Революция и проблема насилия».

¹³ Среди изданий, позволяющих оценить степень влияния Тартуской школы в Западной Европе и в Соединенных Штатах, упомянем, например: *Iouri Lotman, Boris Ouspenski. Sémiotique de la culture russe*. Lausanne: L'Age d'Homme, 1990. P. 516.

следовало исправить; воспринимая исключительно в черном цвете феномен «непрерывной полисегментации», который, на наш взгляд, характеризует Запад, они противопоставили ему принцип рациональности и унификации, основанный на безраздельном господстве силы во всех ее измерениях — политическом, экономическом, социальном, международном...¹⁴

Придя к власти в России в октябре 1917 г., большевики установили идеократию, которая заменила свободу необходимостью, поскольку они понимали и задумывали ее как в высшей степени «научную». По этой причине она могла быть только принудительной и могла показать свою целесообразность лишь на практике. На первом этапе применение доктрины должно было разложить старую органическую ткань, в основе которой были концепты и категории западной культуры, традиционно служившие границами нашего мировоззрения и нашего поведения. После чего (в сталинский и неосталинский период) целью стало создание совершенно новой действительности, которую можно назвать «утопия неграницы». Остановимся подробнее на этих двух темах.

1. Феномен «постоянной полисегментации»

Совершенно очевидно, что западная культура основана на процессе демократизации, который часто шел медленно и с трудом, но всегда носил кумулятивный характер. В нем прослеживается троичная модель (власть / противовес власти / население: $A = A3$), то есть модель, для которой характерны одновременно сильная социальная динамика и значительные резервы для развития. Эти резервы не похожи на некие имевшиеся изначально залежи, их нужно было всякий раз заново отыскивать, что приводило к образованию все новых пространств свободы, возникавших благодаря практике участия и ответственности. Наша история на самом деле являет собой процесс сегментации власти, связанный с непрерывным поиском противовесов власти во всех областях политической, социальной и экономической жизни.

---

¹⁴ См. Ph. Hanson. The Dimension of the Monopoly Problem // Report on the USSR. 26. 04. 1991. P. 5—8.

Русская же история, похоже, реализует бинарную модель развития (власть / массы: $V = B2$), которую советская система довела до предела в силу своего волюнтаристского и объединяющего характера ($B2 = B1$). Не заключаются ли трудности, которые СССР переживает сегодня, как раз в переходе от $B1$ к $A3$ и в попытке миновать промежуточные стадии — именно те стадии, в ходе которых Западу удалось установить пределы монополии власти?

2. «Утопия неграницы»

В свое время в ходу была жесткая формулировка художника Ильи Глазунова, известного своими консервативными взглядами; «Кругом голод, холод и советская власть»¹⁵. Чтобы прийти к этому, большевизм действовал в три этапа: сначала он стремился стереть традиционные границы западной культуры; затем он методично разрушал структуру общества, которым он правил; наконец, он применил искусство «запутывания» границ, которые он сам навязывал. Поэтому, несмотря на свою исходную рациональность, большевистская система постепенно приняла форму «организованного хаоса», что особенно хорошо понял Андрей Сахаров:

«Кроме массового характера и жестокости репрессий, — пишет он в своих мемуарах, — террор ужасал своей иррациональностью, своей повседневностью, когда невозможно было понять, кого арестовали и почему»¹⁶.

Стирание границ

Свойственное всякой идеологии глобальное видение заставляет ее систематически уничтожать зоны сопротивления. Стремясь ускользнуть от любого внешнего контроля, от любых проверок, идеократия устраняет конфликты методом подавления и поглощения, который сжимает настоящее и растворяет прошлое. В. Гроссман в своем романе «Судьба и жизнь» сравнивает Россию с исчезнувшей в морской пучине

¹⁵ Аргументы и факты. 1991. Май.

¹⁶ A. Sakharov. Mémoires. Paris: Seuil, 1990. P. 47.

Атлантидой, а В. Солоухин вспоминает об обломках русской культуры, которые пошли ко дну, подобно некоторым цивилизациям Античности. Экономист Леонид Абалкин, описывая свою страну, использует выражение «лунный пейзаж». Опровергая возможные обвинения в преувеличении, он уточняет:

«Мы слишком много боролись против ума (во всех социальных сферах, от земледельцев до профессионалов), против интеллигентности и профессионализма, как только они превышали средний уровень»¹⁷.

Этапы этого разрушения социальной структуры хорошо известны: ликвидация дореволюционных имущих классов, уничтожение власти советов, крестьянства как класса, независимости рабочих и, наконец, уничтожение самих «ликвидаторов» в результате постоянных чисток¹⁸.

После 1945 г. такой же обработке подверглись страны Центральной и Восточной Европы. Там тоже проводилось систематическое уничтожение национальных элит (в странах, где они были относительно незначительны), но в гораздо более широких масштабах. Поставив себе определенную цель — поглотить инородное тело, утопия неграницы действовала как традиционными, так и специфическими средствами, предназначенными для активизации метаболизма. К единственной партии и структурам, обеспечивавшим ее господство (сеть «аппаратчиков»; униформизированные средства информации, призванные создавать «правильное» общественное мнение; средства надзора и инструменты репрессий — МВД, КГБ, армия, сыгравшие важнейшую роль для установления и поддержания режима...), были добавлены Варшавский Договор для объединения вооруженных сил; СЭВ для унификации экономики; обучение в Советском Союзе всех будущих руководящих работников во всех областях (идеологической, военной, научной...).

¹⁷ Комсомольская правда. 1989. 8 февраля.

¹⁸ Уже в 1951 г. Ханна Арендт представила анализ этих этапов в своей книге «Происхождение тоталитаризма», первой по этому вопросу.

Все эти элементы были скоординированы в сеть влияния и альянсов на международном уровне с утверждением права вмешательства, основанного на «социалистическом интернационализме», с абсолютным принципом подражания советской модели и, следовательно, с ограничением внутреннего и внешнего развития.

Система казалась неумолимой в своей логичности. Кроме производимого «эффекта реальности» она обладала развитым чувством соответствия целей средствам (например, военно-промышленный комплекс в своих отношениях с гражданской экономикой и с международной политикой СССР). Однако, оказавшись в плену своей собственной логики, система стала все шире использовать запугывание.

Запугывание

Для создания состояния «организованного хаоса», который все сильнее привязывал к себе население, советские руководители надолго лишили людей способности отличать возможное от реального, случайное от сознательного акта. Во времена культа личности повредить портрет Сталина или просто небрежно дотронуться до него представлялось как определенный акт мести; невинный превращался, таким образом, в виновного по крайней мере по трем причинам: чтобы поставлять бесплатную рабочую силу в ГУЛАГ, потому что такого рода режим не может существовать без врага; потому что диктатура должна быть непредсказуема (об этом красноречиво свидетельствуют смоленские архивы, а также пример Горбачева, к которому мы еще вернемся).

Таким же образом виртуального противника принимали за реального (в этом весь феномен диссидентства), и, наоборот, реальный враг становился виртуальным другом (Гитлер с августа 1939 г. по июнь 1941 г.). Что касается реального друга, его могли приравнять и к реальному врагу (достаточно вспомнить чистки, в том числе и те, в которых погибли тысячи офицеров Красной Армии перед Второй мировой войной, аресты таких советских разведчиков, как Берзин и Деканозов, которые работали в Берлине перед самой войной; в этом же ряду отказ верить информации Рихарда Зорге или тем более

предупреждениям Черчилля, называвшего Сталину точную дату вторжения немецкой армии на советскую территорию). Именно в этом контексте надо понимать слова Молотова Бухарину (который отказывался признать себя виновным в не совершенных им преступлениях):

«Если мы вас арестуем, вы признаетесь. Фашистская пресса писала, что наши процессы фальсифицированы. Отрицая свою вину, вы покажете, что вы фашистский агент»¹⁹.

Мы видим, что первая путаница, с которой все начинается, происходит на уровне идеологии; когда она доминирует или тем более имеет обязательный характер, она подразумевает абсолютное политическое господство в мире, где все приобретает политический характер. Как выразился писатель Илья Эренбург, поразив этим одного своего западного собеседника: «*Когда в Советском Союзе расцветает цветок, это политический акт*»²⁰.

Принципы классовой борьбы приводят, таким образом, к необходимому «уничтожению классов», которое еще недавно признавал Вячеслав Молотов — истребление интеллектуальных элит, буржуазии и крестьянства как классов.

Системе нужно было уничтожить экономическую основу или знания, которые могли бы ограничить абсолютную власть и создать ей альтернативы. Такого рода логика толкает к уничтожению самих воспоминаний о других возможностях и средствах, способных образовать структурированные противовесы власти, такие как церковь, политические партии, профсоюзы, ассоциации, а также память.

Путаница

После такого потопа остаются ли хоть где-то островки, нетронутые или мало затронутые этой всеохватывающей идеологией? Могла ли, например, уцелеть наука благодаря тому, что она была жизненно необходима для развития системы и для достижения ее целей? Рассуждать так — значит, не пони-

¹⁹ А. Ларина. Незабываемое // Знамя. 1988. № 12. С. 162.

²⁰ Московские новости.

мать, до какой степени Сталин был мастером запутывания границ с целью установления абсолютной власти над умами (именно поэтому его называют «душегубец», тот, кто губит души):

«Мало было победить пространство, — пишет Лев Разгон, — нужно было кроме того победить и заставить подчиняться неизвестное и неконтролируемое. Это вполне совпадало с желанием Сталина, который не выносил существования чего-либо, над чем он не обладал бы властью»²¹.

В Советском Союзе крупных ученых тоже арестовывали, как, например, Королева, специалиста в области ракетостроения. Его держали под строжайшим секретом в лагере на Колыме, где он должен был неминуемо погибнуть, если бы Туполев не взял его работать в свою знаменитую «шарашку». Как напоминает об этом в своих «Воспоминаниях» Андрей Сахаров, невиновность и вина могли меняться местами так, что даже Берия однажды заявил Королеву (который пытался доказать ему, что он невиновен):

«Дорогой, я прекрасно знаю, что ты невиновен; подожди, пока взлетит твой самолет, и тогда ты тоже сможешь улететь»²².

Однако не следует думать так, что именно аресты и заключение в тюрьму позволяли иметь постоянно под рукой одаренных и в то же время послушных ученых. Путаница была такая, что в то же самое время на свободе оставались шарлатаны, которых превозносили до небес и которым было дано право расправляться с любыми конкурирующими исследованиями. Наиболее яркий пример — академик Лысенко и «трагедия советской генетики и ее мучеников», в первую очередь биолога Николая Вавилова²³. Исследования в области кибернетики были также остановлены до самой смерти Сталина, который заявлял, что это «буржуазная наука». Впоследствии и информатика не избежала подобной участи, и всем известны висевшие над ней запреты: «сдерживание

²¹ Л. Разгон. Непридуманное. М., 1989. С. 21.

²² А. Сахаров. *Op. cit.* P. 202.

²³ *Ibid.* P. 94, 264.

развития, произвольный выбор областей применения, отсутствие необходимого оборудования», мания секретности и боязнь до последних лет, что население обретет неконтролируемую независимость при помощи множительной техники (пишущих машинок, ксероксов, принтеров...).

Этих нескольких примеров достаточно, чтобы понять, что система является тоталитарной в той мере, в которой она существует исключительно для самой себя. Поэтому у нее нет других целей, кроме самоувековечения и обладания властью любой ценой, независимо от степени отрыва от действительности и какой бы ни была эта действительность. Идеология наложила на страну тяжелейшее бремя, которое она заставляла нести страну, — начиная с феномена постоянных чисток и заканчивая непомерным развитием военно-промышленного комплекса по отношению к гражданской экономике. Считать, во что обходится ВПК, начали лишь тогда, когда почувствовали, что вся советская экономика вот-вот развалится, поскольку это угрожало самому существованию советской системы.

Именно тогда, в конце брежневской эры, престарелые советские руководители, казалось, очнулись. Единственное, что вынудило их пробудиться от сна, была угроза потерять власть из-за всеобщего развала. Однако, будучи продуктами системы, они не могли осознать, что СССР разрушался изнутри, становясь жертвой собственных противоречий, а не из-за нависшей внешней угрозы²⁴. В самом деле, мотив «осажденной крепости» всегда был одним из основных в легендах и мифах советского времени.

Используя выражение Молотова из его «Мемуаров», целью большевиков было «максимально расширить границы Родины». Под «границей Родины» следует понимать священное пространство крепости, плацдарм, на который отходили перед тем, как снова пойти в атаку. Это соотношение

---

²⁴ Правда, что с этой точки зрения новый министр Павлов вышел за пределы нынешнего консенсуса, снова размахивая такого рода аргументами (которые продолжает использовать руководитель КГБ В. Крючков).

сил для Сталина резюмировалось знаменитым вопросом: «Кто кого?» Вооруженное противостояние виделось ему как единственно возможное будущее и как абсолютно необходимая «повивальная бабка» истории:

«Первая мировая война, — говорил он, — освободила одну страну от капиталистического рабства; Вторая мировая война создала социалистическую систему; третья навсегда покончит с империализмом».

Эта фраза весомо, грубо и зримо являет нам тип мировоззрения, основанного на абсолютной дихотомии; по этой фразе можно также судить о том, насколько важная роль во всеохватывающем советском проекте отводилась насилью — как внутри страны, так и за ее пределами.

Запутывание и путаница на высшем уровне

Когда Сталину говорили, что деятельность ГПУ переходит всякие пределы, что людям из его ближайшего окружения угрожает арест и что их жены уже были отправлены в лагеря, он неизменно отвечал (по крайней мере, если верить народной молве): «А разве вы не знаете, что они и на меня собирают материал?»

Такого рода ответы входят в правила игры диктатора, который обязан быть непредсказуемым, переходя обычные границы. Это одна из черт, сближающих Сталина с другим генсеком — Михаилом Горбачевым. Будучи продуктом системы, Горбачев, придя к власти, сначала расшатал ее до самых основ, затем же вновь оказался в плену логики системы (осенью 1990-го), а спустя несколько месяцев снова начал освобождаться от нее. Один из наблюдателей, комментируя зигзаги его политики, заметил как-то:

«In fall and winter he aligns himself with reactionary forces, but in spring and summer he turns toward reform and compromise with progressive forces»²⁵.

²⁵ H. Smith. Ways to Keep the Heart on Gorbachev // Herald Tribune. 15 May 1991.

«Осенью и зимой он равняется на реакционные силы, а весной и летом он поворачивается лицом к реформам и идет на компромисс с прогрессивными силами».

Советскому лидеру приходилось то отстранять легитимных приверженцев системы, то договариваться с ними, поскольку именно они чувствовали, в каких пределах перестройка была допустима.

Первая прямая атака на «новое мышление» была проведена в форме газетной статьи за подписью ярой сталинистки Нины Андреевой. Платформа, которую она представила в «Правде» в марте 1988 г., была настоящей платформой консерваторов — в прямом смысле слова, — и заглавие было характерным: «*Не могу поступиться принципами*». Имелись в виду как раз принципы сторонников сталинистской или неосталинистской идеологии, которым горбачевский «реформизм» представлялся такой же ересью, насколько реформизм Хрущева мог представляться ересью такому деятелю, как Молотов, для которого авантюризм Хрущева внутри страны был столь же тяжким преступлением, сколь и его неумелая внешняя политика: последствиями массового и одностороннего разоружения стали независимость Австрии в 1955 г., а затем отступление в Карибском кризисе 1962 г.

В вопросе о Восточной Европе Горбачев сумел пойти на уступки. С этого момента диалектика противостояния Восток—Запад исчезла. С разрушением Берлинской стены она перестала существовать как реальность и как мифическое представление... что ему и вменяют в вину его противники.

После того как в ноябре 1989 г. эта стена взаимного недоверия была разрушена, оба блока, которые больше не противостояли друг другу по обе стороны стены, сумели впервые совместно действовать на международной арене, причем как раз затем, чтобы заставить уважать другую границу — ту, которая отделяет Ирак от Кувейта.

В связи с этим следует отметить, что одна из тактик, используемых Саддамом Хусейном, заключалась также в запугивании традиционных правил игры в войну. Не желая довольствоваться устранением границы между этими двумя арабскими странами, после агрессии с целью превращения

Кувейта в 19-ю провинцию Ирака диктатор попытался передвинуть ставку, меняя границы конфликта. Он преследовал цель обернуть ситуацию в свою пользу, когда вместо границы «традиционной» (которую он уничтожил путем присоединения новой территории) речь пошла уже о границе «мистической», которая должна была оживить коллективные представления, имеющие огромную силу (по крайней мере, когда их удастся задействовать). Он всячески стремился создать новую границу, а также обосновать ее идеологией священной войны между исламом и «неверным» Западом...

III. Последствия

1. Идеология или «бестерриториализированное» пространство

XX век основательно запутал вопрос о границах, добавив политические идеологии к идеологиям религиозного типа. На самом деле политические идеологии представляют собой в конечном счете всего лишь разновидности светской религии, причем фашизм, нацизм и большевизм отчетливо показали их опасность. Эти формы фундаментализма действительно располагали огромными материальными возможностями, о каких ни один религиозный мессианизм даже не помышлял и которые они сами в основном и создали.

Что касается большевизма, он произвел такое впечатление на весь мир по многим причинам, главные из которых связаны со временем, с пространством и действием:

длительность опыта: более 70 лет (по сравнению с нацизмом, чей период расцвета длился всего десять лет);

масштаб опыта: шестая часть земного шара, а затем продвижение повсюду по планете (поскольку идеология не имеет границ);

наконец, поразительное упорство, с которым этот опыт проводился; сейчас в Советском Союзе можно встретить транспаранты с надписями: «Прекратите эксперименты на людях!»

Как известно, это упорство было столь же ожесточенным внутри границ СССР, сколь и за его пределами из-за вдохновлявшего его наднационального пафоса.

2. «Общество-песок»

Большевики варьировали степень засилья государства обратно пропорционально пределам, которые они оставляли для индивидов. Неограниченный макрокосм власти — централизованной, до крайности структурированной, с четко выраженной социальной иерархией — сделал все, чтобы стереть в порошок, довести до микроскопических размеров уже и без того очень ограниченные пределы, данные русским подданным в силу исторических обстоятельств. В результате образовалось «общество-песок». Сегодня этим можно объяснить трудности, которые бывшие советские граждане испытывают, пытаются обрести самостоятельность, организовать и скоординировать свои усилия.

Пока режим держался, «общество-песок» сохраняло очертания той формы, в которую оно было влито; по мере того, как в литейной форме стали появляться трещины, оно начало вытекать из нее, будучи неспособно принять собственную форму, ибо оно было лишено структуры и потеряло навык поиска альтернативы. В памяти о сталинских временах, являющейся памятью целых поколений, индивид, распавшийся на атомы, лишенный возможности самоопределяться по отношению к другим, лишенный себя самого, может отождествлять себя лишь с фигурой великого Другого — Партией, Государством, Вождем. Но когда реальность, грубо врываясь в царство иллюзий, напоминает о себе, принося с собой видение мира таким, какой он есть на самом деле, а не таким, каким он должен был бы быть, на смену царству иллюзий приходит массовое разочарование, а затем и полный распад.

В настоящее время появился целый ряд выдающихся личностей: здесь также можно говорить о традиционном для тоталитарных обществ рефлексе, когда отдельные песчинки лишь слегка тормозят машину, продолжающую двигаться вперед своим ходом.

Здесь также видны различия в степени реакции у русского народа и других народов СССР (особенно в Прибалтике и на Кавказе), а тем более в странах Центральной Европы.

Польша смогла подать пример, потому что там некоторым альтернативным структурам удалось сохраниться. Несмотря на постоянную работу «мегачеек», о которых мы упоминали (от Варшавского договора до СЭВ), изначальный субстрат не успели растворить до той степени, в какой это удалось сделать в других местах.

Заключение

В России мощь системы находилась до сих пор в обратно пропорциональной зависимости от макроструктур и микроструктур. На мой взгляд, именно в этом и заключается причина кризиса, который Советский Союз переживает сегодня.

Если страны Центральной Европы могут совершить переход к западной модели развития (от А2 к А3), СССР должен будет осуществить полную конверсию знаковых систем, составлявших до сегодняшнего дня советскую цивилизацию (для перехода от В1 к А3).

В самом деле, вопреки бытующему подчас мнению, Советский Союз обладает политической культурой, а именно культурой большевизма, той, которая сделала из СССР сверхдержаву главным образом в военной области. Сейчас, в эпоху, когда расширение только за счет силы вызывает немедленную реакцию международного сообщества, основной проблемой становятся потенциальные возможности модернизации.

Понять, что означает «достичь современного уровня развития», — это осознать, что всемогущество государства — утопия «неграницы» — приводит лишь к подавлению способностей заниматься предпринимательством, строить, надеяться. В обществах «советского типа» вся работа должна состоять в воссоздании ткани гражданского общества в целях восстановления самой основы страны на уровне отдельных клеток, утверждая самостоятельность каждой частицы, каждого индивида, каждой ассоциации, города или региона. Не для того, чтобы привести к разрушительному раздроблению, а для того, чтобы в дальнейшем стала возможной интеграция,

основанная на самостоятельности в принятии решений, на подлинном «единстве в общей мечте» и на «постоянном плебисците», в чем Эрнест Ренан видел главные отличительные признаки народа, примирившегося с другими и с самим собой.

Париж, 1990

СЕКРЕТНОСТЬ И ГЛАСНОСТЬ В РОССИИ И В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Подцензурная пресса умеет
только разлагать.

Карл Маркс, 1842

Что такое секрет? Что такое секретность? Каковы их политические, социальные, психологические функции? Существует немало теоретических исследований¹, в которых делаются попытки ответить на эти вопросы. Вместе с тем едва лишь данные понятия начинают применяться в отношении тоталитарных режимов, существовавших в XX веке в ряде европейских стран, как возникают новые вопросы, открываются новые пути для исследований.

Задача данной статьи не только дать определение понятий секретности и гласности, но и выявить их внутреннюю связь, а также проанализировать особенности их функционирования в российско-советском контексте. Не была ли секретность

---

¹ См., в частности, классическое исследование немецкого философа Георга Зиммеля (1858—1918): *La société secrète // Nouvelle revue de psychanalyse. 1976. № 14. P. 281—305.* После некоторого периода забвения идеи Зиммеля снова вводятся в научный обиход. Ср.: *P. E. Erikson. The Role of Secrecy in Complex Organisations: from Norms of Rationality to Norms of Distrust // Cornell Journal of Social Relations. 1979. Vol. 14. P. 121—138; S. K. Tefft. Secrecy: A Cross Cultural Perspective. London: Human Sciences Press, 1980; P. Tacussel. Les lois du non-dit: silence et secret // Diogène. 1988. № 144; R. Hutchings. Soviet Secrecy and Non-Secrecy. Totowa (NJ): Barnes & Nobles Books, 1987.*

оборотной стороной горбачевской гласности? Не являлась ли гласность вышедшей на поверхность секретностью или, проще говоря, попыткой выйти из секретности?

1. Секретность

Совершенно очевидно, что СССР отличался от других стран кроме всего прочего тем, какое исключительное значение в нем придавалось секретности, причем как в смысле секретов, которые нужно хранить, так и секретов, которыми нужно завладеть. Мы остановимся только на первом аспекте проблемы. Кроме того, мы лишь мимоходом затронем такой важный аспект, как соотношение между личной и государственной тайной, чтобы сосредоточиться главным образом на отношениях между секретностью и властью, предоставляя другим исследователям возможность более тщательно изучить исключительные по своей важности последствия для всего общества, которые повлекло за собой ослабление секретности, или, другими словами, расширение гласности.

Начнем с общего замечания: в любой стране имеются определенные зоны секретности, закрытые как от граждан данной страны, так и от иностранцев. Советский случай интересен не просто повышенной степенью секретности по сравнению с другими странами Западной Европы, но фундаментальным, качественным отличием советских секретов. Во всяком случае, именно это мы и попытаемся доказать.

Приняв в качестве отправной гипотезы тезис о том, что секретность кроется в самой сердцевине советской системы, что она органически присуща ей, мы немедленно сталкиваемся с целым рядом вопросов. В самом деле, если советская секретность имеет особую природу, то в чем именно состоит ее специфика? Как соотносить ее с такими основополагающими категориями, как пространство и время? Какую роль она играет в процессе складывания отношений между властью и обществом? Если нам удастся найти ответы на эти вопросы, то это будет означать, что нам удалось определить значение секретности в функционировании советской политической системы — таковой, какой она осознавала саму себя (советская идеология), и

такой, какой она себя проявляла (в наиболее характерной для себя форме, то есть в сталинскую и неосталинскую эпохи).

Можно ли точнее обозначить контуры «официальной» секретности в Советском Союзе? Каковы ее структурные особенности, формы ее существования, каковы цели, ради которых она практиковалась, области ее применения и последствия ее применения, как продуктивные, так и контрпродуктивные? Захватывала ли секретность сферу частной жизни? Не влекла ли она за собой раздвоение личности, всякий раз ставя советского человека перед вопросом: о чем можно сказать, а о чем лучше умолчать, что можно говорить громко, публично, а что следует доверять лишь узкому кругу лиц? Кроме того, наряду с самоцензурой существовали и различные формы выражения независимого суждения — самиздат, юмор, сатира; при Горбачеве стали возможны разного рода неформальные объединения, Национальные фронты в советских республиках, разногласия внутри самой Коммунистической партии, бурные дебаты в Верховном Совете, не говоря уж о расцвете «плюрализма» в прессе, как общесоюзной, так и региональной.

Есть и еще целый ряд вопросов.

Например, какова связь между отсутствием четких пределов секретности в Советском Союзе и отсутствием в нем правового государства, ибо последнее, в его западном варианте, стремится определить и максимально сузить границы секретности, подчинив ее писаному закону, который известен всем (по крайней мере, это теоретически предполагается) благодаря деятельности юристов и независимости правосудия?

Можно ли говорить о наличии определенной стратегии секретности у советских руководителей? И если да, то велась ли ее разработка с самого прихода большевиков к власти, особенно учитывая специфическую природу этой партии (законспирированная организация профессиональных революционеров, имеющая все признаки тайного общества в том, что касается ее структуры и побудительных мотивов особого поведения ее членов)?²

---

² См. по этому вопросу: *B. H. Erikson. Secret societies and social structures // Social Forces. 1981. Vol. 60. № 1. P. 188—210.*

Какие изменения претерпела эта стратегия при попытке советского руководства непривычными способами сохранить ее прежнюю действенность, особенно с весны 1985 г., т. е. со времени восхождения на вершины власти Горбачева и таких его советников, как Александр Яковлев, коего принято считать «отцом гласности»?

В чем смысл усилий по пересмотру границ секретности и даже потуг изменить ее природу, что так характерно для деятельности советского руководства в столь нетипичный в истории страны период, когда оно, похоже, всерьез взялось за разрушение существующей системы с целью создания новой и по многим параметрам близкой к тем, что действуют на Западе?

Если допустить, что существуют разные виды секретности, — та, что свойственна демократиям, и та, что характерна для режимов, основанных на принципе монополии власти, — не состояла ли роль гласности в том, чтобы облегчить переход от одной формы секретности к другой, подготавливая и обеспечивая одновременно и переход от одной системы мировосприятия к другой?

И наконец, каков механизм связи между секретностью и гласностью? Как он работал и работает?

1. Секретность и политическая система

В своей известной книге «Россия в 1839 году» маркиз де Кюстин писал: «Говорить правду здесь означает колебать устои государства». Подобное заключение могли бы сделать и многие другие иностранцы, посетившие Россию и немало озадаченные непривычной для них закрытостью, в которой российская верховная власть держала общество. Можно считать, что закрытость была постоянной характеристикой России, хотя, конечно, ее степень была неодинаковой в различных уголках империи и существенно менялась в разные исторические эпохи. Следует подчеркнуть, что уже при самодержавии в России сложилась в своих основных чертах такая политическая система, которой была жизненно необходима секретность, можно сказать, что она жила секретностью.

Подобную мысль высказал еще в 1799 г. тогдашний министр внутренних дел Франции, который уже в то время прекрасно видел разницу между статусом секретности в деспотическом государстве и в современной ему республике:

«Деспотизм делал тайну из дел государственных, которыми, по его мнению, мог заниматься лишь один человек. С народом же не считались нисколько. Только с установлением республики действия правительства оказались переданы на рассмотрение подданным, им стали ежегодно сообщать, на что расходуются деньги из государственной казны, и стали призывать всех граждан к участию в обсуждении важных для страны вопросов»³.

Таким образом, основная функция секретности состоит в том, чтобы служить опорой деспотическому государству. Предложенная выше аналитическая схема вполне приложима и к Советскому Союзу (хотя, разумеется, в идеологических системах XX века к понятию секретности добавились новые черты и сама она обросла дополнительными функциями). Согласно приведенному тексту, последствия секретности ощущаются как минимум на трех уровнях:

подобная система не допускает участия народа в общественной жизни, поскольку власть сосредоточена в руках одного человека и его исполнителей (требуется «быть причастным» власти);

одной из главных тайн такого режима становится процесс принятия решения (ср. решение о вторжении в Афганистан и позднейшие дискуссии на эту тему в советской прессе);

едва ли не самым охраняемым секретом становится государственный бюджет (ср. плотное облако тайны, которое окутывало советские расходы на оборону, и нынешние дебаты по этому поводу).

В основе цитированной аргументации министра внутренних дел Франции лежит мысль о том, что общественная жизнь в республике направляется законом, тогда как деспотизм знает лишь волю монарха, произвол, а значит, и секрет-

³ Цит. по: J.-M. Domenach. *Approches de la modernité*. Paris: Ellipses, 1986. P. 43.

ность. Это касается и идеологического деспотизма, в котором далеко не последнее место отводится секретности и даже магии⁴. Попробуем разобраться в том, как все это происходило в СССР, но сначала вернемся к исходному смыслу нашего основного термина.

2. У истоков секретности: этимология и смысл слова

Этимология слова «секрет» (от латинского *secare* — отрезать) достаточно красноречива: она указывает, что изначально этим словом обозначалось то, что было отрезано, отделено от более крупного целого и затем стало секретом, поскольку было скрыто от других.

Слово «стало» здесь отнюдь не случайно: оно позволяет понять, что мы имеем дело с неким преднамеренным действием. Человек действует сознательно, когда что-то скрывает, такие действия изначально свойственны человеческой природе, хотя в зачаточном виде они встречаются и у животных (так, собака тоже прячет свою кость и делает из нее «секрет», известный только ей одной — если, конечно, никто ее случайно не застанет за этим занятием).

Этот пример наглядно показывает, что секрет заключается в превращении известного в неизвестное, причем данная операция производится в чью-то пользу и одновременно кому-то в ущерб. Происходит отделение того или тех, кому известен секрет, от всех остальных. Если первые по каким-то причинам исчезнут, то и секрет исчезнет вместе с ними (например, если вдруг сдохнет уже знакомая нам собака, закопавшая свою кость, или умрет человек, где-то зарывший клад). В некотором смысле секрет существует лишь постольку, поскольку его таковым воспринимают те, кому он известен, или же те, кто стремится его узнать. Первые сами находятся «в секрете» и потому охраняют его; вторыми движет желание, они готовы на все, чтобы узнать секрет, если он

---

⁴ По этому вопросу см.: *A. Siniavski. Le secret et la magie du pouvoir stalinien // La Civilisation soviétique. Paris: Albin Michel, 1988. P. 136—148.*

имеет для них цену, а их воображение еще больше усиливает в них желание раскрыть секрет.

Однако настоящий секрет это тот, о котором даже не подозревают. По меткому замечанию Томаса Карлайла, «тот, кто владеет секретом, не просто должен его скрывать: ему нужно скрывать, что он его скрывает»⁵. В этом ключе следует понимать и такое наблюдение, сделанное в конце XVIII века и относящееся к России: «Как же здесь будут думать о свободе, если даже не знают, что она существует... О том, чего не знают, и спорить невозможно»⁶.

3. Советская система и секретность

Философ Александр Койре как-то сказал, что тоталитарные режимы суть не что иное, как «тайные общества, действующие в открытую». Большевики как профессиональные революционеры, сплоченные деятельностью в условиях подполья, еще до 1917 г. выработали в себе особый тип мышления: мышление заговорщиков, приученных действовать в тени. Оказавшись у власти, они были буквально одержимы манией разоблачать заговоры, которые им мерещились повсюду, и размах которых они чаще всего преувеличивали, хотя если такие заговоры и возникали, то исключительно из-за волюнтаризма самих большевиков и их претензий на монополию власти. Отсюда вытекало требование предельной бдительности (в отношении происков врага, реального или мнимого), а также особая психология «осажденной крепости»: жизнь на военном положении требует максимальной секретности.

Такая обостренная бдительность распространяется на каждого и даже может обернуться против каждого, как то продемонстрировала адская педагогика сталинских чисток, своего рода инициация наоборот, выводящая человека за пределы

---

⁵ Можно было бы добавить и третью степень секретности: он должен скрывать, что ему известно изречение Карлайла, чтобы не подумали, что он поступает в соответствии с этой рекомендацией.

⁶ *Considérations sur les causes de l'ancienne faiblesse de la Russie et de sa nouvelle puissance*, par le chevalier Goudar. Amsterdam, 1772. P. 74.

группы и включающая три этапа падения: самокритику, признание вины и нарочитое выставление напоказ своей виновности (это можно было наблюдать не только на процессах тридцатых годов, но и позднее).

При такой постановке вопроса главное — обнаружить врага, а если нужно, и выдумать его: в самом деле, партия, чьим основным принципом является борьба противоположностей (диалектика), не может развиваться иначе, как в борьбе со всем, что ей противостоит: «Партия образуется не для того, чтобы подготовить заговор, а для сопротивления угрожающему ей заговору, раскрытие которого с точки зрения данной идеологии равносильно архимедовой эврике. Такая партия является прежде всего контрзаговором»⁷.

Партия постоянно нуждается в козлах отпущения, поскольку монополия на власть приводит ее к самоизоляции. Враг, реальный или предполагаемый, жизненно ей необходим, как инсулин диабетiku. Сошлемся на свидетельство Стефана Сташевского, одного из руководителей польских коммунистов, исключенного из партии в 1968 году: «Партия постоянно должна иметь врага, который вынуждает ее теснее сплотить ряды. Когда уничтожен внешний враг, врагов находят среди своих: например, ими оказываются правые националисты, какие-нибудь уклонисты или очередные ревизионисты. Враги должны быть всегда»⁸.

4. Секретность и ложь. Пространство и время

Судьба секретности драматична, и виной тому, разумеется, время. Со временем любой секрет устаревает, превращается в банальность, а то и еще хуже: от него остается одна пустая оболочка. Это, видимо, и осознал Горбачев, когда, поднявшись на верхнюю ступень иерархии, он обнаружил, что

⁷ A. Besançon. *Les origines intellectuelles du léninisme*. Paris: Calmann-Lévy, 1977. P. 233; H. Arendt. *Le système totalitaire*. Paris: Seuil, 1972. P. 171.

⁸ T. Toranska. *Oni: des staliniens polonais s'expliquent*. Paris: Flammarion, 1986. P. 190.

король-то голый — открытие, особенно горькое для того, кто занял место «первосвященника».

Надо сказать, что секрет не всегда был пустым. Открытое произглашение учения обернулось воцарением секретности, когда обнаружилось, какое неизмеримое расстояние отделяет людей от поставленной цели и как невелики их собственные возможности, одним словом когда средства заслонили собою цель. Тогда-то и вырастает до гигантских размеров ложь: она нужна любому тоталитарному режиму, чтобы скрыть его неспособность воплотить в жизнь утопию⁹. Как сказал об этом Солженицын в своем «Письме вождям Советского Союза», «вездесущая, навязанная, обязательная ложь является самым мучительным в жизни наших людей. Это хуже, чем любые материальные неудобства, хуже, чем отсутствие гражданских свобод. И весь этот арсенал лжи, совершенно бесполезной для упрочения государства, представляет собой дань идеологии...»¹⁰

В наши дни, когда неудержимо разрушается система, основанная на господстве идеологии, один из ее важнейших механизмов — ложь — по-прежнему успешно функционирует. Умело организованные «разоблачения» можно правильно оценить лишь с учетом фактора времени. Тогда становится понятно, почему в СССР в какой-то момент точно по команде раздается залп официальной «правды»: она должна скрыть все, что в данный момент правдой не считается, а иногда и опровергнуть то, что раньше считалось официальной правдой.

Так происходит всякий раз, когда очередной руководитель обрушивается на ошибки своего предшественника, чтобы самому предстать в образе спасителя. В этом случае мы имеем дело с «нарочитым признанием вины»: так было в 1956 г. на XX съезде КПСС в знаменитом докладе Хрущева, затем в

⁹ L. Kolakowski. Totalitarianism and the Lie // *Howe I*. 1984 Revisited. Londres: Harper & Row, 1983; об участии советских граждан в распространении лжи см.: G. Nilov. Le paramensonge du système soviétique // *Le Temps et nous* (59). 1981. P. 113—147.

¹⁰ А. Солженицын. Собрание сочинений. Т. 9. Париж: YMCA-Press, 1981. С. 160.

1964 г., когда Брежнев разоблачал Хрущева, и наконец, после 1985 г., когда команда Горбачева подвергла резкой критике большую часть решений, принятых в брежневскую эпоху, как в области международных отношений, так и во внутренней политике.

До тех пор пока признание вины имеет прежде всего функциональное значение, секретность продолжает безраздельно властвовать там, куда (пока) не направляют луч прожектора. В Советском Союзе, как известно, к таким областям по-прежнему относятся:

в политике — процесс принятия решений, статус и функции номенклатуры, загадка сталинских чисток;

в экономике — статистические данные по приоритетным направлениям использования ресурсов (в частности, военно-промышленным комплексом);

в промышленности — высокие технологии и их использование, в частности, для производства вооружений;

во внешней политике — контакты и соглашения между коммунистическими партиями;

в области политической истории зона секретности огромна, начиная с закрытых архивов¹¹ и заканчивая ретушированием фотографий руководителей страны (включая Горбачева), не говоря уж об истории ГУЛАГа или о намеренно организованном голоде начала 30-х гг.

У секретности есть и своя география. Еще в XIX веке украинский поэт Тарас Шевченко писал: «От Урала до Прута мы молчали на всех языках». Сегодня эта огромная закрытая зона внутри страны постепенно открывается, из состояния секретности выходят регионы, города, институты, библиотеки и, конечно же, умы людей. Почти повсюду секретность долго держалась и продолжает держаться благодаря специальным организациям, которые за нее отвечают, и благодаря руководителям, которые сделали себе карьеру на секретности — и на лжи.

---

¹¹ Проницательный анализ этой проблемы см. в статье: Хранить вечно? // Комсомольская правда. 1990. 18 марта. С. 2.

5. Инструменты секретности

В первую очередь это, конечно, КГБ (сохранивший свой привилегированный статус и при Горбачеве, особенно в сравнении с армией), затем Главлит и всевозможные «главные редакторы» и естественно, вся номенклатура сверху донизу, в каждой своей бюрократической ячейке тщательно сохранявшая определенную сферу недосказанности.

6. Цели

Главная цель состоит в том, чтобы создать, сохранить и усилить власть благодаря манипуляциям с секретами и частичными разоблачениями. В диахроническом плане исключительно важным поэтому является правильный выбор момента для признания, ибо он включен в некую общую стратегию: «незамалчивание» приобретает особый смысл, укрепляя доверие к режиму. Так вырабатывается целая технология секретности и пользования ею.

Именно с этой точки зрения партию, а тем более номенклатуру можно уподобить мафиозной организации, что и делается сейчас в советской прессе. Разница, однако, состоит в том, что власть в СССР использовала насилие, придавая ему законные формы. «Циркуляция власти» позволяла партии полностью контролировать любые назначения, особенно на высокие посты, равно как и снятие с них. Такая система тайной кооптации позволяла советскому руководству:

сохранять необходимую дистанцию между кругом посвященных (куда входили руководители различных уровней и их постоянный бюрократический аппарат) и всеми остальными;

пользоваться привилегиями имеющих «допуск» ко всякого рода секретам, что давало неоспоримое психологическое преимущество перед теми, кто никаких секретов «не знает»;

поддерживать работоспособность системы, внутри которой компетентность и авторитет возникают в зависимости от занимаемой должности, а не наоборот;

пользоваться материальными льготами в соответствии с занимаемым служебным положением, что имеет огромное значение в условиях тотального дефицита.

При помощи этих средств советский режим добился разложения значительной части интеллигенции, которая не побоялась скомпрометировать себя участием во власти. Солженицын использовал емкий термин «образованщина» для характеристики этого типа людей, которые сознательно и зачастую в корыстных целях встали на путь поддержки режима. Они согласились и на самое страшное условие: продать свою душу и в обязательном порядке участвовать во всеобщей лжи, не только создавая, но и продавая ложь, не без выгоды для себя. Народ же в гораздо меньшей степени участвовал в идеологической лжи¹²: он или всему верил просто из потребности верить и из наивного энтузиазма, или отворачивался от лжи, или никогда ей не верил.

7. Последствия

С момента установления большевистского режима и особенно в сталинский период наблюдалось неуклонное снижение способности населения к сопротивлению, что достигалось посредством создания «организованного хаоса», представляющего собой одно из высших достижений секретности. Сталинизм сумел при его помощи проводить политику геноцида как в отношении интеллектуальной элиты, так и в отношении лучших представителей крестьянства. Вначале врагами объявляли огромные группы людей, как можно дольше сохраняя атмосферу недосказанности и не называя фамилий тех, кого собирались вскоре арестовать, — безотказный способ вселить страх в души людей и заставить повиноваться целые слои общества. Массовое уничтожение преследовало двоякую цель:

планомерными действиями свести на нет духовно независимую прослойку общества, выступавшую носителем памяти и традиций;

поставить у власти новые руководящие кадры, целиком связанные партии своей карьерой и общественным положением.

Другой пример «организованного хаоса» — частичное уничтожение знания, главным образом в области гуманитар-

¹² См. также: А. Солженицын. Указ. соч. С. 250.

ных наук (история, социология, кибернетика и т. д.), а также естественных наук, не связанных напрямую с военно-промышленным комплексом (таких, как биология).

Экономический аспект «организованного хаоса» проявляется в повседневном добывании или «доставании» продуктов и товаров (при полной неизвестности, будет ли в продаже завтра то, что еще можно купить сегодня), причем уровень материального благосостояния оказывается прямо пропорциональным занимаемой должности и степени повинования начальству. Таким образом, льготы и привилегии в советской системе являются своеобразным регулятором жизни «избранных».

8. Социальные извращения, вызываемые секретностью

Одна из них состоит в том, что в отсутствие настоящего секрета выдается «несекрет». Во времена сталинских чисток человек мог таким способом оказать последнюю услугу партии, признавшись в совершении преступления, которого он на самом деле не совершал (хотел убить товарища Сталина, намеревался с оружием в руках выступить против Советской власти, работал сразу на несколько вражеских разведок и т. п.). Подобные «тайные деяния» выводились наружу в ходе судебного процесса, причем обвиняемый сам во всем признавался и клеймил себя позором, тем самым еще больше возвеличивая систему, которая приговаривала его к смерти. По правилам жестокой, но опьяняющей игры тот, кто соглашался «разоружиться перед партией» и покорно приписать себе любые мерзости, оплачивал этой дорогой ценой последнюю возможность «вернуться в строй».

Наряду с самооговором практиковался и такой же вынужденный оговор других. Здесь мы имеем дело с феноменом доносительства, возведенного в принцип: жизнь и смерть ставились в прямую зависимость от доноса¹³. Как правило, доносчик выдавал чужой «несекрет», однако делалось это не стихийно, а словно по плану, чему свидетельством может

¹³ Комсомольская правда. 1989. 12 сент. С. 2.

служить статья «Донос по инструкции», написанный гидом-переводчиком «Интуриста».

«Мне стыдно смотреть в глаза шведским друзьям, когда они спрашивают меня, обязан ли я писать доносы в спецотдел нашей организации. Но я действительно обязан это делать в соответствии с „Правилами работы гида-переводчика“! При поступлении на работу каждый должен написать в своем заявлении, что он согласен с „особыми требованиями“. О чем же надо писать в отчетах? Обо всем и обо всех. Место рождения туриста. Место его работы. Владеет ли он русским языком. Как относится к СССР. Какие задавал вопросы. Есть ли у него здесь друзья и вступал ли он с ними в контакты. Был ли он на экскурсиях, а если не был, то где находился в это время. Не шпион ли он и не приехал ли в СССР с целью вести „подрывную деятельность“!»¹⁴

Другой формой извращения, вызываемой и культивируемой секретностью, являются слухи¹⁵. Здесь мы сталкиваемся с одним из проявлений человеческого воображения, которое активизируется при остром недостатке информации¹⁶, что может быть использовано для манипулирования толпой как теми, кто находится у власти, так и теми, кто к ней стремится. Примеров тому великое множество.

В Румынии «клан Илиеску» сумел захватить власть, распустив слух о якобы чудовищном количестве жертв после событий в Тимишоаре. Еще удивительнее пример «бархатной революции» в Чехословакии, когда в прессу проникло сообщение о том, что КГБ и тайная полиция собираются устроить провокацию: вызвать массовые волнения с требованием отставки тогдашнего руководства чехословацкой компартии, но не доводить дело до свержения режима. Говорили и о кандидатах на замену, «ввезенных» из-за границы, но в последний момент отказавшихся играть заранее оговоренные роли...

¹⁴ Московские новости. 1990. 4 марта. С. 24.

¹⁵ См. об этом: *M. L. Rouquette. Les rumeurs. Paris: PUF, 1975; J. N. Kapferer. Rumeurs. Paris: Seuil, 1987; Аргументы и факты. № 16. 22 апреля. 1990. С. 6—7.*

¹⁶ Ср. горько-иронический комментарий: *Л. Треер. Ходят слухи... // Московские новости. 1990. 18 марта. С. 15.*

В СССР полный государственный контроль над информацией привел к особенному разрастанию слухов, причем самые невероятные слухи, обычно апокалиптического характера, с огромной быстротой облетали всю страну. Приведем несколько примеров:

о Михаиле Горбачеве: как с царя Михаила началась царская династия Романовых, так другим Михаилом все и закончится; в деревнях говорили, что Горбачев не кто иной, как архангел Михаил — у него и отметина на лбу есть¹⁷;

о Чернобыле: очень многими взрыв ядерного реактора в 1986 г. был воспринят как предвестие конца света. Соответствующие листовки на Украине распространяли баптисты, и в них ядерная вспышка уподоблялась звезде «польнь», которая по-украински, да и по-русски, называется также «Чернобыль». Верующих призывали к покаянию и молитве, цитируя стихи Апокалипсиса (8: 10—11): «Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде „польнь“; и третья часть вод сделалась польнью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки»;

о погромах: такие слухи усиленно распространялись накануне празднования тысячелетия крещения Руси, ходили они и позднее, причем считалось, что их распускает КГБ, чтобы усилить среди части населения страх перед обществом «Память» и попытаться оживить симпатии к КПСС¹⁸.

При распаде коммунистических режимов мы были свидетелями усилий новых властей, стремившихся уничтожить структуры тайной политической полиции, в задачи которой входило зондирование настроений населения и в налаживании системы доносительства.

Слухи, доносы, секреты скрываемые и секреты «выдаваемые» — все эти особые методы манипулирования информа-

---

¹⁷ К. Rousselet. *Secte et Eglise: essai sur la religion non institutionnalisée en Union soviétique*. Thèse, IEP, 1990. Т. 2. Р. 392.

¹⁸ С. Лезов. Погромы к тысячелетию? // Страна и мир (Мюнхен). 1988. № 3. С. 94—101; Г. Анищенко. Кто виноват? // Гласность. 1988. Февраль. Вып. 15 (статья перепечатана в: Русская мысль. 1989. 24 марта).

цией сложились в настоящую технологию, которая, в свою очередь, требовала многочисленных и специально подготовленных профессионалов, что сказывалось на уровне «рентабельности» всего «предприятия».

9. Во что обходится секретность

Высокая стоимость секретности была, разумеется, следствием привлечения (или, наоборот, непроизводительного отвлечения) значительного количества людей и технических средств, причем в то самое время, когда наиболее развитые страны наращивают потенциал именно благодаря информационной революции и необычайному усовершенствованию средств связи. По некоторым оценкам, в конце 80-х гг. в СССР в области охраны «оборонных секретов» было занято 4 миллиона человек, что ежегодно обходилось в 10 миллиардов рублей¹⁹.

Секретность непродуктивна хотя бы потому, что власть становится заложницей собственных ненадежных статистических данных: невозможно составить точное представление о бюджете страны, а тем более о расходах на оборону, ибо цены совершенно не отражают реальной стоимости.

Кроме того, принципиально непродуктивной является система «циркуляции власти», о которой уже шла речь, поскольку преданность партии ставится выше компетентности.

Наконец, секретность губит в зародыше любое стремление к обновлению, причем не только в общественных, но и в точных науках. С конца 80-х гг. на эту тему много писали сами советские ученые, в частности академик Рюальд Сагдеев и академик В. Авдуевский, возглавлявший комиссию по конверсии²⁰. В статье В. Рубанова под примечательным заголовком «От культа секретности к культуре информации», опубликованной в теоретическом органе ЦК КПСС, было показано, что секретность наносит ущерб не столько другим странам,

¹⁹ В. Лопатин. Армия и экономика // Вопросы экономики. 1990. № 10 (цит. по: E. Zaleski. Le fardeau des dépenses militaires en URSS // Problèmes économiques. 18 sept. 1991. P. 28).

²⁰ Поражение милитаризованной экономики // Известия. 1990. 7 февраля.

сколько самому Советскому Союзу, создавая благоприятную почву для процветания традиционной российской бюрократии и консервативного партаппарата²¹, с точки зрения которого знание всегда было синонимом власти. Обращает на себя внимание весьма любопытная деталь: Рубанов, в неудержимом приступе гласности, указывает свою должность — зав. отделом НИИ КГБ, что можно расценить как своеобразный «американизм», поскольку именно так поступают сотрудники ЦРУ, когда подписывают свои печатные работы.

Напомним, кстати, что Пятое управление КГБ, в чьи задачи входила «борьба с идеологическими диверсиями», было преобразовано в «Управление по защите конституционного строя», а ведь такой строй предполагает наличие гражданского общества, тогда как безраздельное господство в течение 70 лет системы принудительного подчинения привело к искоренению всякой альтернативной политической культуры. Отсюда и опасная амплитуда колебаний общественных настроений, от ипохондрической пассивности до безудержного бунта. Как с тревогой отмечали советские социологи, «в то время, когда для нашего общества открывается возможность настоящей жизни, когда исчезает система запретов, мы обнаруживаем ужасную картину: у миллионов людей нет больше никаких сдерживающих механизмов»²².

С этой проблемой связана еще одна, столь же серьезная, ибо ее последствия невозможно предсказать, — проблема пустой или, скорее, «опустошенной» секретности, которая влечет за собой крушение всех надежд и веры в наличие у общества крупномасштабных проектов. Массы людей оказываются, таким образом, в пиковом состоянии, ибо подходят к мучительному осознанию бесполезности принесенных жертв. Жертвами являются все, причем в глубине души каждый, вероятно, чувствует себя одновременно невиновным и виновным: невиновным потому, что обстоятельства были сильнее, виновным же потому, что быть плотью от плоти системы означает и принимать участие в том, что ею творится.

²¹ Коммунист. № 13. 1988. С. 24—36.

²² Социологические исследования. № 1. 1989. С. 51.

II. Как выходить из секретности, или Откуда есть пошла гласность

Гласность вторична по отношению к секретности: она могла появиться на свет лишь во времена упадка тотальной секретности, то есть в эпоху, когда хранить секреты стало делом настолько непродуктивным, что пришлось начать ими делиться, поначалу нехотя, как бы из-под палки, но постепенно втягиваясь в этот процесс и подчас теряя над ним контроль²³.

1. Что означает слово «гласность»

Среда немногих русских слов, вошедших в политический обиход на Западе, слово «гласность» уступало по частоте употребления лишь слову «перестройка». Впрочем, как правило, они шагали рядом, и создавалось впечатление, что их смысл понятен и без перевода. Между тем попытка перевода была-таки предпринята, хотя и неудачная: АПН впервые ввел в оборот «гласность» как «transparence», полностью исказив как исходное, так и современное значение этого слова, что в общем-то укладывалось в тогдашнюю советскую стратегию отношений с Западом.

Слово «гласность» в русском языке происходит от корня *гла- / голо-, а тот, в свою очередь, восходит к индоевропейскому *гла- / гал-, от которого ведет свой род и символ Франции, галльский петух (gallus, gaulois). Гласность, следовательно, есть «то, что провозглашается», что становится публичным (недаром от того же корня и слово «глашатай»). Иначе говоря, власть принимает решение громко и внятно сказать о том, что и так многие знали или предчувствовали, но о чем не принято было говорить вслух или говорилось шепотом из опасения подвергнуться репрессиям.

Таким образом, гласность представляет собой нечто дозволенное властями, нечто пожалованное населению, это «монар-

²³ Один из стандартных приемов, которыми пользовались журналисты и военные, состоял в том, чтобы начинать разговор на еще недавно запретную тему сакраментальной фразой: «Ни для кого не секрет, что...» (ср., например, статью: Аргументы Генерального штаба // Известия. 1990. 22 февраля).

шая воля», прихоть начальства (да и само слово «начальство» достаточно определенно указывает на то, что власть оторвана от масс, а потому и «правительство в России может быть только временным», как говаривал историк-либерал Павел Миллюков).

2. Гласность в русской истории

Гласность появилась задолго до советских времен. Российским императорам случалось даровать ее, дабы подвигнуть граждан к обмену мнениями с властью, в чем иногда нуждалось политическое руководство. Так, и при Николае I в правящей среде попадались приверженцы гласности, считавшие, что путем обсуждения можно исправить отдельные ошибки бюрократической системы и даже покончить с коррупцией, а, например, великий князь Константин Николаевич, курировавший флот, поощрял всякого рода дебаты среди морских офицеров, полагая, что «искусственная гласность» позволит направить брожение умов в правильное русло и может поспособствовать улучшению флотского Устава²⁴.

Похожие ситуации возникали и в эпоху Великой реформы Александра II (тургеневские «Записки охотника» были частью широкой дискуссии, допущенной накануне отмены крепостного права), и в царствование Николая II, когда в 1907 г. дозволялось обсуждать вопрос о сужении полномочий Государственной думы²⁵.

Можно сказать, что и в царской России, и в горбачевском СССР гласностью начинали пользоваться не для того, чтобы со временем ограничить сферу секретности, а как раз наоборот — для ее поддержания, поскольку изменения инициировались самим режимом и контролировались им (не следует забывать, что большевизм — это прежде всего стратегия захвата и удержания власти).

²⁴ Цит. по: N. Gross. *Perestroika and Glasnost in the soviet Armed Forces* // Parameters. Sept. 1988. P. 71.

²⁵ V. Yasman. *Glasnost' versus freedom of information* // Report on the USSR. 1989. July 21. № 29. P. 2—3, note 5.

3. Зачем нужна гласность?

В середине 80-х гг., осознав полную несостоятельность режима, чему наглядным подтверждением послужило избрание К. Черненко Генеральным секретарем ЦК КПСС, советские руководители, в частности высшее руководство армии и КГБ, пришли к выводу о необходимости безотлагательного проведения глубоких реформ для спасения системы. Невозможно было продолжать жить в самоизоляции, когда во всем окружающем мире разворачивалась подлинная информационная революция и альтернативы ей не было. С 1985—86 гг. к этому выводу добавился еще целый ряд соображений: нужно было непременно превратить необходимость в добродетель, перехватить инициативу у набиравшего силу диссидентства, попытаться вновь обрести некоторый капитал доверия, пойти на уступки, которые можно было бы пересмотреть позднее, в лучшие времена.

Были и другие специфические причины, толкнувшие Горбачева на введение гласности. Ему требовалось:

получить поддержку влиятельной социальной прослойки, интеллигенции, а этого можно было добиться, лишь разрешив ей относительно свободно выражать свое мнение и читать произведения ее любимых авторов, большинство которых пало жертвой террора или непонимания со стороны предыдущих руководителей;

развернуть борьбу с непомерно разросшейся секретностью, которая становилась помехой не только в политике, но и в экономике;

избежать полного паралича власти как оборотной стороны монополии на информацию;

перехватить инициативу у Запада, сделавшего ставку на политику всепроникающей информации;

наконец, разработать собственную стратегию коммуникации (что привело к необычайной популярности Горбачева среди общественного мнения во многих западных странах).

4. Гласность: способы применения

Пройдя через целый ряд последовательных этапов, горбачевская гласность трансформировалась из технологии контро-

лируемой коммуникации в почти полностью автономный процесс. Жажда информации у журналистов и спрос на информацию у населения усилились до такой степени, что под их напором грозили рухнуть такие столпы системы, как МИД, КГБ, МВД и армия. Пытаясь отбить атаки, эти организации использовали в своих целях привлекательные стороны гласности, но с переменным успехом. МИД, КГБ и МВД, упреждая наступление, начали сами рассказывать о своей деятельности, представляя ее в выгодном свете и стремясь улучшить свой имидж. Например, МИД потребовал опубликовать секретные протоколы советско-германского пакта 1939 г., а КГБ развернул громкую кампанию, имевшую целью показать, что и его ряды поредели в ходе сталинских чисток (попутно приводились и общие цифры жертв репрессий).

Что касается армии, то она, наоборот, сначала старалась держаться в стороне от политики, отказываясь вступать в дебаты о вероятности военного переворота или о ее роли в процессе принятия решений, например, о вторжении в Афганистан или о применении войск для разгона демонстрации в Тбилиси; отказывалась она и отвечать на вопросы о военных расходах, о конверсии и о социальных проблемах в Вооруженных силах (таких, как дедовщина). В результате изначально немалый капитал доверия армии был практически растерян в глазах общественного мнения. В дальнейшем отмечалось очевидное желание улучшить репутацию и отвоевать потерянное: летом 1989 г. был наконец опубликован уточненный официальный военный бюджет (хотя он и продолжал вызывать сомнения у многих западных и советских обозревателей), затем в печати появилась подробная схема организации различных родов войск (правда, сами «Известия» сопроводили свою публикацию довольно критической статьей²⁶), а Генштаб устами военного генпрокурора генерала А. Катушева довел до всеобщего сведения, что в сухопутных войсках, в ВМФ и во внутренних войсках преступность за год возросла на 14,5% (что, по правде говоря, относительно немного по сравнению с ростом более чем на 40% преступности

---

²⁶ Известия. 1990. 21 февраля.

среди остальной части населения СССР за тот же период времени)²⁷.

Гласность имела четко обозначенные ограничения, ибо в данном случае речь шла о чем угодно, только не о свободе слова в западном смысле слова. Множилось количество печатных органов, некоторые пользовались относительно большей свободой, как, например, в прибалтийских республиках, однако каждая публикация продолжала по-прежнему проходить предварительную цензуру (в ЦК партии, в армии или в КГБ, в зависимости от темы). Впрочем, степень свободы выражения была неодинаковой в различных регионах страны из-за того, что имела значение не только тема статьи, но и степень строгости цензора, который не всегда обязан был соблюдать устаревающие на глазах инструкции. Между тем Главлит как ни в чем не бывало продолжал составлять списки запрещенных тем и «давать установки» журналистам²⁸. И все же решающими неуклонно становились экономические соображения. Как отмечал Егор Яковлев, «мы провозгласили гласность, но большинство средств массовой информации по-прежнему являются рупором Партии-Государства. Например, „Московские новости“ выходят тиражом всего 500 тыс. экземпляров, хотя спрос на них оценивается в 15 млн. экземпляров»²⁹.

Что касается обработки и распространения информации, существенные сдвиги произошли после смягчения правил ввоза компьютеров в СССР. Уже 6 марта 1990 г. в Москве открылся первый магазин фирмы «Компьютерлэнд»³⁰, а буквально на следующий день — большая выставка-продажа компьютерной техники³¹.

²⁷ Radio-Moscou 1, 11. 02. 1990 (цит. по: Report on the USSR. 23. 02. 1990. № 8. P. 40).

²⁸ Закон о печати от 12 июня 1990 г. существенно ограничивал роль Главлита, но не упразднял его.

²⁹ Libération. 24 et 25 février 1990. P. 27.

³⁰ Этот магазин открыл бывший советский эмигрант Цейтлин (International Herald Tribune. 01. 03. 1990).

³¹ Ibid.

Если отвлечься, с одной стороны, от заигрываний власти с обществом и, с другой стороны, от упорно сохранявшихся ограничений, то становится очевидно, что главная опасность состояла в самой философии гласности, когда при помощи последней полуправду старались выдать за правду. Здесь и следует искать принципиальное отличие СССР от любого правового государства, ибо советские законы действовали лишь в той мере, в какой были подкреплены различными подзаконными актами и инструкциями, а те, разумеется, ограничивали свободу в гораздо большей степени, нежели законы, поскольку были дополнительно отягощены двойным произволом: со стороны министерств и ведомств, которые их разрабатывали, и со стороны местных властей, которые истолковывали их в еще более запретительном духе.

В истории гласности после 1985 г. можно выделить два периода: на первом этапе Горбачев и его команда подарили обществу минимум свободы слова для осуществления перестройки, однако по мере роста несоответствия между колоссальным спросом населения на информацию и полной неспособностью власти откликнуться на него хотя бы улучшением условий жизни, пришлось переходить к следующему этапу. После официальной отмены положения о руководящей роли КПСС (знаменитой статьи 6 брежневской Конституции) было предоставлено слово для изложения альтернативных программ. В этом смысле март 1990 г. может считаться исторической датой: на первой полосе газеты «Правда» была опубликована платформа либеральной оппозиции, содержащая не только изложение собственных идей, но и систематическую критику главнейших параметров коммунистической системы.

В заключение отметим, что эволюция, которую претерпел СССР, впервые привела к тому, что две противостоявшие друг другу общественные системы устремили взоры в одном направлении. Народы СССР получили возможность пользоваться плодами крупнейших перемен: от разделенной перегородками, иерархически выстроенной, исключительно функциональной информации открылся путь к информации многогранной, не

привязанной к определенному месту, подчиняющейся лишь законам свободной конкуренции. И все это происходило по мере того, как горбачевский режим удалялся от изначальной нетерпимости и от однонаправленной, «недифференцированной» формы власти, которая была характерна для всех идеологических диктатур XX века и которая всякий раз оборачивалась трагедией народа.

Париж, 1990

КОНФРОНТАЦИЯ, ОБМЕН И ДАРЕНИЕ В ДИПЛОМАТИИ ГОРБАЧЕВА

Горбачев определенно имел намерение сделать все для того, чтобы СССР вступил в XXI век, оставаясь великой державой. Если бы спад продолжался, то Советский Союз ожидала участь страны «третьего мира». Горбачеву это было хорошо известно, да он этого и не скрывал. Самого его никак не упрекнешь в национализме, но, сохраняя трезвый взгляд на вещи, он, безусловно, выступал патриотом своей страны. Обладая развитым воображением и незаурядной смелостью, он при этом не лишен ни практицизма, ни предприимчивости. Коли уж речь шла о спасении советской системы, он не останавливался и перед тем, что иному показалось бы опасной ересью. Недаром же на него ополчились сверхосторожные партаппаратчики вкупе с военной верхушкой и чинами из КГБ: эти «столпы режима» прекрасно понимали, что реформы нужны, но им хотелось бы проводить их в привычном неспешном темпе, а также, разумеется, под своим неослабным чутким руководством. Вот в такой-то непростой обстановке, когда приходилось вести позиционную борьбу на нескольких фронтах, Горбачев пошел на решительные изменения в тактике ведения «военной игры» под названием «Восток — Запад».

Автор нового кремлевского стиля говорил «да» там, где раньше полагалось говорить «нет», а на место секретности ввел гласность. Ему больше по душе открытость, чем закрытость; ему больше нравится действовать, «перестраивать», чем стоять на месте; отбросив деревянную суровость своих предшественников, он охотно — и даже с улыбкой — обнаруживает свою непосредственность. При нем СССР стал поворачивать от абсолютного господства одной идеологии к

просвещенному реализму. Как выразился Александр Яковлев, не без иронии по отношению к деятелям прошлого, «неужели нам, и только нам, открылась истина в последней инстанции?»¹ Ледяной холод, которым вновь повеяло в 1983—84 гг. в отношениях между Востоком и Западом, сменился потеплением, но как к нему должны были отнестись на Западе? Имелись ли основания считать, что на сей раз это и впрямь «всерьез и надолго»? Не странно ли, что тепло «пришло с холода», из той самой «империи Зла», которая столько лет не давала спать спокойно всему Западу и особенно США?..

Если даже такой человек, как Рональд Рейган, который и ввел в оборот вышеприведенную формулу, подписал в конце концов известные соглашения по сокращению вооружений, то очевидно, что делал он это по причине резкого изменения советской позиции, последовавшего за полным пересмотром ряда незыблемых категорий. Не это ли сам Михаил Горбачев называл «новым мышлением», имея в виду, вероятно, новый подход к отношениям с Западом как соответствие во внешней политике тому, что во внутренней обозначалось словом «перестройка»? Но действительно ли речь шла о «революции», как говорили в самом Советском Союзе? Попробуем добраться до сути дела, используя «окольный» антропологический подход, что вполне оправдано ввиду крайней необычности поведения советских руководителей в сравнении с прежними канонами.

Уже при первом приближении видно, что необычность эта двоякая. Во-первых, по логике вещей Горбачев должен был бы представлять собой обычный «продукт советской системы»: ведь она полностью сформировала его, он верой и правдой служил ей, да и в идеологическом багаже неосталинизма, который ему выпало нести, при всем желании нельзя было найти иного взгляда на международные отношения, кроме вышеупомянутой дихотомии. Во-вторых, весьма необычно то, что Горбачев, желая возродить систему, упорно выламывал из нее целые куски.

Главное же состоит в том, что от категорического нежелания идти на уступки, являвшегося незыблемым принципом

¹ Actualités soviétiques. 11. 01. 1989. № 832. P. 1.

внешней политики сталинского образца, Горбачев перешел к практике д а р е н и я. Бывшего классового врага он превратил в своего партнера и этим своим жестом, совершенно невысказанным в период противостояния, завоевал всеобщую симпатию. Оказалось достаточно предстать приверженцем общечеловеческих ценностей, чтобы создать новую, оригинальную ситуацию и произвести сильное впечатление на западное общество. Сработал эффект соблазна, и его действие лишь усиливалось, потому что советский лидер очень умело выбрал место, время, слова и символику. Всем известна сила воздействия любого обряда или ритуала, но не всем доступно умение ее использовать.

Конфронтация, обмен и дарение

Как правило, логике конфронтации противопоставляется логика обмена, целью которого является установление диалога. Обмен считается удачным, когда ставки обоих партнеров равноценны, символизируя равенство сторон. Диалог в этом случае носит активный, хотя и сугубо «деловой» характер. В ситуации дарения все обстоит иначе: отношения сторон отличаются богатством нюансов, что делает их во всех смыслах непростыми. Рассмотрим по одному примеру для каждого случая.

В 1983 г. советская делегация, хлопнув дверью, покинула Женевскую конференцию по разоружению. Диалог оказался прерван, торговаться стало невозможно. Горбачев же, сразу после своего прихода к власти в 1985 г., проявил явное желание возобновить диалог, поначалу на основе обмена, по традиционному принципу «ты — мне, я — тебе». Три года спустя, 7 декабря 1988 г., он выступил в ООН с совершенно новой по духу речью, и, хотя ей предшествовал целый ряд «мелких шагов», все же она застигла врасплох многих западных экспертов, обычно весьма сдержанных в своей оценке способности СССР к открытости и к согласованию слова и дела. Для самого же советского руководства последствия этой речи превзошли все ожидания: на Западе заговорили об окончании «холодной войны», а следовательно, о конце дипломатии активной конфронтации, которую можно условно назвать «психологией туннеля» или «психологией Ветхого Завета».

Сталинистский образ мышления и международные отношения

Общеизвестно, что Сталин для укрепления своей власти сознательно и последовательно уничтожил то поколение революционеров-«космополитов», которое вместе с Лениным создавало советский строй. Интеллектуалы-марксисты, хорошо знавшие Западную Европу по эмиграции, много работавшие, размышлявшие, были убраны им с исторической сцены между 1927 г., когда из партии исключили «левых уклонистов», и 1939 г. — временем окончания больших «открытых» процессов над членами партии.

Уничтожая старые кадры, Сталин выдвигал на их место тех молодых, которые соответствовали его целям. Они, эти молодые, были обязаны партии всем: своей карьерой, пониманием задач, а также весьма ограниченным кругозором. Этот кругозор был типичен для русской деревни, или, скорее, захолустья, изолированного, живущего своей замкнутой жизнью, думающего о том, как просуществовать, но не забывающего о традициях. Унаследовав право на абсолютную истину (ленинское учение, переработанное его «верным последователем» Сталиным), эта молодежь должна была не обсуждать, а воплощать данную истину на деле. Открытой культуре, создающей определенные правила, они предпочитали культуру закрытую, следующую высказанным установкам. На смену идее «перманентной революции» Троцкого пришла концепция «социализма в одной отдельно взятой стране». Кроме того, когда Сталин занялся увеличением своей империи в конце Второй мировой войны, он включил в нее окраины бывшей царской империи и даже постарался создать «буферные» государства для защиты оплота социализма.

Здесь он использовал энергию молодых активных партийцев, вооруженных незыблемыми убеждениями и беспредельной преданностью. Для нового поколения, которое выпестовал Сталин и которое было обязано ему своим головокружительным восхождением, вопрос соотношения сил «кто кого» был вопросом жизни и смерти. Кто кого победит — окружение Сталина или его противники? Недоверие как к внутренним, так и внешним врагам было безоговорочным правилом.

Оно нашло отражение в воинственных лозунгах того времени, смысл которых сводился к тому, чтобы постоянно быть начеку, всегда быть бдительным и ничего не скрывать от партии, ставить в пример юных активистов, таких как Павлик Морозов, не побоявшийся разоблачить вражескую сущность собственных родителей. В связи с этим можно привести слова Александра Яковлева: «Социализм как мировое явление только сейчас начинает прощаться со своей молодостью. Нас сформировала трудная и жестокая школа. Сегодня, однако, мы обладаем достаточным опытом для того, чтобы понять ошибки, свойственные молодости... ее влечение к упрощенным решениям и идеям»².

Именно в этой школе формировались советские деятели, задачей которых было противостояние зарубежному миру, — такие люди, как А. Громыко и все его поколение, следовавшее заветам В. Молотова. Их поведение было обусловлено временем «беспощадной борьбы» между противоположными системами — капитализмом и социализмом, между лагерями капиталистов и коммунистов. Для последних война представлялась неизбежной и справедливой, так как она навязывалась классовым врагом, по природе своей ненасытным и агрессивным. Их кредо составляла фраза Маркса из «Манифеста Коммунистической партии», необходимая и вполне достаточная, чтобы поддерживать в себе ненависть к врагу: «Буржуазия в поисках все новых рынков сбыта наводняет весь мир. Ей необходимо пустить корни повсюду, извлекать выгоду везде, везде завязывать отношения».

Отталкиваясь от этой идеи, Ленин написал книгу «Империализм как высшая стадия капитализма» (1916), а позже обосновал стратегию советской системы в области международных отношений. Отсюда — политика временных уступок, чтобы дать передышку молодому советскому государству — НЭП во внутренней и внешней политике.

В будущем же нужно было выбить почву из-под ног этого всепоглощающего капитализма. Поэтому взаимоотношения с западным миром строились, исходя из принципа борьбы между двумя блоками. Более 40 послевоенных лет поведение со-

---

² Ibid. P. 2.

ветских руководителей, заносчиво не считавшихся с зарубежным миром, было незыблемым. Единственно верным считался подход «никогда не играть по тем же правилам, что и соперник», никогда ему не верить. Ориентиры были ясны, они сводились к простому соотношению сил, к «психологии туннеля», а именно:

всякая односторонняя уступка невозможна, так как она была бы признанием собственной слабости;

следует уметь «настойчиво торговаться» и всегда искать выгоду;

если невозможно избежать уступки, то цена за нее должна быть наивысшей;

в случае необходимости чуть-чуть приоткрыть створки, сделать это следует не бесплатно, даже если это нужно, чтобы умаслить противника;

следует использовать преимущества в тех переговорах, которые проходят в настоящий момент, не думая о будущем, когда позиции сил могут измениться;

если противник со своей стороны идет на уступки, то следует положить эту выгоду в карман и считать дело выигранным;

никогда нельзя чувствовать себя обязанным по отношению к классовому врагу;

никогда не признаваться в собственных ошибках;

хранить в строжайшей тайне все, что относится к области внешней политики;

тщательно дозировать и процеживать информацию соответственно уровню и положению ее потребителя;

беспрекословно соблюдать внутреннюю иерархию, требовать, чтобы за граница находила нужный тон в зависимости от положения каждого «представителя»;

успех, а следовательно, и безопасность страны зависят от соблюдения всех упомянутых правил.

Такая идеология конфронтации в своем крайнем выражении приводит к полной невозможности диалога. «Разрядка» — как палец на спусковом крючке, не дрогнувший, чтобы уничтожить южнокорейский «боинг», сбившийся с пути. Самолет из лагеря противника пересек священный рубеж, воплощающий границу между двумя мирами, — значит, его нуж-

но уничтожить. То же самое происходило тогда с гражданами ГДР, пытавшимися перебраться через Берлинскую стену, или румынами, обманутыми первой, ненастоящей границей, — их можно было и следовало уничтожить без предупреждения. Выражение «нейтральная зона» надо было понимать буквально.

В целом эта дипломатия силы признавала только власть и тех, кто ее воплощал. Парадоксально, что в эти рамки включался и противник. Его сила, ловкость, энергия требовали к нему уважения, и наоборот, малейшая слабость с его стороны вызывала лишь презрение и открывала возможность заработать на этом капитал. Что касается собственной власти, ее понимание для сталинского и неосталинского дипломата коренилось во взгляде на мир, который исключает сомнения в правильности поставленной цели. Отсюда та поза достоинства, превосходства, которая чаще всего превращалась в окостенелость. В таких условиях светский представитель был связан данными ему директивами. Он не имел свободы действий, был лишен всякой инициативы, производил впечатление марионетки. Так вели себя дипломаты в обычной ситуации общения, военные в вопросах безопасности страны, политические деятели самого высокого ранга, когда речь шла об общей стратегии.

Итак, перед нами картина дипломатии типа «нет», которую, по-видимому, Горбачев отверг целиком и без церемоний, указав на ее ошибки, тщеславие и тот тупик, в который она уперлась в конечном итоге. Ясно, что он хотел заменить систему торга, основанную на позиции силы во внешнеполитических вопросах, совсем иными отношениями. Такой крутой поворот в выборе методов, безусловно, сыграл роль в завоевании симпатий Запада, прежде всего в сфере общественного мнения. Эта дипломатия «да» заслуживает того, чтобы на ней остановиться подробнее и по возможности разобраться в ее механизме. Подхватывая уже употребленную здесь метафору, можно назвать ее «психологией Нового Завета».

Дипломатия Горбачева

Как действовал Горбачев во внешней политике? В каких условиях и почему? Вернемся к уже однажды названной дате:

7 декабря 1988 г. В этот день, выступая с трибуны ООН, советский руководитель не стал, как обычно принято в таких случаях, вносить предложений, а сообщил об уже принятом решении, и оно произвело эффект разорвавшейся бомбы. Речь идет об известном заявлении о сокращении вооруженных сил в Европе, причем о сокращении одностороннем. Москва обязалась вывести из Восточной Европы 500 тыс. солдат, 10 тыс. танков, 8,5 тыс. артиллерийских установок и 800 военных самолетов, не говоря уже о мерах, которые планировалось принять в восточной части СССР. Таким образом, Горбачев решил не на словах, а на деле доказать стремление к сокращению наступательных сил своей страны.

Почему был сделан такой беспрецедентный со времен Хрущева жест, каковы его последствия для Запада и для СССР? Шла ли речь о новой форме одурманивания, о пересмотренной и подправленной «психологической войне»? Не следовало ли бояться, что западное общественное мнение склонится ко всеобщему пацифизму, который мог бы привести к необдуманному сокращению военного бюджета? Конечно, мы больше не поддерживаем лозунг Германии 70-х гг. «Лучше быть красным, чем мертвым». Однако некоторые увидели в новой ситуации еще большую опасность. В 1990 г. Горбачев стал «человеком года». При опросах общественного мнения его популярность едва ли не превзошла популярность американского президента. Можно ли объяснить эту неслыханную ситуацию наивностью опрашиваемых, их непостоянством, их незнанием международных отношений? Такое объяснение кажется мне несколько упрощенным.

Чтобы попытаться как можно точнее понять политику Горбачева и причины его «прямого попадания», следует пристальнее присмотреться к тому, что составляет скрытый механизм этой политики, увидеть, что именно делает ее эффективной и действенной. Мне кажется, что речь 7 декабря в ООН представляет собой как бы линию водораздела между обменом и «даром»³. Этот маленький сдвиг, сдержанный намек,

---

³ Классический пример анализа этих категорий см. в: *M. Mauss. Essai sur le don: Forme et raison de l'échange dans les sociétés archaïques* (1923) // *Sociologie et anthropologie*. Paris: PUF, 1985. P. 145—284.

кажущийся столь незначительным, может послужить ключом к пониманию четко обозначившейся эволюции общественного мнения стран Западной Европы.

Для того чтобы разрушить негативное представление об СССР (а эта задача была тогда весьма трудной, если учесть чувствительность Европы к «советской угрозе»), Горбачев сделал шаг, невероятный для прежнего советского руководства и той сталинской дипломатии, о которой я упоминал. Не торгуясь, он предложил Западу политику добровольного сокращения вооружений и сам первый подал пример.

Примитивному принципу мелочного торговца «ты — мне, я — тебе» Горбачев предпочел более тонкий подход.

Вообще в человеческих отношениях действия, имеющие целью передачу материальных или духовных ценностей, можно свести к трем категориям, а именно: обмен, милостыня или дарение. Разница состоит в том, что каждое из этих действий создает особые отношения между тем, кто дает, и тем, кто принимает. Как уже говорилось, обмен предполагает взаимоотношения, основанные на равенстве партнеров. Когда подают милостыню, наоборот, образуется пропасть между дающим и принимающим. Получающий милостыню, уже потому что он ее просит, оказывается в зависимом положении, а это обидно.

При свободном дарении отношения совершенно иные, благодаря добровольности жеста и его смыслу. В щедрости — сила дарующего. Действие приобретает еще большую ценность, так как дающий ничего не ждет взамен. Он желает, чтобы его поступок воспринимался как сугубо бескорыстный, потому что если дар выставить напоказ, то все сведется к простому обмену и торгу.

Итак, внешне все выглядит так, словно даритель ничего взамен не требует. Однако этикет человеческих отношений подразумевает благодарность (своего рода «долговую расписку») со стороны того, кто получает, причем «сумма долга» становится только выше оттого, что о самом «долге» и речи не идет, о нем даже не упоминается. Все «само собой разумеется» — в противном случае исчезает очарование ситуации.

Если бы это неписаное правило не уважалось, то диалог был бы прерван или, по меньшей мере, сильно затруднен. Напомнить о «долге» оказывается возможным только при условии, что это будет сделано с юмором, в шутовском тоне. Любая серьезность непоправимо разрушит уникальный контекст («само собой...»), а высочайшее качество диалога/обмена мгновенно упадет. Безусловно, дар обязывает, но парадокс в том, что о самом «обязательстве» невозможно даже заикнуться, не уничтожив весь эффект от подарка, не превратив подарок в оскорбление.

Сложность нашей манеры поведения и нашей морали заключается именно в том, чтобы соблюдать этот общепризнанный кодекс. То же самое происходит, когда все вышесказанное мы переносим из личного опыта в сферу коллективных, общественных и международных отношений, только бескорыстный дар или обида принимают здесь совсем другие масштабы, потому что речь идет о серьезной игре. И танец мира, и танец войны имеют свои последствия. Недаром А. Громыко всегда называли на Западе человеком «с печальным лицом», а Горбачев и улыбается, и сердится, и смеется. Он создает совершенно новую ситуацию: на смену каменной статуе (в образе политкомиссара или дипломата сталинской эпохи) приходит живой человек. Кажется, он заботится о чисто человеческом, думает о будущем и делает в этом будущем ставку «на то, что сближает, а не на то, что разъединяет».

Когда Горбачев приносит бескорыстный дар, то делает это, как принято в цивилизованном обществе, скромно, не расхваливая своего подарка. В своей речи в ООН он произнес только 256 слов по поводу вывода советских войск из Центральной Европы. Чтобы придать больший вес своим предложениям, он позволил себе роскошь выбрать два важнейших параметра: места и времени. Местом Горбачев избрал зал заседаний ООН, символический храм мира между народами, время выбрал накануне того дня, когда страны НАТО должны были внести свои собственные предложения. Широта жеста, его красота должны были еще более поднять авторитет советского лидера и укрепить чувство доверия к нему и его стране.

Несмотря на свою очевидную непосредственность, дар, как мы видели, не так уж прост, и тот, кто его делает, сознает это в полной мере. Приятные чувства как результат дарения имеют парадоксальные последствия, а именно: порождают новые отношения между дарящим и одариваемым. Из этого следует, что в наиболее выгодном положении оказывается не тот, кого можно было бы предполагать. Даритель, первым предпринимая шаги, ставит своего нового компаньона в зависимое положение. Он его обязывает, вынуждает действовать. Тот, кто получает дар, становится отныне должником, но не может оставаться в долгу. Обмен выходит, таким образом, за пределы взаимной дополнительности, превращаясь в соревнование по принципу «кто больше отдаст... даром» (в последнее время все чаще используют в таких случаях термин «поплач»). Конечно, адресат волен отвергнуть дар, которым даритель его опутывает, как сетями. Он может не согласиться с правилами игры или уклониться от нее. В таком случае, если он не хочет вступить в игру, отношения между двумя партнерами возвращаются в исходную точку или ухудшаются еще более, так как отказ принять дар — это невиданное оскорбление. Не такова ли была ситуация, в которой очутились вдруг страны НАТО по отношению к предложению Горбачева? Ведь некоторые видели в нем коварный жест, гибельный дар? Отсюда — долгие разногласия, нерешительность, подозрительность западных властей, в то время как общественное мнение все больше воодушевлялось и приходило в восторг от подарка, тем более прекрасного, что никто не чаял его получить. Эта ситуация в зеркальном отражении повторилась в лагере самого Горбачева, где высшее военное руководство армии, да и многие советские люди отнеслись к нему, мягко говоря, с подозрением.

Внутренние колебания и дополнительный залог

В момент прихода к власти Горбачева армия и КГБ поддерживали его, понимая, что в более решительной десталинизации советской системы есть своя польза. Эта польза была чисто

«функциональной», речь шла о том, чтобы деблокировать систему, придать ей новый динамизм, укрепить всем известный социализм, который якобы уходил корнями в традиции страны.

Довольно скоро верхушка армии перестала одобрять основные направления горбачевской линии, в особенности ту политику односторонних уступок Западу, которую она сочла дестабилизирующей и опасной. Безусловно, высшие военные чины видели только одну сторону дарения и цену, которую за него надо платить, не понимая выгоды в будущем — политической и даже военной, — если Запад под давлением общественного мнения вынужден будет тоже пойти на разоружение. Похоже, что все это их не касалось и не убеждало. Подтверждение тому — уход в отставку начальника Генштаба маршала Ахромеева, а затем и Главнокомандующего Вооруженными Силами стран Варшавского Договора маршала Куликова. В то же время поражал режущий слух диссонанс между «новым стилем» Горбачева и речами советского министра обороны маршала Язова, тон которых делался все более суррым. Непонимание между Горбачевым и военными, действительно, углублялось с каждым днем. Положение высшего военного руководства сильно пошатнулось. Достаточно вспомнить публикацию статьи Язова в «Правде» 9 февраля 1991 г.: ее «задвинули» аж на четвертую страницу! Впервые за долгое время с министром обороны обращались как с «простым генералом», а в Политбюро он имел право только на «откидное место». Ослабление его влияния привело к тому, что военная иерархия оказалась не в силах сдерживать реформы, ритм, размах и цели которых она не одобряла.

Сторонники «порядка» весьма опасались роста национальных движений и вообще всего, что ставило под сомнение существующую модель общества. Им было непонятно, как можно допустить «подрыв устоев» в форме официального признания совершенных ошибок, им претил «социалистический» плюрализм мнений, они не могли смириться с отказом от использования силы, пока она еще была. В этом консервативное крыло режима полностью поддерживалось советскими «правыми», которые легко шли на союз с ультраправыми.

Кстати, ультраправые в СССР уже не боялись выступать открыто. Они, не стесняясь, выдвигали лозунги борьбы с «безродным космополитизмом», «за возвращение к истокам», «против опорочивания Сталина». Горбачев же, напротив, разоблачал Сталина, пытаясь пробудить общественное сознание. Его как будто подхлестывала критика со стороны его гражданской и военной «стражи», и он был не прочь добавить «подарков». Каскад горбачевских даров очень напоминает то, что антропологи определяют как «дополнительный залог», позволяющий наверняка «завоевать» партнера. Стремясь обезоружить западных скептиков, он вывел советские войска из Афганистана даже ранее намеченного срока. От своих кубинских союзников он требовал покинуть Анголу, от своих вьетнамских друзей — вывести войска из Камбоджи. Устами своего министра иностранных дел Горбачев призывал опубликовать советский оборонный бюджет, чего, впрочем, он долго не мог добиться. Ко всему этому можно добавить и объединение Германии, и вопрос о присоединении к НАТО стран Центральной Европы, и многое другое.

Перспективы

Советский лидер любил повторять, что он хочет для СССР «больше социализма, а не меньше социализма».

Конечно, образ этого социализма по-горбачевски, его функционирование существенно отличались от того, к чему мы привыкли. Понятно, что демократизация внутри СССР не могла не отразиться на его манере поведения на международной арене. И все-таки решения, принятые по проблеме вывода войск из Европы, и целая серия «дополнительных залогов» представляются совершенно поразительными, особенно если учесть, что еще довольно долго оставалась в силе одна из важнейших составляющих «традиционной» идеологии.

Характерно, что, пойдя на серьезные изменения советской Конституции в области политики и экономики, Горбачев решил не трогать статью 28, в которой недвусмысленно говори-

лось: «Внешняя политика СССР направлена на [...] укрепление позиций мирового социализма, на поддержку народов в их борьбе за национальную независимость и социальный прогресс». Может быть, он «забыл» ее исправить? Едва ли. Ведь спустя всего месяц после памятной речи в ООН, 6 января 1989 г., в Кремле, на встрече с представителями научной и технической интеллигенции советский лидер поспешил обозначить пределы эволюции: советская идеология адаптируется к новым условиям, но не отказывается от некоторых основополагающих принципов.

Горбачев порой не очень приятно чувствовал себя под прицелом критики со стороны тех, кто обвинял его в разбазаривании завоеваний советского и мирового социализма. Его положение Генерального секретаря самой крупной компартии в мире оказалось очень уязвимым. Большой почитатель Ленина, Горбачев, вероятно, не раз размышлял над заглавием одной из работ своего учителя — «Шаг вперед, два шага назад».

Бескорыстие Горбачева принесло ему громадную популярность на Западе. В дальнейшем, по разным причинам, он уже не мог продолжать действовать в том же духе. Военные же, на мой взгляд, так и не поняли, что, не требуя ничего взамен, Горбачев имел все шансы получить немалые дивиденды. Именно такой политике он обязан завоеванным авторитетом и полным доверием Запада.

В 1990/91 гг. все вдруг вернулось на пять лет назад — к политике «обмена». Это, в частности, продемонстрировала поездка Горбачева в Японию и его отношение к возврату Курильских островов. На мой взгляд, он тем самым потерял один из элементов своего авторитета — имидж бескорыстного дарителя. И Советский Союз тоже, по-моему, очень много потерял.

Но как бы то ни было, Горбачев, стараясь не делать ставку на архаичные пласты нашего мышления, начал процесс, имеющий чрезвычайную важность для будущих отношений между Востоком и Западом, для будущего всей планеты. Подчеркнуто отказываясь от применения силы, он тем самым продемонстрировал, что в принципе возможно уменьшить значение военной мощи в неизбежном противостоянии госу-

дарств — великих и малых — на международной арене. Он нашел в себе смелость достаточно долго следовать по этому пути, несмотря на недовольство военных и даже значительной части общественного мнения в своей стране.

1991

СТРАХ В ЗЕРКАЛЕ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЧАСТУШКИ

На всяку беду страха не напасешься.

Хочу сразу же подчеркнуть, что в наших исследованиях по истории России и советской системы существует исключительно важный источник, который, на мой взгляд, позволяет глубже понять представления и поведение русского народа. К сожалению, этот источник не мог быть использован — хотя бы потому, что он был практически неизвестен, особенно на Западе. Речь идет о частушках, точнее, о политических частушках, в которых необычайно живо отразились самые разнообразные чувства и переживания людей, и в частности страх.

Частушки как жанр изучались достаточно давно, по крайней мере с семидесятых годов прошлого века, когда Глеб Успенский написал о них свою знаменитую статью, где и ввел в обиход сам термин «частушка». Чаще всего частушкой называется короткая, обычно четырехстрочная (реже двустрочная), рифмованная припевка, которая исполняется в быстром темпе. Она характеризуется живым разговорным языком и в основном касается человеческих переживаний, преимущественно «любовного, но нередко злободневно-политического характера» (Российский энциклопедический словарь. М., 2000). Действительно, частушкам присуща публицистичность, обычно в сочетании с черным юмором или по крайней мере с иронической или сатирической окраской (Краткая литературная энциклопедия. Т. VIII, М., 1975. С. 444—445). В отличие от народной песни, в которой чаще всего находит выражение некий общественный идеал, частушка позволяет выразить

мнение отдельного человека, которое хотят сообщить окружающим людям. Политическая частушка обычно рождается в периоды резких и глубоких изменений в обществе, когда возникает потребность осознать, что творится вокруг, и передать другим свои умозаключения.

Как отмечал еще в начале века один из первых исследователей этого жанра, главное преимущество частушки заключается в том, что она несет в себе очень личное представление о мире и о его развитии:

Каждый старается сказать свое слово, выразить свое чувство, свой взгляд на вещи, свою мысль. (*А. Штакельберг. Новое время — новые песни в России // Россия. 1901. 12 нояб. № 916*¹.)

Ценность частушки в том, что она показывает нам русскую и советскую действительность изнутри; как правило в ней слышен голос самого народа, а не только интеллигенции, которая говорит от имени народа. В частушке обо всем говорится прямо, сильно и часто остроумно. И так, сжато и емко нам представлено мнение одного человека, которое одновременно отражает представления целых слоев населения. Это не просто констатация, а, скорее всего, что-то похожее на эвфемизм или литоту, когда нарочно говорят меньше, чтобы сказать больше. Цель всегда понятна:

Зло в частушках обличают
Все вокруг на около... (590/60)

Знаменитый этнограф Д. К. Зеленин одним из первых взялся за изучение политических частушек, но сделал это весьма осторожно, опубликовав свою статью в 1925 в Германии².

¹ Цит. по: Д. К. Зеленин. Современная русская частушка. Доклад, прочитанный 18 марта 1922 г. в Литературной секции Харьковского ученого общества // *Заветные частушки из собрания А. Д. Волкова. Т. 2. Политические частушки / Изд. подгот. А. В. Калугина. М., Ладомир, 1999. С. 462.* В дальнейшем частушки цитируются по этому изданию, с указанием порядкового номера и страницы.

² *Zeitschrift für slavische Philologie. Bd 1, № 3—4. S. 343—370).*

По этой причине его статью мало кто заметил в Советском Союзе, пока она не была переведена и издана в России совсем недавно, в 1999 г. Со своей стороны, фольклорист Юрий Соколов в 1931 упомянул о существовании политических частушек, но слишком уж описательно:

Содержание частушек весьма разнообразно... Особенно возросло количество частушек на политические темы в эпоху гражданской войны. Частушка явилась ярким историческим документом эпохи (Малая советская энциклопедия. Т. 9. С. 738, стб. б).

Десять лет спустя в своей книге «Русский фольклор», которая вышла накануне Великой Отечественной войны, Соколов даже не посмел заикнуться о частушках эпохи гражданской войны — такой страх царил повсюду в стране.

Он сосредоточился целиком на политически корректных частушках, не брезгуя и теми, что без усталости кропали официальные рифмоплеты, воспевая «успехи» коллективизации. Перед нами совершенно верноподданнические частушки, в которых Сталин предстает как самый верный ученик и продолжатель дела Ленина:

По завету Ленина,
По завету Сталина
Мы построили колхоз —
Верный путь крестьянина³.

Без тени иронии — да и о какой иронии могла быть речь в те годы! — Соколов приводит тексты, которые были созданы, чтобы поведать нам о почти религиозном, магическом поклонении «живым мощам» основателя советской системы:

Куплю Ленина портрет,
Золотую рамочку.
Вывел он меня на свет,
Темную крестьяночку⁴.

³ Ю. М. Соколов. Русский фольклор. М., 1941. С. 486.

⁴ Там же. С. 485.

Есть и еще более слащавые:

Я с окошка на окошко
Цветик переставила,
Чтоб светло было портретам
Ленина и Сталина⁵.

И лишь совсем недавно увидела свет частушка, которая показывает другую сторону медали. Разумеется, бесполезно было бы искать ее в книге Соколова 1941 г. Опубликовать такие тексты помешал бы всеобщий страх, который начал проходить только после 1991 года:

От портрета Ильича
Нет спасения!
Намозолили глаза
До омерзения (160/146).

Обратной стороной медали было иногда и горькое разочарование у тех, кто поначалу искренне следовал за Лениным и даже воспевал его:

Мы про Ленина слагали
Стихи, песни, гимны!
А потом уж спохватились,
Что зря брали Зимний (106/24).

После выхода в издательстве «Ладомир» двухтомника «Заветных частушек» А. Д. Волкова в 1999 г. можно совершенно точно сказать, что в Советском Союзе существовал подспудный протест, в котором как бы кристаллизовались главные противоречия советского общества того времени и который выражался в целой гамме чувств и переживаний. Это какая-то взрывчатая смесь, видимо, служившая своего рода горючим, на котором двигался вперед советский режим: словно смесь бензина и машинного масла, смесь энтузиазма и страха, неотделимых друг от друга, синим пламенем горела внутри советского человека — не исключая и руководителей

---

⁵ Там же. С. 483.

государства, поскольку и они сами, и их близкие могли в любую минуту быть зачислены в категорию «врагов народа».

Ниже мы постараемся детальнее представить гамму важнейших советских страхов, выстроив их предварительную типологию, но вначале напомним одну частушку, которая хорошо передает психологическую атмосферу той эпохи: большевистское руководство, и в первую очередь главари небезызвестного НКВД, представлены здесь прежде всего своей звериной жестокостью и тем, что можно назвать «циркулирующей страхом» [«le flot circulaire de la peur»], который царил и на вершине власти:

Ежов, Берия, Ягода —
Сталиным менялися,
А в ЧеКа как были — звери,
Ими и остались (162/29).

Отголосок этих взаимных страхов слышится в смелой и даже нагловатой реплике Литвинова Сталину, если верить политическому анекдоту 1938 года, который прекрасно дополняет в прозе то, что частушка выражает в рифмованных строчках:

У наркоминдела М. М. Литвинова арестовали жену. Он жалуется Сталину на действия наркомвнудела Ежова. Сталин отвечает :

— У товарища Ежова, очевидно, есть на нее материал.

— Товарищ Сталин, у него и на вас есть материал!⁶

Но не страхом единым жив был Советский Союз. В молодом поколении, которое шло наверх, подминая под себя старое, было немало таких, кто верил в светлый новый мир, в могущество техники и кто был по настоящему воодушевлен. Ну что сказать, например, об этой молодой сентиментальной колхознице, которая тает от любви и с очаровательной наивностью хочет околдовать героя тогдашнего времени, тракториста, воплотившего в себе будущее страны:

---

⁶ Д. Штурман, С. Тиктин. Советский Союз в зеркале политического анекдота. London: Overseas Publication Ltd., 1985. P. 184.

Тракторист такой красивый,
Я его приворожу!
На его на трактор ночью
Две ромашки положу!⁷

Рядом с простодушием, в котором просматривается традиционное крестьянское поведение, резким контрастом выглядит цинизм заказных частушек, создаваемых неутомимыми рифмоплетами для клубной самодеятельности и эстрады:

Мы колхозницы-дойрки,
Быстро дело закрутим:
По-ударному работаем, —
Жить по-сталински хотим!⁸

На первый взгляд, о каком страхе может идти здесь речь? И однако, он незримо присутствует и движет рукой Юрия Соколова, который приводит эти вирши в своей книге «Русский фольклор» и который готов цитировать и еще более пошлые стишки во славу «отца народов»:

Жизнь зажиточна в колхозе —
Не минует наших рук.
Так сказал товарищ Сталин,
Наш любимый вождь и друг!⁹

Видимость порядка, отличавшая сталинскую эпоху, порядка, который пропаганда стремилась представить как идеальный и который на деле был идеально сюрреалистическим, скрывала достаточно сложный механизм, имевший целью полное уничтожение прежнего порядка и прежнего человека с его особенностями, представлениями о ценностях и мироощущением. На мой взгляд, примечательно, что такой механизм вышел не из «обычного» хаоса и даже не из «обычного» революционного хаоса, а из того, что можно назвать «организованным» хаосом. Как был организован этот хаос? Зачем он

⁷ Ю. М. Соколов. Указ. соч. С. 483.

⁸ Там же. С. 485.

⁹ Там же.

был организован? На эти вопросы нам и предстоит попытаться найти ответ.

Хаос и страх в России (в первой пол. XX в.)

Достаточно будет довольно простой периодизации и довольно схематичного очерка, чтобы показать целую гамму разнообразных российских страхов, бытовавших на протяжении полувека и связанных с глубочайшими изменениями, которые пережила Россия от революции 1905 года до смерти Сталина. Между этими событиями, а значит, и между разными типами страха, которые они порождали, выявляется не просто разница в степени, но поистине качественная разница, причем момент качественного разрыва, линия водораздела приходится точно на Октябрь 1917 г., когда к власти пришли большевики.

Обычный хаос — обычный страх (9 янв. 1905 — 25 окт. 1917 г.)

О самой мифе беспорядка-хаоса, царившего в России с незапамятных времен, написано немало. Создается впечатление, что он присутствовал на всем протяжении российской истории, начиная со знаменитого призвания варягов, о котором сообщает Повесть временных лет, до XIX в., когда А. К. Толстой сочинил пародию на «Историю государства Российского» Карамзина:

Послушайте, ребята,
Что вам расскажет дед.
Страна наша богата,
Порядка только нет.

Революция, начало которой положило Кровавое воскресенье 9 января 1905 г., сама была весьма кровавой, но кровь тогда проливали во имя социальной справедливости, а значит, в ущерб имущим классам: дворянам, купцам и вообще среднему сословию. Оттого и страх присутствовал в основном среди богатых, а не охватывал все население. Потом революционная

волна пойдет на спад, поскольку ни революционерам, ни созданным ими советам не удастся упорядочить крестьянские волнения, в обоих смыслах этого слова, и они останутся такими, какими их видел Пушкин, когда вывел свою формулу: «русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Что же касается репрессий со стороны царских властей, то как ни ужасны они были, их нельзя сравнить с систематическим большевистским насилием, а главное, вызванный ими относительный страх бессилён помешать новому всплеску революции. Это предельно ясно выражено в такой, например, частушке:

Жандармы были бы
Свирепы, как в ЧеКа, —
Революции не было б
Еще века (167/147).

Так что есть жестокость и жестокость, а значит есть страх и страх, как уточняет еще одна частушка, из которой видно, что народ их не смешивает, даже если при большевиках ему случается идеализировать прежние времена и царя-батюшку:

Был очень добрый царь,
Пришлось трон отдать:
Жестоким надо быть,
Чтоб власть держать (166/147).

После «Великого Октября» народ стихийно установит важное различие, когда придет к выводу, что отныне насилие будет распространяться на всех:

Своей мягкостью
Царь допустил просчет,
А ЧеКа за горло смело
Весь народ берет (169/147).

Таким образом, пресловутая царская «мягкость» на деле оборачивалась сохранением привычных общественных связей и традиционного миропонимания. Хочется привести в качестве примера выдержки из письма одного крестьянина-бедняка. Уже после свержения старого режима он обращается в пись-

ме к Учредительному собранию, которому предстоит собраться в самом начале января 1918 г. Он жалуется на повсеместный беспорядок, который его пугает, ибо никто ни за что не отвечает:

Одни грабежи да убийства и насилия, и жаловаться некуда¹⁰.

Именно потому, что беспорядок царит повсюду, он цепляется за то, что знает, прежде всего помня об уважении к власти и о тех ценностях, которые внушило ему православие: «Взываем и просим Учредительное собрание, ради Бога, ради Христа и ради всего святого и ради справедливости...»¹¹ (С. 183) Вполне понятны реакции этого крестьянина, понятен и его страх, который словно бы не выходит за пределы допустимого, равно как и беспорядок, пусть даже опасный и тревожный.

А все-таки, несмотря на быстрый ход событий, мы еще встречаемся с самыми разнообразными мнениями, которые до поры до времени являются взаимодополняющими, а не антагонистическими. Причем разброс мнений очевиден по таким фундаментальным вопросам, как национальная принадлежность или политические симпатии. В дооктябрьских частушках ощущается атмосфера достаточно мирного сосуществования различных позиций, без особой нетерпимости и ненависти:

Гей, яблочко,
Красная половинка!
Мой муж большевик,
А я украинка! (51/475).

Игривый тон соседствует с пониманием серьезности положения:

Сижу я на бочке,
А под бочкой качка;
Мой муж большевик,
А я гайдачка! ([Прилуки], 52/475)

¹⁰ Неизвестная Россия. XX век. II. М., 1992. С. 188.

¹¹ Там же. С. 183.

И даже грабить буржуев можно, пока не прибегая к открытому террору, как бы «по-свойски»: хотя речь идет о настоящей революции и буржуазии дают понять, что время ее прошло, но делают это с оттенком добродушной иронии:

Буржуйчики, буржуйчики,
 Позвольте миллионы!
 Теперь наше правление,
 Теперь наши законы! (Харьков, 16/472)

После водораздела, о котором уже шла речь, явно ощущается смена тона: от игривости добродушной гайдамачки мы переходим к настоящей ненависти большевика, яростного адепта классовой борьбы:

Не надо нам министров,
 Не надо нам царей;
 Бей буржуазию,
 Товарищи, скорей! (14/472)

Отныне осталось только два лагеря — большевиков и их врагов, — и отношения между ними строятся исключительно по принципу «кто кого».

Большинство частушек указывают на Ленина как на главного подстрекателя к насилию, как на человека, который развязал гражданскую войну и красный террор:

Войну гражданскую
 Он в стране разжег,
 Уничтожил тех,
 Кто для него был плох (134/144).

Кровавая дань

Проливаемая кровь представлена в частушках как своего рода жертвоприношение: народ платит кровавую дань за революцию, совершенную большевиками во главе с Лениным:

От войны гражданской Ленин
 В крови вымок по колени (5/273).

Для тех, кто поверил Ленину, кто сам сеял террор и у кого руки по локоть в крови, он предстает поначалу героем освободительной войны. Когда же наступает прозрение, гражданская война является в виде нескончаемой кровавой бани:

Народ Лениным гордился,
Хоть в своей крови топился (3/273).

Ленин — добрый! Друг здоровью!
Но залил Россию кровью (6/273).

Однако свою кровь проливали и другие люди: те, кто в надежде на лучшее будущее сеяли страх, а потом оказались обделенными:

Зря за власть, Семен,
Свою кровь ты лил:
Ее всю себе
Комиссар схватил (14/136).

За революцию
Кровь проливал Семен,
А имеет власть
Коммунист — не он (65/139).

До последней капли крови
Защищай в бою Совет,
А вернешся — на все просьбы
Ты в ответ получишь: «Нет!» (28/19).

Таким образом, путем превращения обычного беспорядка в организованный хаос, большевикам удалось навязать террор всему обществу, заставить его расстаться с прежними ориентирами и ценностями и превратить народ в податливую массу.

Организованный хаос —
организованный террор

Мне думается, что хаос в России в период между гражданской войной и смертью Сталина был организован намеренно. В самом деле, система являла собой идеологию у вла-

сти, т. е. идеократию, которая своей подавляющей мощью внушала ужас. До тех самых пор, пока не выродилась в пустую риторику, в «логократию», которая утвердилась после второй смерти «отца народов» на XX съезде КПСС.

Я постараюсь схематично представить, каким образом в частушках выявляются главные механизмы порождения страха через организованный хаос.

Как известно, страхом была охвачена подавляющая часть советского общества начиная с 1917 г., хотя бы потому, что установился такой режим, который Александр Койрэ назвал «тайным обществом наяву». Отпечаток конспирации, секретности советская жизнь сохранит на протяжении всей своей истории, как это можно увидеть на примере частушки начала шестидесятых:

Биографию с пеленок
Знаем про Гагарина,
А какой стрелял подонок
В баб, детей — все тайна (167/29).

Эта жестокая система, возникшая благодаря усилиям и неизжитым комплексам большевистских конспираторов, с самого начала стремившихся к монополии власти, устанавливалась через неприятие любых компромиссов и систематический террор, что в свою очередь немедленно порождало страх:

Комиссары уничтожили
Все лучшие умы,
А чекистов все боятся
Больше тигра и чумы (158/28).

То, что поражает народ больше всего, — это вопиющая несправедливость, чудовищные размеры совершаемых преступлений и одновременно неисчислимое количество жертв с момента прихода к власти людей вроде Железного Феликса:

Своей партии
Феликс — верный сын
Им замучен миллион,
А может, не один (190/149).

Отныне во имя классовой борьбы и с незыблемой верой в следование законам истории большевики приступили к тому, что сейчас назвали бы геноцидом, только не по расовому, а по классовому признаку. Согласно ленинской логике, убивать людей не только можно, но и нужно — во имя того, что большевики называли «нашей» моралью, которая противопоставлялась «их» морали.

Носители большевистской морали — чекисты, и частушки прямо указывают на них как на главный источник страха:

Пришла повестка мне,
Мол, явись в ЧеКа...
Затряслися руки, ноги,
И трещит башка (201/149).

Ибо кому не известны методы «органов» и их полная безнаказанность?

Раз, два, три, четыре,
В ЧеКа грамоте учили:
Не читать и не писать —
Ловко зубы выбивать (147/28).

А вот и результаты применения этих методов:

Чики-чики-точка...
В ЧеКа был два денечка:
Разбили голову и грудь —
Ни тряхнуться, ни вздохнуть (150/28).

Всем понятно, чего они хотят добиться — признания вины и полного подавления воли:

У ЧеКа свои порядки —
Там не поругаешься.
Почки, легкие отбили:
В чем велят — признаешься (152/28).

Признавали и самую немыслимую вину, причем — как на открытых процессах тридцатых годов — делали это с таким исступлением, словно хотели уничтожить самих себя, будучи не в силах вынести такого ужаса:

Попадешь в ЧеКа,
 То пиши — капут:
 Им попробуй докажи,
 Что ты не верблюд (224/151).

Неудивительно, что систематическим применением насилия большевики настраивали людей против себя, хотя одновременно провозглашали светлое будущее для молодого поколения. Частушка четко отделяет миф от реальности обычно при помощи черного юмора:

Дзержинский искренне
 Чужих детей любил —
 Ведь он же их отцов
 И матерей губил (188/148).

Были такие, кто осмеливался противостоять режиму конкретными действиями, сражаясь ли на фронтах гражданской войны или десять лет спустя сопротивляясь вступлению в колхозы, но были и иные формы оппозиции: слово, распространение слухов и сочинение анекдотов и частушек. Причем в условиях, когда отношения между властью и обществом строились по принципу «кто кого», тот, кто это делал, точно знал, на что идет:

Я частушку на частушку,
 Как на ниточку, вяжу.
 Вот за них-то я, подружка,
 За решеточкой сижу (574/59).

Почему эти люди испытывают страх?

Частушки показывают, что после прихода к власти в октябре 1917 г. большевики целенаправленно стремятся к внедрению организованного хаоса, чтобы свергнуть старый порядок, создать новый строй, установив господство в обществе и в умах людей:

Стоял царь у власти —
 Не было напасти.
 Пришли комиссары —
 Войны да пожары (65/21).

Для всех, кто не разделяет большевистскую идеологию (а в Учредительном собрании большевики составили только четверть депутатов, тогда как правые эсеры — 59 %), это означает полный переворот в системе общественных отношений и представлений. И частушка метко фиксирует результат:

Ленин любил серп и молот!
А в стране — хаос и голод... (10/273).

Следуя логике Клаузевица «война есть продолжение политики другими средствами», Ленин прибегает к систематическому насилию:

Призывал великий Ленин
К красному террору.
Дали лучшие умы
За границу дёру (87/23).

Таким образом, лучшие покидают страну, все остальные непролетарии вскоре подвергаются преследованиям или уничтожаются, а на поверхность выносятся люмпен-пролетариат:

До революции
Был полный вор, бандит.
Теперь заважничал:
Он в ЧеКа сидит! (192/149)

или еще:

Когда бандитом был —
Носил нож, кастет.
Стал чекист — и с наганом
Ходит много лет (193/149).

Такой переворот общества вверх дном приводит к перевороту и в системе ценностей: безымянные авторы частушек наблюдают, как худшие мстят за прежние унижения и терроризируют всех вокруг:

Когда-то мог любой
Его взашей прогнать,
В ЧеКа работать стал —
Заставил всех дрожать (195/149).

Действительно, благодаря применению насилия они заслуживают похвалу от новых властей, да еще получают от них повышение по службе:

Был до недавних пор
В округе первый вор,
Теперь у ПредЧеКа
Он — своя рука! (194/149).

Но кто они в конце концов, те, кто был ничем, а стал всем? Частушки ясно отвечают с горькой усмешкой:

Вся округа Ваньку знала:
Вор, пьяница и дурак.
Одел тужурку комиссара —
Пусть дурак, зато бедняк!
Мой миленок — комиссар,
А я — комиссарочка.
Он — кобель, я — проститутка:
Прекрасная парочка! (36/19)

Такую власть никто уважать не в силах, ее могут только бояться, но даже страх, который заставляет людей держаться от власти на безопасном расстоянии, не может подавить в них презрение:

В Чека работают
Людишки мерзкие
И их методы
Изуверские (177/148).

В этом новом «мире наизнанку» население изумленно наблюдает за тем, что творится:

Ленин все поперепутал,
Без пол-литра не поймешь:
Где геройство, а где подлость
Где делёж, а где — грабёж? (101/24)

Люди начинают ощущать на себе последствия развала привычной повседневной жизни, из которой исчезает даже простой здравый смысл:

У тебя, великий Ленин,
И заслуги велики:
Строил мост он в коммуны
Не через, а вдоль реки! (128/26)

Частушки пунктуально отмечают, как во всех сферах жизни организуется распад: например, большевик не работает, как полагается, а чешет языком:

Мой миленок — агитатор,
Агитатор боевой!
Говорит: «Работать надо
Не руками — головой» (456/50).

Естественно, он не уважает традиционных народных верований, а зря, — предостерегает его частушка:

Неужели вождь наш, Ленин,
Натворил так много зла?
Даже мать — земля сырая
Его прах не приняла (119/25).

Христианские заповеди для него пустой звук: если надо, он готов украсть:

Скоро буду комиссаром:
За идею я умру!
Получать все буду даром.
Не дадут — сам отберу! (11/18),

он готов солгать:

Меня вечером схватили,
А за что — и сам не знал.
Но в ЧеКа как притащили —
Все, что не было, сказал! (144/27),

он готов избить:

Сколько дважды два, не знает
Наш начальник ЧеКа,
Зато ребра так считает —
Пять недель болят бока (151/28)

и даже убить человека, который его кормит:

Комиссары так решили:
 Себе — сала и мяса,
 А кто это все растили —
 Тому девять грамм свинца! (53/21).

Для образцового большевика не существует такого понятия, как священные узы семьи:

Мой миленочек — партийный,
 Ему слава и почет!
 За идею коммунизма
 Он родную мать убьет (39/20).

Полюбила я майора,
 А он, сволочь, из ЧеКа:
 Посадил отца и брата —
 И не дрогнула рука (142/27).

Но и отец не остается в долгу — действительно, у него появилось немало новых способов поставить сына на место:

Мальчик просит папу, маму:
 — Дайте сахару к чайку...
 — Замолчи, троцкист поганый,
 Отведу тебя в «ЧеКу»! (136/27).

А уж органы не останутся ни перед чем, чтобы заткнуть человеку рот, загнав страх внутрь:

За ЧеКа дурная слава
 Утвердилась не зря:
 За грабеж — политбеседа,
 За два слова — лагеря (132/26).

Если верить частушкам, эта адская педагогика устрашения применялась с ленинских времен до самых недавних пор:

Кремлевские дармоеды
 В путч решили поиграть.
 Снова стали б наши дети
 По родителям стрелять (1364/117).

В путче не было побед,
Как и поражения:
Для народа было то —
Маневры устрашения (1371/117).

В конце концов весь этот страх, весь этот организованный хаос, который большевики так старательно навязывали народу, обернулся против них, как будто сам народ ухитрился провести собственные «маневры устрашения». Защитой против страха послужил, таким образом, не только черный юмор и сарказм, которых так много в частушках, но и неожиданная способность народа превращать большевиков в сверхъестественные существа. Чудотворца Ленина народ трансформирует в колдуна:

Колдун Ленин иль волшебник,
Объяснять я не берусь, —
Но сумел он одурачить
Так легко Святую Русь! (129/26)

А Сталина — в людоеда:

Сука Сталина рожала —
Аж вся Грузия дрожала:
«Ждите горя, ждите бед —
Появился людоед!» (168)

Большевиков, переступивших все мыслимые для человека пределы, народ подвергает, во-первых, настоящей бестиализации:

А в ЧеКа как были — звери,
Ими и остались (162/29),

а затем, как полагается, и дьяволизации:

На нас, грешников,
Бог наслал напасть:
Сатаническое племя
Захватило власть (18/136).

Все действия большевиков, и особенно Ленина, на самом деле превратили страну в настоящую преисподнюю:

И делам своим
 Был Ленин очень рад,
 Когда Святую Русь
 Превратил он в ад (146/145).

У народа нет сомнений в том, что вождь заключил пакт с самим дьяволом:

Удивляются: как Ленин
 Победить буржуев мог?
 Я уверен: не иначе
 Сатана ему помог (86/23).

Привлекая на помощь нечистую силу, он сам постепенно превращается в беса — причем сначала он это скрывает:

Почему наш Ленин лысый?
 Догадайтесь сами:
 Ему вывели рога
 Вместе с волосами (108/25),

а потом является народу, что называется, «во всей красе»:

Мы Ленина прославляли
 В семнадцатом до небес!
 Оказалось: он не ангел,
 А рогатый, страшный бес (103/24).

Так что как ни старался Владимир Ильич закамфлировать свою бесовскую природу, но не удалось ему обмануть свой прозорливый народ, который наконец раскусил его:

Мы по ленинским стопам
 Шагаем открыто!
 Узнаем его следы:
 На ногах копыта (102/24).

Ленин — ангел экстра-сорта!
 Но видны повадки черта (15/273).

В революцию сменили
 Мы на Ленина Христа.
 Оказался — черт безрогий
 И, конечно, без хвоста (5/17).

И разумеется, как и положено в народной традиции, после смерти Ильичу не удалось ускользнуть из цепких когтей своих собратьев:

Часовые Мавзолея
Глаз на миг-то не сомкнут:
Опасаются, что Ленина
В ад черти унесут (123/26).

Похоже, и Иосиф Виссарионович, верный продолжатель ленинского дела, разделил участь своего учителя:

Сталин в Бога век не верил
И не сделался попом,
Но зато нечистым силам
Верно он служил потом (169/29).

Итак, уже ясно, что частушки совсем не являются «фабрично-трактирной поэзией»¹², как зачастую с пренебрежением трактуют их высоколобые ученые. Они воплощают в себе полноценный и неожиданно глубокий жанр, способный своеобразно выразить всю полноту и весь драматизм бытия, сказать правду о любви и о страхе, о жизни и о смерти. В этом смысле они представляют собой исключительно важный источник, все богатство которого нам еще предстоит оценить. Он поможет нам лучше понять особенности советской системы, а также комплекс чувств, порожденных и поддерживаемых ею: причудливую смесь энтузиазма, ненависти и страха.

Париж, 9 апреля 2002 г.

---

¹² Т. Г. Иванова. О русской частушке Д. К. Зеленина. Цит. по: Заветные частушки. Указ. соч. Т. 2. С. 456.

Конт Франсис

**К ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ
СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ**
Внешнеполитические аспекты

Издатель А. Кошелев

Оригинал-макет подготовил А. Охотин

Художественное оформление обложки
М. Михальчука и Ю. Саевича

Корректор Л. Бондарева

Подписано в печать 20.11.2002. Формат 84×108^{1/32}.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Академическая.
Усл. печ. л. 5,67. Заказ № 246

Издательство «Языки славянской культуры».
ЛР № 02745 от 04.10.2000.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).
E-mail: Lrc-kozlov@mtu-net.ru
Каталог в ИНТЕРНЕТ <http://www.lrc-press.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Облиздат»
248640, г. Калуга, пл. Старый Торг, 5

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: 247-17-57, Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6.
(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order this publication
by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru
or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.